

Антифоменковская
мозаика

«АНТИФОМЕНКО»

АНТИФОМЕНКО

АНТИФОМЕНКОВСКАЯ
МОЗАИКА

Москва
Русская панорама
2001

Серия «АНТИФОМЕНКО»

Антифоменковская мозаика
Сб. научных статей

Редколлегия сборника:
к. ф-м. н. М.Л.Городецкий,
Ю.Д.Красильников,
И.А.Настенко,
Ю.В.Яшнев

Научный редактор
И.А.Настенко

А72 **Антифоменковская мозаика.** / Под ред. И.А.Настенко. – М.: SPSL-«Русская панорама», 2001. – 232 с., илл., табл. – (серия «Антифоменко»).

ISBN 5-93165-045-8

Сборник содержит статьи, посвященные критике различных аспектов пресловутой «новой хронологии» акад. А.Т.Фоменко и его последователей – антинаучной теории, огульно ставящей под сомнение результаты истории и смежных наук. В отдельных разделах даются сведения о предшественниках новоявленных Геростратов от «новой хронологии», а также об ученых, чья репутация благодаря изыскам «новохронологов» незаслуженно поставлена под сомнение.

Для историков, астрономов, студентов естественнонаучных и гуманитарных специальностей вузов и всех интересующихся вопросахми истории.

ББК 63.3(0)

В коллаже на обложке использованы фрагменты работ А.Т.Фоменко 1970-х гг.

ISBN 5-93165-045-8

© Авторы, указанные в содержании, 2001.
© Оформление. SPSL, 2001.
© «Русская панорама», 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей	4
Возвращаясь к дискуссии	
<i>Новиков В.А.</i> Математика и история	5
<i>Данилевский И.Н.</i> Пустые множества «новой хронологии»	12
<i>Быстров А.В.</i> Синхронны ли жанры литературы?	43
<i>Пирогова М.А.</i> Что можно найти в гробнице Тутанхамона	49
<i>Бродский В.</i> Академик с железным посохом	60
Оклеветанные (Птолемей, И.Скалигер, Г.Ф.Миллер)	
<i>Бронштэн В.А.</i> Преступление Клавдия Птолемея	64
<i>Хэмильтон Н.Т., Свердлов Н.М.</i> Приговор Птолемею. (Из рецензии на кн. Р.Ньютона «Преступление Клавдия Птолемея»).	
<i>Пер. Ю.Д.Красильникова</i>	73
<i>Скалигер И.</i> Автобиография. <i>Пер. И.И.Стамовой</i>	76
<i>Миллер Г.Ф.</i> Предложение, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве	80
Предтечи (И.Ньютон, Н.А.Морозов, М.М.Постников)	
<i>Лурье С.Я.</i> Ньютон – историк древности	84
<i>Бронштэн В.А.</i> Н.А.Морозов – предтеча творцов «новой хронологии»	144
<i>Храбров В.А.</i> Н.А.Морозов – дилетант-энциклопедист	154
<i>Городецкий М.Л.</i> Н.А.Морозов – переводчик и археоастроном	169
<i>Морозов – физик.</i> (Протоколы заседаний Астрономического отделения НИ им. П.Ф.Лесгафта)	176
<i>Вассоевич А.А.</i> По поводу статьи М.М.Постникова и «культурно-исторических» публикаций его последователей	170
<i>Горфункель И.Н.</i> О попытке закрыть историю. (Отзыв о работе М.М.Постникова «Введение в критику древней хронологии»)	199
<i>Дрбоглав Д.А.</i> По пройденному пути	217
Именной указатель	220

От издателей

Проанонсировав выход *завершающей* книги в серии «Антифоменко», мы нашего читателя невольно обманули – в процессе подготовки шести разделов «Антифоменковской мозаики» материалов набралось на «толстый» сборник, предполагающий уже переплет, а не обложку. Серийное оформление мы решили все-таки сохранить. Поэтому разделы «Наш архив» (содержащий статьи с критикой «новой хронологии», вышедшие в 1980-е гг.), «Новая хронология – это серьезно?» (веселые пародии с применением «новохронологических» методов) и «Ответы. Рецензии», а также общая библиография работ с критикой «новой хронологии» будут опубликованы отдельным сборником (уже подготовленным к печати) с названием по основному разделу «Новая хронология – это серьезно?». (Смех – сильное оружие. Стать посмешищем – обидная, но вполне заслуженная оценка творчества «новохронологов».)

Материалы во всех пяти сборниках серии не дублируются – Наш пятитомник является комплексным ответом «новой хронологии».

В настоящем сборнике публикуются убийственные, на наш взгляд, для «новой хронологии» работы С.П.Новикова и И.Н.Данилевского (раздел «Возвращаясь к дискуссии»), исследуются творчество и заблуждения их предшественников – И.Ньютона, Н.А.Морозова, М.М.Постникова («Предтечи»). Небольшой раздел «Оклеветанные» посвящен памяти ученых, чья репутация благодаря изыскам «новохронологов» незаслуженно поставлена под сомнение.

Огромную помощь в подборе и подготовке материалов оказал М.Л.Городецкий, за что выражаем ему нашу искреннюю признательность.

И.А.Настенко, Ю.В.Яшнев
Апрель 2001.

Математика и история

Первые шаги морозовщины

Много лет назад мы с братом Андреем почти каждое воскресенье ездили в гости к Ляпуновым, где собирались школьники – мальчики и девочки из небольшого дружеского круга интеллигентных математических семей. Бывал там и Владимир Игоревич (Дима) Арнольд, он на год старше меня. Восторженный энтузиаст, необыкновенно красивый и принадлежавший к одной из наиболее родовитых русских дворянских семей, Алексей Андреевич Ляпунов (ученик моего отца) организовал из нас ДНО – детское научное общество – и знакомил нас с началами разных наук, особенно биологии.

Где-то около 1950–1951 г. он рассказал нам о попытке известного революционера-народника Н.А.Морозова, отсидевшего 20 лет в Шлиссельбурге, базируясь на астрономических явлениях, явно или аллегорически (по его мнению) описанных в Библии и прочих древних книгах, дать истинные датировки исторических событий. Получалось, что войны классической Эллады, например Пелопоннесская война, должны датироваться не концом V в. до н.э., а XIII в. н.э., когда Грецией владели крестоносцы-франки. И так далее. Короче говоря, по Морозову, вся древняя история, которую мы знаем, – полная чушь.

Мои родители очень разозлились на Ляпунова за приобщение нас к этой (по их мнению) чепухе. Впрочем, как раз к тому времени возник известный радиоуглеродный метод, в основном подтвердивший стандартные датировки. После этого Алексей Андреевич никогда к истории не возвращался. Он внес большой вклад в защиту биологии и биологов, в борьбу против Лысенко (дочери Алексея Андреевича – мои старинные друзья – и члены их семей стали биологами). Много лет я не вспоминал Морозова, полагая, что все это кануло в Лету. Но не тут-то было.

В 1967 г., уже будучи молодым член-кором (меня избрали в 28 лет), я вернулся из первой своей заграничной командировки – из США (раньше меня не пускали без мотивировок, а после наказали еще на 10 лет за подписание писем в защиту диссидентов, в частности

* Публикуется по: *Новиков С.П. Математика и история // «Природа», 1997, №2. С. 70–74. Неизданный вариант без купюр см. на сайте М.Городецкого.*

А.С.Есенина-Вольпина) и почти сразу поехал в новосибирский Академгородок на топологическую конференцию. И вот там-то мой бывший научный руководитель Михаил Михайлович Постников выступил с лекцией об исторических открытиях Морозова. (Я не был на этой лекции, но слышал о ней от друзей и коллег.) Это было в июле 1967 г. Я изучал топологию в семинаре Постникова начиная с 1956 г. Он был очень компетентен в этой области тогда, но буквально через два года мы поняли, что Постников (которому было всего 30 лет) уже в прошлом как блестящий ученый.

Насколько я знаю, Постников поверил в то, что радиоуглеродный метод несостоятелен: он требует большого количества материала для статистики, которого, по его мнению, никогда нет. Кроме того, действительно выяснилось, что необходимы поправки, связанные с изменением радиационного фона Земли. Кажется, эти поправки не превышают 500 лет для событий 5000-летней давности, но если очень хочется во что-то поверить, можешь из копеечных событий сделать вывод на рубль... Я посмеялся и забыл о морозовщине еще на 10 лет.

К середине 70-х годов моими лучшими учениками в топологии, уже созревшими и признанными в мировой науке, стали В.М.Бухштабер, А.С.Мищенко и (отчасти) А.Т.Фоменко, который был также учеником П.К.Раппельского, нашего тогдашнего заведующего кафедрой, человека честного и интеллигентного. Они уже прошли уровень признания, выразившийся в приглашении сделать секционные доклады на международных конгрессах математиков. К этому времени я стал работать в математической физике. Фоменко сильно помог мне, когда я в 1971–1975 гг. взялся за постановку курса Римановой геометрии на мехмате (эта программа встретила сопротивление).

Необыкновенно симпатичный по-человечески, Фоменко нравился и мне, и многим другим еще и как автор весьма неплохих картин, к которым, однако, следовало бы особенно присмотреться, – по моему мнению, они заставляют задуматься о психических особенностях его личности. Некоторые странности я стал замечать и в его математической деятельности. В 1977–1981 гг. Мищенко и Фоменко написали серию, на мой взгляд, малосодержательных работ об интегрируемых системах. Я тогда же говорил им это, но не встретил понимания. Как видно, выйдя из топологии, они не смогли освоить главного в новой для себя области – теории интегрируемых систем, разобраться, что здесь интересно, а что нет. Мое мнение совпадало с мнением других профессионалов. Мне кажется, это показательно: если люди не могут понять соседней области математики, им, безусловно, еще труднее проникнуть в суть иных, чуждых математике, наук – таких как история.

Этап развитой морозовщины среди математиков

Во второй половине 70-х годов Михаил Михайлович Постников добился большого успеха. Он обратил в морозовскую веру группу талантливой мехматовской молодежи. Из моих учеников это Фомейко и Мищенко, к которым примыкали и другие, вскоре, однако, потерявшие к этому интерес. Поначалу Толя Фоменко пытался убедить и меня. Он считал, что как только я увижу астрономические аргументы (восходящие к Морозову, но уточненные им, Фоменко), то сразу же перейду в его веру. Он пришел ко мне с картами и чертежами. Возьмем Пелопоннесскую войну Афин и Спарты. В книгах Фукидида описаны три затмения: два солнечных с интервалом 7 лет и затем лунное – через 11 лет. Зная о подобной тройке и зная дату с точностью до сотни лет, можно ее указать абсолютно точно. Впрочем, этот аргумент уже был использован в XVII в., и была указана точная дата начала войны – около 430 г. до н.э.

Возражение Фоменко (Морозова) таково: у Фукидида одно из затмений описано как полное, а в тройке, которая реально наблюдалась в конце V в. до н.э., это затмение было неполным на интересующей нас территории. Полное мы найдем 15 веков позднее – в эру крестоносцев-франков. Выслушав Фоменко, я спросил его: как можно делать выводы из столь неточного по своему характеру материала? Это ведь не раздел математической логики. Знает ли он, каков уровень точности в древних описаниях? Был ли Фукидид свидетелем событий, придавал ли значение разнице между полным и неполным затмениями? Одним словом, подобные выводы – очевидная нелепость.

Фоменко был огорчен. Пропагандистская деятельность его и Мищенко стала весьма настойчивой. Когда они начали выступать среди историков, пробивая свои идеи в печать, я заявил, что эта деятельность может нанести урон научному авторитету кафедры дифференциальной геометрии МГУ. Возникли обиды, усугубленные моей низкой оценкой математических работ Фоменко и Мищенко этого времени. Новая теория, кажется, сильно понравилась 75-летнему математику, академику С.М.Никольскому, который представил работу в печать (И.М.Виноградов отказался). Однако вскоре между Фоменко, Мищенко и Постниковым возникла ссора. Трудился реально один Фоменко, но Постников хотел сыграть «лидером». Это с одной стороны. С другой – назревала реакция главных историков. Фоменко начал смягчать наиболее острые утверждения, отрекаться от опровержения истории, стремясь перевести все в русло статистического анализа источников, без каких-либо далеко идущих выводов.

Пользуясь отступлением Фоменко, Постников опубликовал в журнале «Техника – молодежи» статью, где в четкой форме сделал утверждение о несуществовании древней истории, приписал все «открытия» себе с указанием на своих адептов, уточняющих детали. В ответ три академика-историка с большим партийно-идеологическим весом, в их числе и Б.А.Рыбаков, Ю.В.Бромлей (не помню, кто третий), написали резкое письмо в ЦК, призывая закрыть морозовщину коммунистическими методами, а Фоменко и Постникову запретить преподавание.

Фоменко бегал объясняться в ЦК. Он рассказывал мне, как один крупный чиновник из отдела науки и образования ЦК сказал ему дружественно: «Мне абсолютно безразлично, когда именно убили Юлия Цезаря». Этот чиновник, как говорил Фоменко, позвонил в «Технику – молодежи» и «посоветовал» опубликовать опровержение Фоменко на статью Постникова.

С этого момента поведение Фоменко меняется. Он стал говорить, что порвал с историей.

Действительно, в эти годы (1984–1990) Фоменко стал снова активно заниматься математикой, трехмерной топологией. В теории трехмерных многообразий его вклад мне представляется весьма полезным. Он оказался умелым организатором численно-топологических расчетов. Так или иначе, но я решил в этот период, что Фоменко «выздоровел», и стал его поддерживать. У меня возобновились с ним теплые и, как мне казалось, доверительные отношения. Кстати, я заметил (это было уже во второй половине 80-х годов), что В.А.Садовничий, тогда первый проректор МГУ, очень хорошего мнения о Фоменко. Садовничий мне это сам высказал после доклада Фоменко о компьютерно-топологических работах, совместных с Матвеевым, на Математическом обществе где-то около 1987 г. Я сказал Садовничему, что это хорошие работы. В конце 80-х – начале 90-х годов я стал надеяться, что мне удастся передать Фоменко кафедру и Московское математическое общество, где я был президентом с 1985 по сентябрь 1996 г.

Только после 1992 г. окончательно стало ясно, что мне не удастся выполнить данное когда-то А.Н.Колмогорову обещание – возглавить и возродить отделение математики мехмата: хотя Н.Н.Боголюбов меня и поддерживал, А.А.Логунов и В.А.Садовничий в 1985–1987 гг. резко воспротивились. Мне стало ясно, что мехмат МГУ находится на стадии умирания, хотя, возможно, отдельные живые органы могут действовать долго. Я начал поддерживать деятельность более молодых хороших математиков по созданию Независимого университета (Арнольд был здесь активен еще до меня).

Триумф морозовщины

В конце 1990 г. Фоменко (не без моего участия) был избран членом-корреспондентом на последних выборах в Академию наук СССР. Перед выборами я организовал опрос членов Московского математического общества: кого из наших математиков, еще не избранных в Академию, они считают лучшими? Кого каждый из них считает лучшим в своей узкой области математики? О членах Академии мы не спрашивали из соображений корректности. Ю.И.Манин и Я.Г.Синай (которые еще не были даже член-корами) далеко оторвались от других, а из остальных Фоменко шел в первой тройке, вслед за Б.Е.Маргулисом и Д.В.Аносовым.

Я понимал, конечно, что он обязан своей популярностью как искусной, красиво сделанной рекламе, так и симпатии математиков в СССР (да и за рубежом) к своим картинам. Я поддержал избрание Фоменко член-кором после того, как стало ясно, что Синай не проходит, а Манин и Аносов уже были выбраны. Фоменко активно поддержал Никольский. Мир начал быстро меняться. Я стал на часть года уезжать в различные страны. В 1992 г., проводя весенний семестр в Мэриленде, я узнал, что Фоменко по договоренности с Логуновым и Садовничим разделил мою кафедру. Перед моей поездкой в США он мне ни слова не сказал о своих планах.

Как быстро выяснилось, Фоменко нужна была кафедра в качестве базы для нового тура крупномасштабного наступления на историю. Тогда же, весной 1992 г., я последний раз поддержал (весьма слабо) Фоменко на выборах в РАН, на этот раз в академики: я прислал e-mail из США, где заявлял, что поддерживаю Адяна, Аносова, Ульянова и Фоменко. Тогда его не выбрали. По возвращении из США в 1992 г., через месяц после выборов в Академию, я узнал две вещи, которые были для меня большой новостью.

Первое – это разгром в научной литературе книги Фоменко по геометрии. Я имею ввиду отзыв известного американского математика Альмгрена в «Bulletin of AMS» на книгу Фоменко по многомерному вариационному исчислению, где указывались грубые ошибки, о которых Альмгрен сообщил Фоменко до выхода книги. Один из лучших геометров мира – М.Громов – публично заявил в Мэриленде, что статьи и книги Фоменко написаны очень ловко: красота презентации результатов во введениях, как и на публичных лекциях, не имеет никакого отношения к малоинтересному, абстрактному содержанию его математических теорем.

Второе, о чем я узнал летом 1992 г., – что в Издательстве МГУ незадолго до этого появилась книга Фоменко «Методы статистического анализа нарративных текстов и приложение к хронологии», в

которую вошел полный состав всего морозовского бреда. При публикации ее университет поступил осторожно: было сообщено, что книга издается за счет автора. Книга открывалась отзывом «президента Международного общества им. Бернулли» профессора А.Н.Ширяева, где говорилось о достижениях этой книги в области математической статистики.

Западные вероятностники, которым я уже показал «Историю по Фоменко», поражаются этому отзыву: они знают Ширяева как человека умного и рационального. Как сообщил мне сам Ширяев, он посылал книгу на отзыв трем западным экспертам из Общества Бернулли, и реакция их была положительной. После длинного разговора Ширяев, однако, признал, что он посылал сочленам по Обществу Бернулли отнюдь не текст книги, а английское резюме, где предлагался некий статистический тест и заявлялось о намерении применить его к истории. Именно это и было процензировано. Самого опровержения истории в этом английском резюме не было. Дальше позвольте мне роль Ширяева не комментировать.

За последние 25 лет я неоднократно наблюдал случаи, когда доказывалась какая-то чушь (например, что человек усваивает азот прямо из воздуха, не говоря уже о разных нелепых теориях в астрофизике и т. д.), – и всякий раз тут оказывался свой матстатистик, который давал научную базу с помощью «умной» статистической терминологии. К сожалению, дважды на моей памяти это были мои коллеги, вероятностники и статистики из Института им. Стеклова. Статистика – такая вещь, что если засунуть правильно сделанные данные, то и получишь что надо – был бы интерес.

Бухштабер – один из лучших моих учеников в топологии, работающий также в прикладной математике, – по просьбе действительно серьезных прикладных статистиков из его с Айвазяном семинара несколько лет назад приводил к ним Фоменко с его теориями и данными, отстраняясь (как друг Фоменко) от личного участия. Фоменко сделал доклад красиво, но они запросили и рассмотрели сам материал по существу и затем пожалы плечами – ничего здесь нет.

В декабре 1993 г., во время конференции по геометрии, проходившей в Тель-Авиве, я был в гостях у Лени Макар-Лиманова, математика нашей школы, и предложил пари: откройте мне книгу Фоменко (о которой уже говорилось) на любой странице три раза, и я найду на этой странице что-нибудь фантастическое. У сына Макара-Лиманова, студента, эта книга была. Пари состоялось. В первый раз я указал на отождествление Древней Ассирии с Германией. Во второй раз – на идентификацию вавилонского пленения

древних иудеев с авиньонским пленением пап. В третий раз – на идентификацию германского вождя Одоакра (Одовакара), убившего в 476 г. последнего западно-римского императора, с Отто Кайзером, императором Германской империи, жившим несколько столетий спустя. Я выиграл.

В последующие годы Фоменко выпустил целый поток книг по опровержению истории. В некоторых из них он продолжал помещать предисловие «президента Общества им. Бернулли» А.Ширяева. Книги Фоменко уже стали официально издаваться под маркой МГУ, мехмата, учебно-научного центра при МГУ и т.д. История опровергнута с помощью математики! Это уже не хобби, а основная работа.

Фоменко успешно опроверг и русскую историю. Киевской Руси не было. Монгольского ига не было. Батый – это русский атаман по прозвищу Батя, он же Иван Калита. Дмитрий Донской – он же Тохтамыш, причем так называемая Куликовская битва была на самом деле в Москве, «на Кулишках». Ставка Мамаю была где-то на Таганке. Иванов Грозных было четыре (не мог же один человек иметь 8 жен!), один из них стал Василием Блаженным...

Фоменко дал серию интервью широкой прессе об этих открытиях. Осенью 1995 г. он в числе прочего поведал «Комсомольской правде», что Исаак Ньютон придерживался тех же взглядов на достоверность истории, что и он. Говорил он это и в других местах. Как это может быть, скажите на милость, если Ньютон в специальных трудах анализировал вопрос: родился Иисус Христос точно в нулевом году или на несколько лет раньше? Кажется, по Морозову–Фоменко, здесь нужно говорить о смешении разных имен и смещении дат лет на тысячу. Ньютон сомневался в достоверности египетской истории более чем трёхтысячелетней давности (британцы этого стесняются, хотя, вспомните, это было начало XVIII в., когда достоверной считалась лишь Библия). Подвергать сомнению основные события последних трех тысячелетий Ньютону не пришло бы в голову и в тяжелом сне. И все это, как утверждает Фоменко, доказано с помощью математики!

Его выбрали академиком РАН в 1994 г. при активной поддержке И.Р.Шафаревича, а в 1996 г. – заместителем академика-секретаря Отделения математики РАН, причем на обсуждении за его исторические изыскания заступился академик В.И.Маслов. Скажите, пожалуйста, почему подобная деятельность стала помогать административно-научной карьере Фоменко?

Июль 1997

Пустые множества новой хронологии

Несколько предварительных замечаний

Как рассчитать длину шара? Услышав или прочитав этот вопрос, человек, у которого от геометрии остались только смутные школьные воспоминания, в первое мгновение скорс всего, начнет судорожно вспоминать формулы... Но тут же спохватится: таких формул нет и быть не может. «Длина» и «шар» – в геометрии понятия несопрягающиеся. Хотя в обыденном мышлении такое сочетание, пожалуй, может рассматриваться как вполне логичное. Так что мгновенное замешательство почти неизбежно, несмотря на то, что речь идет о вещах в самом прямом смысле слова элементарных.

Чувство, которое возникает у человека, освоившего хотя бы азы источниковедческого анализа и исторического построения, при чтении многочисленных трудов, подписанных именами А.Т.Фоменко, Г.В.Носовского, В.В.Калашникова и их – увы, уже появившихся – последователей, думаю, можно сравнить с опущениями, которые должен испытывать математик, читающий, к примеру, следующее.

Деление 8 на 2 дает 3 (при делении по вертикали) или 0 (при делении по горизонтали). Поэтому число 8 *должно быть равным* сумме двух троек либо двух нулей (или, что то же самое 0×2). Поскольку в математике не оговаривается вопрос, как именно следует делить восемь на два, постольку можно делить и так, и эдак. Наконец, никому не заказано получить при делении 8 на 2 четверку, хотя как это удастся математикам, во многом остается загадкой. Главное другое: результат, очевидно, и в том, и в другом, и в третьем случаях обязательно будет одинаковым, т. е. $4 = 3 = 0$. Из этого следует еще один очень важный вывод: $8 = 6$ (другая цифра, обозначающая сумму двух «вертикальных» половинок восьмерки) $= 0$ (цифра, обозначающая результат сложения двух «горизонтальных» половинок восьмерки). Итак, $8 = 6 = 4 = 3 = 0$. Значит, во всех числах, имеющих в своем составе цифры 8, 6, 4 или 3, можно, если захочется исследователю, произвольно подставлять цифру 0. И наоборот: если результат по каким-либо причинам не устраивает производящего расчет, вместо нулей можно подставлять шес-

терки или восьмерки, либо четверки, но, может быть, и тройки – в любом сочетании.

Правда, мне могут возразить, что математика подразумевает под словом «деление» вовсе не разрезание цифры на части, а деление *количества*, которое обозначается этой цифрой. Но ведь слово «деление» можно понимать по-разному. Кроме того, математическая картина мира отнюдь не бесспорна. В то же время большинство из нас, воспитанных на школьном курсе математики, убеждены, что арифметические действия – дело в принципе несложное: достаточно, мол, взять исходные числа и подставить их в соответствующие формулы.

Надеюсь, читатель понял из наших рассуждений, что это не так. Общепринятая точка зрения – результат многочисленных заблуждений, насаждаемых в общественном мнении математической профессурой, которая закоснела в догмах, противоречащих здравому смыслу. А потому прислушиваться ко мнению профессионалов по поводу уникального явления в мировой научной литературе по математике (т. е. рассуждений, приведенных выше) не стоит. Разве что математики отрекутся от своих заблуждений и вступят со мной в конструктивный научный диалог...

Практически весь предыдущий абзац (правда, с заменой истории на математику) позаимствован у авторов, вот уже четверть века пишущих книги, в которых отрицаются элементарные истины исторической науки. Трудов такого рода уже около полутора десятков томов, а авторы грозятся еще издать их «полное изложение». Последняя угроза тем более странна, что в подавляющем большинстве упомянутых изданий основное содержание – не более, чем сплошные повторы (зачастую – текстуальные) предыдущих книг. Серьезные ученые-историки предпочитают делать вид, что трудов А.Т.Фоменко, Г.В.Носовского и В.В.Калашникова не существует. Судя по всему, им просто жаль тратить драгоценное время на чтение сомнительных, с их точки зрения, рассуждений. Тем более, что потенциальные собеседники не слышат, если с ними не соглашались. Об этом свидетельствует полное пренебрежение их к многочисленным критическим статьям, написанным профессионалами-историками и астрономами высокого класса.

Дело, между тем, зашло слишком далеко. Только человек, не понимающий, что значит печатное слово в России, может отважиться опубликовать многотысячными тиражами спорные, мягко говоря, гипотезы *академика*, да еще с грифом Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, к тому же – от имени Учебно-научного центра довузовского образования; дру-

гими словами, пособия для школьников, подготовленные в ведущем вузе страны представителем высшей научной элиты. И вот результат: уже есть случаи, когда не вполне грамотные чиновники от образования рекомендуют школам приобретать эти книги и использовать в учебном процессе. История повторяется. Вероятно, точно так же когда-то в школах начинали пропагандировать труды другого академика, разводившего на их страницах ветвистую пшеницу.

Однако эмоционально-оценочные высказывания, как и невежество, – не аргумент. В науке же, как известно, спорят именно аргументы, а не позиции. Чем же оперируют наши авторы? Быть может, их доводы действительно имеют под собой реальную почву? Давайте попытаемся разобраться.

Исходные посылаки

Толчком к появлению «новой хронологии» послужило, насколько можно понять из публикаций, несколько моментов.

Во-первых, момент, так сказать, естественнонаучный. Он связан с су^бто астрономической проблемой, которая в середине 70-х гг. оказалась в сфере внимания талантливого математика и очень неплохого художника-графика, но, уточним, не историка и не астронома – А.Т.Фоменко. Речь шла об изменениях в показателе торможения (у А.Т.Фоменко – ускорения¹) Луны под действием приливной волны, которую та вызывает на Земле (так называемая вторая производная лунной элонгации, выражающаяся в секундах дуги за столетие). Их обнаружил английский геофизик и специалист в теоретической и экспериментальной баллистике Р.Ньютон². Впрочем, астрономы сочли такие изменения вполне естественными.

Однако А.Т.Фоменко не склонен доверять профессионалам. Он усомнился в том, что колебания, выявленные Р.Ньютоном (и, заметим, превышающие по абсолютным показателям аналогичные расчеты других исследователей), могут вызываться природными причинами. Неизбежным (как представляется А.Т.Фоменко) следствием стало «объективное» требование изменить датировки древних и средневековых затмений, которыми пользовался Р.Ньютон в своих вычислениях, чтобы ликвидировать сами эти колебания.

Правда, больше к теме передатировки солнечных и лунных затмений А.Т.Фоменко не возвращался... Возможно потому, что показатели затмений достаточно подробно изучены профессиональными астрономами, причем практически все они вполне удовлетворительно совпали с летописными датами³. К тому же оказалось,

что анализ упоминаний затмений Солнца и Луны в летописях далеко не всегда может дать однозначный ответ на вопрос, когда же, собственно, они наблюдались.

Так, под 6630 г. в «Лаврентьевской летописи» зафиксированы солнечное и лунное затмения, произошедшие соответственно 10 и 24 марта. Действительно, затмение Солнца русский летописец мог наблюдать 10 марта. Проблема «лишь» в том, что на эту календарную дату приходились затмения как в 1103, так и в 1122 гг. Причем оба они были примерно одинаковы по фазе (0,458 и 0,333 солнечного диаметра) и наблюдались приблизительно в одно время суток (в 6 ч. 48 мин. и в 7 ч. 8 мин. утра). Так что помочь однозначно датировать это сообщение могло только упоминание затмения Луны... если бы оно не приходилось на 24 марта в тех же 1103 и 1122 гг.⁴ К тому же идентификация летописных записей о наблюдении затмений затруднена уже в силу их краткости и «ненаучности». Не облегчает эту задачу и отсутствие необходимой информации о месте, где данная запись составлялась.

Во вторых, момент историографический. Приблизительно в то же время А.Т.Фоменко попал на лекцию о Н.А.Морозове. Как известно, знаменитый народоволец, отбывая 21 год в одиночном заключении и имея возможность читать в это время только Священное Писание», пришел к следующим, вполне материалистическим выводам. Коль скоро в Новом Завете сбываются пророчества Ветхого Завета, то последний не мог быть написан прежде первого: сначала некоторые события должны состояться, и только потом, задним числом, их можно «предсказать».

Самой ранней книгой Нового Завета, очевидно, является Откровение Иоанна Богослова. Следовательно, все прочие библейские книги были написаны позже него. Поэтому все исторические факты, которые упоминаются в Ветхом и Новом заветах, могут относиться ко времени не ранее 395 г., которым Морозов датировал «Апокалипсис» (кстати, именно по показателям солнечного и лунного затмений, которые, как полагал исследователь, описывались в «Апокалипсисе» в символической форме). Из этого он сделал вывод, что вся ранняя письменная история человечества – не более, чем выдумка.

Эта мысль, собственно, и вдохновила А.Т.Фоменко на новые исторические изыскания. Они привели его к ряду друг друга порождающих, взаимоподдерживающих и друг без друга просто не имеющих права на существование гипотез, переросших в «*новую гипотетическую концепцию русской хронологии, радикально отличающуюся... от концепции Н.А.Морозова*»⁵, а также, заметим, от датиро-

вок, подкрепленных всем массивом известных на сегодня вещественных, письменных и лингвистических источников, которыми располагают гуманитарные науки.

В-третьих, момент хронологический. По убеждению А.Т.Фоменко, история не располагает независимой системой датировки событий, а опирается только на «искусственные» даты, сохранившиеся в письменных источниках. Исключение составляет археология, где используются естественнонаучные методы датирования (дендрохронология, радиоуглеродный метод). Но и они крайне неточны и могут давать абсурдные результаты (приводится, скажем, пример, когда современная раковина из Флориды по показаниям C^{14} должна датироваться приблизительно 3080 г. н. э.)⁶.

В-четвертых, момент психологический. Очень многие события прошлого узнаваемы. Они как бы повторяют друг друга. Создается впечатление, что история «повторяется» или, точнее, ее повторяют, но не в реальности, а в описаниях. Из этого делается далеко идущий вывод: на самом деле история человечества состоит из гораздо меньшего числа событий, чем это принято думать. Просто многие из них описываются как несколько разновременных событий каждое, для чего изменяются имена действующих лиц, топонимы и соответственно указываются разные даты. Таким образом, история «расширяется» во времени и пространстве, хотя на самом деле увеличивается лишь число описаний одних и тех же событий сравнительно недавнего прошлого.

Чуть подробнее хотелось бы остановиться на третьем из перечисленных оснований. Если остальные моменты понятны, хоть и весьма спорны, то проблема абсолютного датирования в истории – следствие явного заблуждения, обусловленного слабым знакомством со специальной литературой или недобросовестностью авторов. Действительно, в истории существует такая проблема. Но выглядит она вовсе не столь драматично. Очевидно, авторы не знают, что за последние два десятилетия удалось добиться больших успехов в согласовании дендрохронологии и радиоуглеродных датировок. Первая дает непрерывную шкалу относительных дат для определенной территории. Вторые же дают абсолютные даты, которые имеют значение для всего земного шара. Установление возраста органических объектов по остаточному содержанию в них C^{14} сопряжено с немалыми трудностями, поскольку любая «добавка» современной органики к датируемому образцу может значительно «омолодить» его. Кстати, большинство приведенных А.Т.Фоменко примеров ошибок в радиоуглеродных датировках имеют именно эту особенность: они не «удревают», а «омолаживают» датирова-

мый объект! Это в корне противоречит всем дальнейшим гипотетическим построениям «новых хронологов».

Но и это не все. Не успел У.Ф.Либби получить Нобелевскую премию за разработку методики радиоуглеродного датирования, как были открыты так называемые эффекты Фриза и Зюсса: оказалось, что концентрация радиоактивного углерода в атмосфере Земли изменчива. Было установлено, что на содержание в атмосфере C^{14} влияют многие астро- и геофизические факторы, в том числе солнечная активность⁷. Вскоре удалось доказать, что радиоактивный изотоп углерода вырабатывается в верхних слоях атмосферы, находится в обратно пропорциональной зависимости от уровня солнечной активности и изменяется год от года. Из-за этого его накопление органическими объектами происходит неравномерно. Для того чтобы установить уровень солнечной активности в прошлом (математически эта величина расчету пока не поддается), было предложено использовать показатели остаточного содержания C^{14} в годовых кольцах деревьев⁸. Реально такую работу удалось провести доктору Дж.Элли из Бульдеровской обсерватории в Колорадо. Замерив содержание радиоактивного углерода в годовых кольцах сосен (в том числе окаменевших экземпляров) в Скалистых горах, он получил абсолютно надежную шкалу радиоуглеродных дат на 5000 лет⁹. Работы Дж.Элли позволили скоррелировать данные дендрохронологии и радиоуглерода. Впоследствии абсолютную шкалу датировок смогли продолжить еще на 2000 лет¹⁰. При этом, вопреки умозрительным построениям «новых хронологов», археологические датировки существенно удревнились.

Однако самое любопытное заключается даже не в этом. Абсолютные временные показатели экстремумов солнечной активности, установленные Дж.Элли, практически совпали с так называемым «рядом Шоува», т.е. датами максимумов и минимумов солнечной активности, восстановленными английским геофизиком из Бекингема, доктором Д. Дж. Шоувом по упоминаниям о солнечных пятнах и полярных сияниях в письменных источниках – китайских хрониках, западноевропейских анналах, древнерусских летописях¹¹. Хотя, полагаю, для наших авторов естественнонаучные исследования, если они противоречат их концепции, – не указ.

Тем не менее историки сегодня имеют вполне надежные естественнонаучные основы для датировки археологических объектов. Мало того, они располагают абсолютной (и в хронологическом смысле, и в смысле достоверности) шкалой, позволяющей датировать сообщения письменных источников о наблюдении явлений,

связанных с уровнем солнечной активности (низкопиротных полярных сияний, солнечных пятен, флоккул, галлосов, а также неурожаяев, ранних или поздних заморозков, засух, налетов саранчи и т. п.)¹². Добавлю, что естественнонаучные методы вполне применимы и для датировки пергамента древнейших рукописей. Все это не учитывается авторами «новой хронологии», видимо, потому, что по вопросам, относящимся к их концепции, они предпочитают читать популярные, а не специальные издания.

Пока, однако, мы коснулись лишь «объективных» причин появления работ А.Т.Фоменко на свет. Но есть еще и менее заметные теоретические основания, которые дали жизнь «новой хронологии».

Аксиоматика новой хронологии

Полагаю, скромным создателям «*уникального явления в мировой научной литературе*»¹³ лучше, чем гуманитариям, известно, что всякая теория базируется на системе постулатов, не нуждающихся в доказательстве. Стоит изменить эти основания – и теория рухнет, как произошло, скажем, с евклидовой геометрией, когда Н.И.Лобачевский предположил, что две параллельные могут пересечься, а через две точки можно провести несколько прямых. Точнее, на смену одной системе теоретических положений придет другая, отличная от нее, в которой законы прежней системы «работать» не будут. Это, однако, касается только теории. С ее изменением не изменится объективный мир, который она описывает. Он станет иным только в сознании человека. Этого, правда, бывает вполне достаточно, чтобы начать изменять его. Здесь-то, пожалуй, и кроется основная опасность теоретических построений наших авторов: не влияя на объясняемые ею процессы, она может произвести существенные «хронологические» сдвиги в головах наших соотечественников. Последствия же последнего поистине непредсказуемы¹⁴.

Какие же представления лежат в основе «нового подхода» к хронологии?

Во-первых, любое описание одного и того же события, явления, процесса признается источником для его, т. е. самого события, изучения. При этом не важно, описывает изучаемое событие его очевидец или участник, либо перед нами – в сотый раз переписанное (и, естественно, в сотый раз несколько измененное, искаженное переписчиком или интерпретатором) одно и то же информационное сообщение. Все они считаются равноценными в плане

объема и качества информации об изучаемом объекте. Интересно, что сказали бы по этому поводу специалисты в области теории информатики?

Во-вторых, это убеждение, будто похожие описания, совпадающие в некоторых деталях (причем, не обязательно всех и не обязательно существенных), соответствуют одному и тому же явлению.

В-третьих, отождествляются даты: 1) самого описываемого события, 2) текста, в котором оно описано, и 3) списка, в котором сохранился интересующий нас текст.

Насколько эти аксиомы приложимы к историческому исследованию?

Первое. Любому историку известно, что историческое исследование может опираться только на исторические источники, которые принципиально отличаются как от исторических исследований, так и от исторических пособий. Разница между этими понятиями весьма существенна. Она заключается прежде всего в качестве информации, которая может быть извлечена из той или иной категории текста. Скажем, в нормальных пособиях, как правило, не содержится иной фактической информации о прошлом, кроме той, что почерпнута из исторических исследований. В тех, в свою очередь, не может присутствовать информация о прошлом, почерпнутая из пособий; основа исследования – фактические сведения, взятые только из источников. Наконец, историческими источниками признаются исключительно такие сообщения о прошлом, в которых отсутствует какая бы то ни было информация из исследований и пособий; в их основе – впечатления и переживания участников и очевидцев событий. На практике, естественно, картина может быть значительно сложнее: описываемые события могут отделяться десятками и сотнями лет от тех текстов, которые о них повествуют. Тем не менее такие тексты могут быть отнесены к категории исторических источников, но только при одном-единственном условии: в *данной* цепочке передачи информации они стоят ближе всех прочих текстов к интересующему нас событию и, следовательно, в *данном* информационном канале наиболее непосредственно отображают его.

Между тем, к числу исторических источников «новые хронологии» относят, скажем, вузовские (хорошо – не школьные;) учебники истории, научно- (и не вполне научно-) популярные издания, вплоть до «Истории казаков» А.А.Гордеева (которая, по мнению авторов, относится к числу «западных средневековых источников»¹⁵, а по мнению специалистов, – к современной «псевдонаучной фантастике»¹⁶). Их «показания» А.Т.Фоменко включает, кстати, в свои расчеты,

увеличивая тем самым число упоминаний того или иного события часто в нужное число раз, что бывает очень полезно для более «точного» совпадения графиков *«статистического анализа нарративных текстов»*. Так, в один ряд «исторических» источников (т. е., по Фоменко, любых источников любой информации о прошлом) попадают Тит Ливий и В.С.Сергеев, который ниоткуда больше, кроме как из упомянутого Тита Ливия, не мог почерпнуть информацию о событиях, которые «статистически» исследует А.Т.Фоменко.

Кстати, не знаю, намеренно или по незнанию, но наши авторы полностью игнорируют существование древнерусских рукописей XI–XV вв. («Остромирово Евангелие» 1056–1057 г., «Изборники» 1073 и 1076 г., «Архангельское Евангелие» 1092 г., «Мстиславово Евангелие» 1103 г. и др.). Во всяком случае, какие бы то ни было упоминания древнейших книг, созданных в Древней Руси и сохранившихся до наших дней, в трудах «математических» историков отсутствуют. Зато им известны совершенно фантастические *«разряды от Рюрика»*¹⁷, которыми, по мнению А.Т.Фоменко и Г.В.Носовского, пользовался М.В.Ломоносов. *«Существование сегодня»* этих «источников» – на совести наших авторов. Кстати, что такое разряды (не в математике, естественно) они, видимо, представляют слабо.

Читателя «новых хронологий» уверяют, что разрядные книги рассказывали *«о происхождении русских боярских родов»*¹⁸. Однако, как известно, разрядами назывались росписи назначений на высшие должности, а вовсе не генеалогия, как таковая. Эти записи велись в Разрядном приказе и сводились в погодные разрядные книги. В 1556 г. была составлена официальная разрядная книга «Государев разряд», который начинался с 1475 г. (пожалуй, даже авторами «новой хронологии» он вряд ли может быть соотнесен с Рюриком). Во всем этом нетрудно убедиться, просто почитав В.О.Ключевского¹⁹, труды которого уж точно известны авторам рецензируемых работ, или – что еще лучше – перелистав публикации разрядных книг. Однако Г.В.Носовский и А.Т.Фоменко о такой возможности не подозревают (или не хотят знать), поскольку убеждены сами и пытаются убедить в том читателей-дилетантов, что *все* разрядные книги были сожжены в Москве при царе Федоре Алексеевиче²⁰. Из этого следует, что им не известны не только серьезные исследования на сей счет, но даже детская популярная литература, рассказывающая об истории местничества²¹.

Второе. Описания разных исторических событий могут удивительно напоминать друг друга.

С одной стороны, это связано с тем, что основные события, происходящие с людьми, действительно, повторяются: все люди появляются на свет и умирают, большинство людей учится, женится, рождает детей и т. д. При этом наблюдается очень небольшой (с точки зрения статистики) разброс в абсолютных показателях, которыми могут характеризоваться данные события. Скажем, жизнь человека укладывается в ограниченное число лет, и даже если мы повысим точность измерений этого параметра (до месяцев и даже дней), что не всегда возможно из-за состояния источниковой базы, результаты все равно будут повторяться.

Приведу пример. Не так давно в «Московском комсомольце» (где, кстати, пропагандируются и работы А.Т.Фоменко) была опубликована статья о поразительных совпадениях некоторых деталей жизни Наполеона I и Адольфа Гитлера, испанского короля Умберто I и никому не известного содержателя рестораника, которого тоже звали Умберто, Авраама Линкольна и Джона Кеннеди (с разницей якобы ровно в 100 лет), а также двух моряков с одним и тем же именем, которым, с разницей в 121 год, удалось спастись при кораблекрушениях²².

Правда, при ближайшем рассмотрении оказывается, что многие из этих «дублировок» не совсем точны. Скажем, для того чтобы биографии Наполеона и Гитлера «совпали» с разницей ровно в 129 лет, автору расчета, приведенного в статье А.Гореславского, пришлось «чуть-чуть подправить» некоторые даты жизни прославленного французского императора. Скажем, вместо 15 августа 1769 г. в качестве даты рождения Наполеона указывается 1760 г., вместо 18 брюмера 1799 г. датой прихода Бонапарта к власти называется 1804 г. (когда тот был коронован); упоминается, что тот «проиграл войну» в 1816 г. (1916 г. в публикации – явная опечатка), в то время как уже 15 октября 1815 г. Наполеон был доставлен на остров Св. Елены. Причем в статье указывается, что императору, как и Гитлеру, когда тот проиграл войну, в этот момент было... 56 лет, хотя на самом деле Наполеон умер 52 лет от роду и т. д., и т. п.

К тому же, как мы вскоре убедимся, авторы «новой хронологии» вовсе не стремятся к «излишней» точности в своих «статистических» выкладках. Работая с «человеческим материалом», они пользуются хронологическим допуском ± 37 лет²³, т. е. по существу манипулируя целыми поколениями (особенно если учесть, что в средневековье средняя продолжительность жизни горожанина, видимо, не превышала 22–32 лет)! При таких «погрешностях», несомненно, можно доказать тождество в истории кого и чего угодно.

Повторяемость многих «сюжетных линий» в истории была замечена уже давно. Еще Екклезиаст писал:

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас»²¹.

Ему вторил Г.В.Ф.Гегель, а вслед за ним К.Маркс: «История повторяется дважды...». Л.А.Чижевский связывал цикличность исторических процессов с циклами солнечной активности (от самых коротких, укладывающихся в считанные часы, до 600-летних). Н.Д.Кондратьев объяснял совпадения некоторых социальных процессов, разделенных определенными временными промежутками, теорией больших экономических волн. О цикличности исторического процесса писали Платон и Аристотель, Полибий и Дж.Вико, О.Шпенглер и Н.Я.Данилевский, А.Тойнби и Л.Н.Гумилев. В конце концов, даже перипетии всех детективных повестей и романов могут быть сведены всего к шести типовым сюжетам. Другими словами, трехкратный «повтор» истории – открытие не наших авторов. А объяснений этому может быть множество. К тому же создатели «новой хронологии» не уточняют, исчезают ли «дублировки» исторических событий после проведенного ими «расслоения» истории. Статистического обзора своих реконструкций они почему-то не проводили либо намеренно умалчивают об их результатах.

С другой стороны, многое зависит от того, какие стороны исторических событий отображаются и как это делается. Ни для кого из гуманитариев не секрет, что описания могут намеренно «подгоняться» (чаще всего, с какой-то целью, а то и неосознанно) под определенный литературный шаблон, клише. Этим автор, а за ним и читатель, как бы типологизируют событие или процесс, ставят его в определенный ряд.

Не могу удержаться от того, чтобы еще раз не вспомнить уже приводившуюся параллель между Владимиром Святославичем и Соломоном. Как помним, «симметрия» там была налицо. Из этого, однако, не стоит делать вывод, что на самом деле Соломона не было, а был лишь князь Владимир Святославич, названный в «Третьей книге Царств» (созданной, очевидно, после «Повести временных лет») Соломоном. Полагаю, вряд ли кто, кроме «новых хронологов», усомнится в желании летописца просто показать, что Владимир в своих делах был *подобен* Соломону. В другом месте и по другому поводу автор летописи прямо так и написал: «*Бе во [Владимир] женолобець, яко же и Соломан...*»²⁵.

Это – совершенно нормальный для средневековья способ описания происходящего: путем прямого или косвенного цитирования

авторитетных текстов (Д.С.Лихачев предпочитает называть это «литературным этикетом»). Совпадения описаний и порождают «эффект узнавания» независимых друг от друга разновременных событий. Но это еще не повод для того, чтобы сличив, скажем, перевод С.Я.Маршак с английским оригиналом, настаивать, будто советский поэт, работавший в середине XX в., и есть Вильям Шекспир (или наоборот).

Кроме того, А.Т.Фоменко и его соавторы, видимо, не различают существенные и несущественные признаки. Между тем еще более столетия назад были высказаны серьезные сомнения относительно возможности появления у сапожной щетки молочных желез, если ту отнести к классу млекопитающих на основании наличия у нее щетины...

Третье. Дата списка, как правило, не совпадает с датой создания произведения. По дате издания произведений А.С.Пушкина нельзя судить о том, когда именно они были написаны. Иначе нам придется считать, что великий поэт творит и сегодня (поскольку его стихи издаются в наши дни), а слухи о его гибели на дуэли 160 лет назад «слегка преувеличены». Тем не менее «новые хронологи» именно таким способом датируют все летописи – по дате сохранившихся списков²⁶. Элементарная логика подсказывает: список дает нам лишь *terminus post quem*, т. е. дату, позже которой произведение не могло быть создано, но никак не ограничивает *terminus ante quem* – дату, ранее которой данный текст не мог быть написан. Я понимаю, что формальная логика не всегда действует в жизни, но нельзя же ею полностью пренебрегать – даже математикам.

Не менее алогичны и попытки определить время, когда произошло то или иное событие, по дате произведения, отобразившего его. Здесь действует тот же принцип: дата описания должна следовать за датой совершения описанного, но не может указывать, ранне какого времени оно произошло.

Полагаю, что формальная логика математикам известна достаточно хорошо. Что же их подводит? – Математическое мышление. Как ни странно, оно в данном случае принципиально отличается от мышления исторического. Историк, изучая тексты, пытается познать реальные события, которые когда-то где-то произошли и уже не могут быть изменены. В этом смысле реальность, которая познается историком, совершенна. Математик же изучает лишь сугубо абстрактные образы. Связь последних с какими-то реальными объектами, строго говоря, – дело уже не самих математиков, а тех, кто ставит перед ними определенные количественные задачи.

Реальность математика – его собственные количественные построения, субъективные образы. Они совершенны, если математический аппарат, с помощью которого они созданы, безукоризнен. Переноса свои «правила игры» на историю, математики подменяют и сам конечный объект исследования: вместо реальных событий прошлого они предлагают изучать голые спекуляции, своеобразные пустые множества прошлого, которым не соответствуют никакие реальные события. Естественно, «никакие авторитеты здесь не могут быть авторитетами»²⁷. Этого историки понять и принять не могут и начинают возмущаться, чем, кажется, очень забавляют своих «точных» коллег.

Действительно, геометрия, к примеру, занимается анализом пространственных образов, которые можно представить в любой точке реального пространства. И нельзя требовать, чтобы эта дисциплина занималась непосредственно измерением земли (как то обозначено в ее названии, хотя А.Т.Фоменко настаивает, что каждый Василий должен быть царем, а каждый Анатолий, видимо, – рожден на Востоке). Ее образы совершенно независимы от реальности, в которой находится их создатель, и от тех реальных предметов, наблюдения над которыми породили их. Достаточно лишь точно описать эти фантомы, отмечая все их существенные признаки, – и мы получим совершенно адекватный, мало того, тождественный образ. Другими словами, математические объекты буквально клонируются, причем исключительно путем корректных описаний. В истории же такой фокус невозможен. Как бы адекватно я ни описывал сумму, которая мне причитается за проделанную работу, какими бы точными терминами и числами ни оперировал, в реальные деньги мое описание не превратится: их я могу получить только в «натуральном» виде. Боюсь, и сами создатели новой хронологии предпочитают получать в кассе наличные, а не точное описание своей собственной зарплаты. И все потому, что живут они в том мире, который изучают историки, а не математики.

К тому же математики пользуются искусственным языком, который «живет» по упрощенным нормам, не совпадающим с нормами бытования языков естественных. Текст, выраженный математическим языком, выступает лишь как «техническая упаковка» сообщения, содержание которого при верной перекодировке (восприятию и воспроизведению) не меняется ни качественно, ни количественно. Именно поэтому, как глубоко заметил Ю.М.Лотман, «правильное решение математических задач новых текстов не создает»²⁸. Но используя любой естественный язык (а гуманитарии

имеют дело с текстами, написанными исключительно на них), принципиально невозможно добиться совпадения написанного и прочитанного сообщения. Мало того, прочитанное «про себя» будет существенно отличаться от того же текста, произнесенного вслух тем же самым человеком. И уж совсем несовпадающими, «несимметричными» будут прочтения (не говоря уже о пересказе) любого текста разными читателями. К сожалению, «новые хронологи» этого или не понимают, или не хотят понимать.

Не осознают, видимо, они и того, что естественнонаучные законы принципиально отличаются от законов юридических. Так, например, семь жен Ивана Грозного А.Т.Фоменко и его соавторы репили по-братски поделить между четырьмя правителями. Зачем это им понадобилось, ясно: иначе не сойдя́тся концы с концами в концептуальных построениях «новых хронологов». Формальное же основание для «четвертования» чрезвычайно просто: по христианским законам не положено иметь более трех жен. Что правда, то правда. Церковь не поощряла многоженство. Тем не менее князей, царей и королей, нарушавших это правило, не так уж мало в истории. И зря наши авторы уверяют, будто «*это – ...уникальный случай в русской истории*»²⁹. Они просто не успели прочитать о женолюбии князя Владимира Святославича (будущего Святого). У того, как известно, было не только не менее шести жен, но еще 200 наложниц в Берестове, 300 – в Вышгороде. Мало того, он еще водил к себе замужних женщин и растлевал несовершеннолетних... Можно вспомнить и о старшем современнике Ивана Грозного, короле Англии Генрихе VIII Тюдоре. Он, как известно, тоже не отличался аскетизмом в этом вопросе. Решить же противоречия с ортодоксальной церковью он смог самым простым способом: Парламент провозгласил его единственным на Земле законным главой англиканской церкви. Кстати, запрет многоженства – не единственная из церковных заповедей, успешно нарушавшихся светскими правителями (и не только ими). Насколько помнится, христианская церковь и убийства не поощряет. Тем не менее это ни одного убийцу (в том числе, коронованного) еще не останавливало.

Дело в том, что юридические нормы (в их числе и нормы канонического права) имеют одну весьма примечательную особенность: они включаются в законодательные источники только в том случае, если систематически нарушаются. Так что само наличие запрета в какой-то степени может рассматриваться как косвенное свидетельство бытования в обществе запрещаемых им действий. Если физики утверждают, что вечный двигатель создать нельзя, то это лишь означает, что как ни старайся изобретатель, у него все

равно ничего не получится. Если же в юридическом законе утверждается, что чего-то делать нельзя, то это означает только одно: на самом деле это «что-то» делают, и довольно часто. Если естественнонаучные законы фиксируют нормальное «поведение» того или иного типа природных объектов, то «человеческие» законы, напротив, декларируют желаемое, но пока еще не достигнутое.

Вывод, который можно сделать на основании изложенного, таков: аксиоматические основания «новой хронологии», мягко говоря, весьма сомнительны. Однако по законам все той же формальной логики, из ложных оснований в некоторых случаях можно получать и истинные выводы. Поэтому придется обратиться к конкретным аргументам и методам, которыми оперируют рецензируемые авторы.

«Геометрическая» точность цитирования

Я уже упоминал, что наши «хронологи» предпочитают ссылаться не на источники и не на специальные исследования, а на популярную (причем далеко не всегда *научно-популярную*) литературу. Но и в тех случаях, когда они все-таки цитируют источники или работы профессиональных историков, зачастую говорить о корректности или научной этике просто не приходится. Доказательств тому множество. Приведу лишь некоторые из них.

Вот, например, как наши авторы обходятся с В.О.Ключевским. Ссылкой на его авторитет («как отмечает В.О.Ключевский»³⁰) А.Т.Фоменко и Г.В.Носовский подкрепляют свой тезис о том, что, как он считает, всем известно об «отсутствии источников по истории Руси» еще в XVII и даже в первой половине XVIII вв.³¹ Из «беспристрастного и четкого» изложения математиков следует, что Василий Осипович писал: а) будто при Алексее Михайловиче «ни в царской, ни в патриаршей библиотеках «по царскому запросу» не было обнаружено никаких документальных подтверждений существования Руси в предшествующие столетия; и б) что в следующем веке Герарду Фридриху Миллеру (поскольку он также не смог найти источников по истории Руси в столицах) пришлось для выполнения «заказа на написание русской истории» «якобы отправиться» в Сибирь на поиски источников, кои и были «привезены» Миллером, якобы, из Сибири»³².

Стоит, однако, открыть томик работ В.О.Ключевского, на который ссылаются авторы, и окажется, что великий историк писал вовсе не об этом. Он и не пытался утверждать, будто в XVII в. еще не было источников по истории Древней Руси. В.О.Ключевский

рассказывал, как (говоря современным языком) государственные чиновники в середине XVII в. не хотели обременять себя поисками документов ближайших к ним семидесяти лет (у А.Т.Фоменко и Г.В.Носовского – «не нашли в столице источников по истории России даже за последние сто лет»³³), необходимых дьяку Записного приказа Кудрявцеву для продолжения «Степенной книги», прервавшейся на царствовании Ивана Грозного³⁴. Причем, вопреки усиленным заверениям создателей «новой хронологии» и противодействию Кудрявцеву его коллег из других приказов, ему все-таки удалось изучить многие «летописи, хронографы и другие памятники». Но вот необходимых выписок «из архивов разных приказов о делах военных, политических и церковных» он так и не получил. Дело, однако, заключалось не в том, что источников не существовало, а в том, что их, наоборот, было слишком много! Начальник одного из приказов «потом откровенно признался, что ему со всеми своими подьячими требуемой [Кудрявцевым] выписки и в 10 лет не сделать»³⁵.

Уже из одной такой детали ясно: даже когда авторы просто пересказывают совершенно понятный и легко проверяемый текст, читатель получает (говоря их же словами, правда, относящимися к нескольким поколениям историков и хронологов, «пытавшихся восстановить подлинную картину прошлого» и не претендовавших на открыттия мирового масштаба) «отнюдь не рассказ, основанный на подлинных древних документах и однозначно из этих документов вытекающий»³⁶, а достаточно вольную (точнее, попросту извращенную) интерпретацию исходного текста.

Кстати, из процитированных высказываний А.Т.Фоменко и Г.В.Носовского следует, кроме всего прочего, что В.О.Ключевский обвинял почтенного немецкого профессора в научной нечистоплотности, фальсификации и подлоге. Однако это историографическое «открытие» – полностью на совести авторов «новой хронологии». Во-первых, В.О.Ключевский в «цитируемом» труде подчеркивал (без всякой иронии) именно усердие, с которым Г.Ф.Миллер «трудился над русской историей». Во-вторых, сам Г.Ф.Миллер прославился прежде всего тем, что (по словам В.О.Ключевского, которые, кстати, приводят на с. 99 сами Г.В.Носовский и А.Т.Фоменко) «почти 10 лет ездил по городам Сибири, разбирая тамошние архивы, проехал более 30 тыс. верст и в 1743 г. привез в Петербург необъятную массу списанных там документов»³⁷. Признаться, никогда не думал, что за такой труд с человеком следует расплачиваться ничем не обоснованными обвинениями в научной (и, следовательно, моральной) нечистоплотности. Впрочем, еще В.Шекспир, рассуждая о «судье неправом», совершенно справедливо (независимо от време-

ни, когда он жил) заметил: «И видит он в любом из ближних ложь, поскольку ближний на него похож...»

Кстати, «заказ на написание» истории России получил вовсе не Миллер. По выражению А.Л.Шлецера, *«императрица Елизавета Петровна приказала написать оную химию адъюнкту Ломоносову»*, труд которого представляет в настоящее время сугубо профессиональный интерес для историков русской исторической науки XVIII в., в то время как «портфели Миллера» и по сей день остаются ценнейшим собранием источников.

Еще один пример. Теперь уже из астрономической области «новой хронологии». С целью получить достаточные основания для пересмотра традиционной датировки «Альмагеста» (напомню, к этому сводится едва ли не вся естественнонаучная, т.е. независимо проверяемая часть «новой хронологии»), авторы ссылаются на почитаемого ими Р.Ньютона, который будто бы установил, что результаты наблюдений Птолемея, зафиксированные в «Альмагесте», *«кем-то фальсифицированы»*. Однако, если обратиться к работе самого Р.Ньютона, то окажется, что в ней действительно говорится о фальсификации данных «Альмагеста», но не «кем-то», а самим Птолемеем!³⁸ Более того, Р.Ньютон нигде даже не заикается о том, что «Альмагест» или хотя бы какая-то его часть могут относиться ко времени более позднему, чем принято считать.

Создается впечатление, что авторы разбираемых книг либо не понимают прочитанного (для академика и кандидатов наук это по меньшей мере странно), либо намеренно манипулируют фактами, т.е. мошенничают. Не знаю, быть может, кому-то это доставляет удовольствие, но мне, сказать по правде, неинтересно читать «научные» работы, авторы которых на каждом шагу норовят обвести тебя вокруг пальца.

«Геометрические» локализации событий

Не менее любопытно посмотреть, как математики представляют себе проблемы установления места, где происходили те или иные события. Недаром ведь их очередной труд начинается с повествования о том, где находится Монголия³⁹.

Здесь основных методов два: 1) отождествление географических объектов, имеющих омофоничные, а то и просто отдаленно напоминающие друг друга названия, и 2) «этимологизация» топонимов (кстати сказать, сплошь и рядом совершенно произвольная, и немудрено: авторы даже не пытаются скрывать, что в лингвистике они еще менее сильны, чем в астрономии и истории).

Между тем, топонимика, подобно дифференциальной геометрии, имеет свои правила и законы, нарушение которых влечет за собой грубые ошибки. Поэтому, решая историко-географические задачи, не стоит забывать об элементарных законах ономастики.

Прежде всего результат топонимического анализа во многом зависит от точности фиксации самого географического названия. Здесь она так же важна, как транскрипция фамилии и инициалов получателя денег в платежной ведомости. А вот новым хронологам ничего не стоит заменить топоним Монголия фантастическим (в том числе и с точки зрения греческого языка) Мегалионом, а Каракорум – мифическим Семикаракорумом⁴⁰. В том, что название последнего из упомянутых городов пишется и произносится несколько по-иному, а именно Семикаракоры⁴¹, легко убедиться, взглянув на карту Ростовской области. Кстати, интересно, могли бы А.Т.Фоменко и Г.В.Носовский привести хотя бы одно свидетельство источников (естественно, не в их понимании этого слова) – безразлично, русского или иностранного, европейского или азиатского происхождения, – подтверждающее упоминаемое ими чтение?

Авторам рассматриваемых работ неизвестно и то, что всякий топоним имеет «привычку» повторяться в разных местах. Так что, даже если бы транскрипция катойконима Каракорум в западноевропейских и восточных источниках действительно совпадала с топонимом Семикаракоры, то это еще ни о чем не говорило бы. Иначе пришлось бы доказывать, что реки Дон и Волга (пользуясь «выражением» авторов) суть Онона и Керулена, что, согласитесь, непросто.

То же самое можно сказать и о других топонимических «параллелях», которые находят авторы. Скажем, отождествление реки Калки с Куликовым полем, того в свою очередь – с полем Куличковым, а последнего – с Кулишками приводит к нагромождению географических несообразностей. Москва в таком случае оказывается в **«чужей земле»**, около Днепра (как следует из летописного описания первого столкновения с монголо-татарами); между Коломной и московской Сретенкой должна находиться Рязанская земля, а также протекать Ока и Дон (на берегу последнего и находится, как опять-таки следует из текстов источников, а не из домыслов авторов «новой хронологии», Куликово поле) и т. д., и т. п.

Следует отдать должное историческим источникам: они изо всех сил, как только могут, сопротивляются насильникам от «новой хронологии». В частности, топонимы и антропонимы, встречающиеся в источниках, никак не хотят «вписываться» в прокрустово ложе *«новой гипотетической концепции»*. Поэтому создателям по-

следней постоянно приходится прибегать к разного рода ухищрениям, дабы получить столь желанный ими результат. Чаще всего они идут по пути «реконструкции» первоначального имени. Для того чтобы выявить «первичное» название того или иного географического пункта, онимы, встречающиеся в источниках, чаще всего этимологизируются. Если последовать за авторами «новой хронологии», то придется согласиться с тем, что в Восточной Европе (вопреки злостным фальсификациям современных картографов и географов) протекает всего лишь одна река – она так и называется Река (буквальное значение гидронимов Дунай, Днепр, Дон, Волга и др.), а Соединенные Штаты Америки и Россия – одна страна, поскольку и тут, и там есть населенные пункты с названием Москва.

Кстати, о Москве. Если следовать логике рецензируемых авторов, то придется признать, что во всех текстах, в которых упоминается этот катойконим, следует читать «Киев». Объясню, почему. По мнению «новых хронологов», города Тверь и Теревовль – одно и то же. Основанием для их отождествления выступает «очень глубокая» мысль: *«Звук «Б» часто переходит в «В» и тогда без огласовок (!? – И.Д.), имеем: «ТРБ – ТВР»⁴¹*. Сразу за этим пассажем следует параллель между Васильком Теревовльским, ослепленным в Киеве, и Василием Темным, ослепленным в Москве. Василек, по мнению Г.В.Носовского и А.Т.Фоменко, – не кто иной, как Василий II. Отсюда с неизбежностью (если, конечно, авторы серьезно относятся к своей методе) должен следовать вывод: Киев (КВ) и есть Москва (КВ). Несмотря на полную абсурдность такой параллели, она гораздо более основательна, чем Тверь–Теребовль. Здесь, во-первых, нет никаких фонетических замен, во-вторых, нет перестановок звуков (которые авторы благоразумно «не замечают»); в-третьих, помимо чисто формальных признаков, их роднит то, что оба города считаются столицами. И это при том, что лишние звуки (о них наши ученые тоже скромно молчат) ровно столько же. Итак, Москва = Киев. Другими словами, столица России – Киев, а столица Украины – Москва. Следовательно, и Украина = России? Интересно, как к этой «гипотезе» отнесутся правительства и граждане обоих суверенных государств?

Полагаю, более основательным будет выглядеть следующее заключение. Историко-географические открытия наших авторов – следствие невежества в области топонимики и этимологии (что, кстати, вовсе не является недостатком для специалиста-математика), а также полного пренебрежения к текстам источников, на которые они якобы опираются.

«Геометрические» методы идентификации личности

Не меньше впечатляют и демографические открытия А.Т.Фоменко и его товарищей в области истории нашей страны. Исторические личности по произволу «хронологических» математиков без всякого зазрения совести уничтожаются и размножаются, герои – только ради того, чтобы вписаться в схему, – называются палачами, убийцы – жертвами, и наоборот. Совесть здесь упомянута не ради красного словца. Речь ведь идет о наших предках. Математика не имеет нравственной стороны. Зато ее имеет история. Отождествив праведника с подонком, историк рискует оскорбить подчас не одного человека, а целый народ. Только полностью потеряв моральные ориентиры, можно свободно оперировать человеческими жизнями и судьбами – даже в прошлом.

Но, может быть, для этого есть достаточные основания? Итак, как математики идентифицируют личности?

Главное основание – имя. Если оно злонамеренно не совпадает с построениями математических хронологов, авторы прибегают к его произвольной этимологизации. Так, например, Батый оказывается Батей, а Мамай – просто «*маминьми*» (ребенком?). Правда, в последнем случае возникают некоторые трудности, о которых авторы предпочитают не вспоминать. Ведь «*маминьми*» (т.е. Мамаями) должны, видимо, называться все, рожденные от женщины, а следовательно, и сами «новые хронологи». И уж точно (особенно, если у него есть дети), А.Т.Фоменко = Батый, поскольку возглавляет авторский коллектив, уже несколько лет занимающийся разбоем на ниве истории. Учитывая, что в данном случае используется **их** метод идентификации личности, надеюсь, авторы «Новой хронологии» не оскорбятся этими невинными параллелями.

Другой метод отождествления исторических деятелей – совпадение временных показателей, связанных с теми или иными биографическими моментами. При этом, правда, зачастую точность совпадений, как я уже упоминал, не превышает одного-двух поколений. А.Т.Фоменко со товарищи ничего не стоит в угоду «*новой концепции древней истории Руси*» заставить Всеволода Ярославича княжить в Киеве с 1054 по 1093 г.⁴³ Возможно, авторы забыли, что в 1054–1068 гг. киевским князем был старший Ярославич, Изяслав, а в 1068–1076 гг. – Святослав? Причина такой «забывчивости» достаточно прозрачна: иначе Всеволоду остается всего каких-то 17 лет – по методу подсчета, используемому авторами, – но никак не 39 лет правления, без чего никакого «параллелизма» с Ива-

ном III, царствовавшим 43 года, не получится даже у них! Правда, об Изяславе они в конце концов вспоминают, но при этом приписывают ему годы правления Святослава и Всеволода (!): «Изяслав (-Дмитрий) 1054–1078 (24), столица – Киев».

Здесь же дается объяснение, на каком основании этот период был причислен к годам правления Всеволода: «Перед Всеволодом правил его брат Изяслав, эпоха правления которого была смутной. Поэтому правление Всеволода могли считать от смерти Ярослава»⁴⁴.

К сожалению, авторы не уточняют, для чего (кроме обоснования «новой концепции древней истории Руси, Англии и Рима») потребовалось считать именно так, и кто (кроме них самих, разумеется) мог считать так, а кто мог (и, надеюсь, может!) так не считать.

К сожалению, приведенный пример – не исключение, а скорее, правило. Со многими другими «параллелями» дело складывается не лучше.

Между тем, историкам-профессионалам хорошо известно, что даже полные и точные совпадения имен, фамилий и дат жизни (а тем более, возраста или сроков занятия определенных постов и должностей) различных исторических лиц – не повод для их отождествления. Не станет ведь ни один здравомыслящий человек, основываясь только на совпадении фамилий, выдвигать «гипотезы», будто автор «Новой хронологии» ведет популярные у определенного круга телезрителей передачи «Империя страсти» и «Русские гвозди...»

Хорошо известен пример, когда пренебрежение к «несущественным» деталям биографий разных людей (их отчествам, происхождению и т. п. мелочам) приводило к созданию совершенно фантастических персонажей. Классическим примером ошибочной идентификации исторических лиц, основанной на совпадении личных имен и фамилий, является рассказ В.А.Борисова о «посмертной» судьбе неизвестного Ивана Болотникова. К биографии знаменитого деятеля гражданской войны в России XVII в. тот «приплюсовал» сведения о некоем Иване Сулешове Болотникове, сохранившиеся в «Следственном обыске о поступках Ивана Болотникова» (датирован 23 августа 1618 г.) и монахе Николоне Шартомского монастыря Иове Болотникове, упоминаемого в челобитной архимандрита Тихона от 20 июля 1621 г. По гипотезе незадачливого краеведа, Иван Исаевич Болотников не погиб в 1608 г. в Каргополе, а спасся и в течение трех лет (с 1615 по 1618 г.) возглавлял разбойничий отряд, терроризировавший жителей Шуйского и Суздальского уездов. После поимки в 1618 г. он якобы был пострижен в монахи под именем Иова и в 1621 г. скрылся с день-

гами монастырских вотчин, сбор которых был ему доверен. Более внимательный анализ позволил легко доказать, что «ничего общего, кроме сходства фамилий, Иван Сулешов ни с Иваном Исаевичем Болотниковым, ни с беглым старцем Иовом Болотниковым не имел»⁴⁵. Между тем, ничего не стоит заявить, будто всеми этими уголовными делами Иван Болотников занимался в свободное от государственных дел время, поскольку именно на тот же промежуток времени приходится деятельность известного московского дьяка Ивана Ивановича Болотникова⁴⁶.

Как видим, даже гораздо более полных и точных совпадений, нежели те, на которые опираются А.Т.Фоменко и Г.В.Носовский, явно недостаточно для того, чтобы говорить о тождестве людей, упоминания о которых мы находим в источниках.

«Геометрическая» астрономия

Пожалуй, больше всего историков беспокоят астрономические изыскания «новых хронологов». Передатировка «Альмагеста» Птолемея – едва ли не главный козырь, которым оперируют А.Т.Фоменко, Г.В.Носовский и В.В.Калашников. Историкам в астрономических тонкостях разобраться, ой, как непросто. А в изложении геометров и специалистов в теории вероятности все выглядит весьма внушительно, тем более, что «астрономический» текст часто «аранжируется» довольно сложным математическим аппаратом. Правда, ситуация резко меняется, когда обращаемся к отзывам профессиональных астрономов, о которых наши авторы предпочитают не вспоминать.

Итак, во-первых, оказывается, что, приступая к своим исследованиям, математики даже не сочли необходимым освоить трактат Птолемея полностью, а ограничились лишь звездным каталогом, понять который можно только после уяснения контекста, в который он помещен. Они же наивно полагали, что «Альмагест» собственно и представляет собой каталог звезд, а не объемистый астрономический трактат, в котором каталог занимает лишь одну десятую долю от всего текста. Впоследствии, правда, авторы «исправились». Кстати, точно такая же ситуация возникла в связи с «анализом» Радзивилловской летописи. Поначалу авторы сочли достаточным прочитать лишь ее описание, которое нашли в предисловии к 38-му тому «Полного собрания русских летописей»⁴⁷. Через два года они сообразовали ознакомиться с факсимильным воспроизведением летописи *de visu*. Это заставило их отказаться от некоторых совершенно неграмотных, даже

с точки зрения элементарной логики рассуждений, и... они срочно начали создавать новые, не менее фантастические «гипотезы», лишь бы отстоять принципиальную возможность собственной концепции. Как тут не вспомнить одно из откровений их выдающегося предшественника на ниве борьбы с исторической наукой, Н.А.Морозова: *«Если б против этой [нужной Морозову] даты были целые горы древних манускриптов, то и тогда бы их всех пришлось считать подложными»*. Все это уже само по себе весьма наглядно иллюстрирует отношение наших авторов к используемому ими материалу.

Датировка «Альмагеста» была неоднократно проверена астрономами, которые, как, впрочем, и все нормальные ученые, ничего не принимают на веру. Они проделали буквально ювелирную работу по абсолютной датировке каталога, которая проводилась по *«собственным движениям звезд, т. е. их перемещению по небесной сфере, отражающее в основном движение звезд в пространстве»*⁴⁸. Методика датировки в принципе достаточно проста и в то же время абсолютно надежна. Апробировалась она на каталогах Улутбека, Тихо Браге, Гевелия и, наконец, первого каталога, составленного на основании наблюдений с телескопом. Максимальные расхождения в датировках составили всего 57 лет. Астрономы просчитали по годам координаты двух групп, содержащих звезды, которые имеют наибольшие собственные движения – Арктур (α Boo, $m=2''$) и α^2 Эридана (α^2 Eri $m=4''$). Полученные данные были сверены с данными «Альмагеста». На основе такого сопоставления и была определена дата составления каталога. В отличие от геометров, *«разбирающихся в астрономии приблизительно так же, как и в истории»* (так считают сами астрономы), специалисты пришли к совершенно однозначному выводу: «Альмагест» создан 20–22 века назад в эпоху античности, правда, положения звезд определялись в эпоху Гиппарха (II в. до н.э.), а не Птолемея (конец I – первая половина II в.). Об этом же говорит содержащаяся в «Альмагесте» значение вековых изменений угла наклона земной оси к плоскости эклиптики и многие другие данные. По мнению астрономов, звездный каталог «Альмагеста» не мог быть подделан даже лучшими астрономами средневековья. Коперник и Региомонтан в XV–XVI вв. сумели бы восстановить положения звезд для эпохи I в. до н.э., только если бы располагали информацией, которую человечество приобрело лишь несколько веков спустя⁴⁹.

Что же касается астрономических познаний «новых хронологов», то в эпитетах профессиональные астрономы, прямо скажем, не стесняются: *«букет астрономических нелепостей», «несуразности»,*

«*знатоки*», «*такое заявление в области астрономии, перенесенное в математику, эквивалентно, скажем, утверждению, что длина стороны в прямоугольном треугольнике, где известны две другие, может быть получена только по теореме Пифагора и измерению линейкой не поддается*», «*ничем не подкрепляемая вольность авторов*», «*абсурдность “новой исторической хронологии”*», «*нелепость получаемого ими результата*» и т. д., и т. п. Но наиболее показательно, пожалуй, следующее сравнение:

«Когда ...читаете такие пассажи, как “...южная область неба справа от Млечного Пути, расположенная за Зодиаком”⁵⁰, то так и хочется ...вспомнить письмо профессора Тарантоги, адресованное звездному навигатору Ийону Тихому – популярному герою Станислава Лема: “Дорогой коллега ...поскольку тамошние звезды не имеют названий, сообщаю Вам ориентиры: летите прямо, за голубым солнцем сверните налево, за следующим, оранжевым, направо; там будут четыре планеты, – встретимся на третьей, если считать слева”⁵¹.

К этому, вероятно, вряд ли что-то можно прибавить.

Главное: астрономы, анализировавшие многочисленные астрономические трактаты «нетрадиционных хронологов»⁵², единодушны в своем выводе о том, что «новый метод» датировок полностью непригоден для решения задачи независимого определения времени составления каталога Птолемея. Другими словами, могучего астрономического фундамента, якобы созданного А.Т.Фоменко и его товарищами для обоснования «новой хронологии», попросту не существует. Так что историки могут спать спокойно.

«Геометрическая» статистика

А.Т.Фоменко неоднократно утверждал, что в основе его работы по «новой хронологии» лежит статистический метод. Поэтому особый интерес представляет, конечно, математический аппарат, которым пользуются он и его соавторы. Как ни странно, но точностью представители точных наук, по крайней мере в своих гуманитарных трактатах, читателей не балуют.

Так, например, оказывается, что в «Повести временных лет» основное внимание уделено вовсе не Руси, а Греции. Рядом, речь идет о дурно понятой фразе А.А.Шахматова относительно постепенного возрастания интереса, который проявляет летописец к истории своей страны. Вполне можно проверить, насколько эта точка зрения (оную авторы скромно приписывают Н.А.Морозову, но полностью с нею соглашаются) соответствует тексту «Повес-

ти временных лет». Поскольку субъективное впечатление – аргумент ненадежный, постольку обратимся к «точным» методам. Элементарная статистика, которая, по утверждению А.Т.Фоменко, составляет основу основ его сочинений, показывает, что слухи о таком предпочтении слегка преувеличены. Мало того, что все тексты, не имеющие прямого отношения к истории Древнерусского государства (в том числе и упоминание отдельных событий из истории Византии), составляют не более 3,2 % всего объема текста «Повести» (1850 из 58 029 слов «Повести» без учета текста «Поучения Владимира Мономаха»). Скажем, столица Византии, Царьград (Константинополь) упоминается в Повести 28 раз, т. е. чуть чаще, чем окраинная Тмутаракань (18 случаев), в то время как Киев только прямо называется 129 раз, а Новгород – 51. Вообще же русские города по частоте упоминаний в несколько десятков раз превосходят греческие. Греки (как этнос и страна: контекст не всегда позволяет дифференцировать эти понятия) называются 66 раз, что вполне сопоставимо, скажем, с упоминаниями печенегов (55) или варягов (44), но почти втрое отстает от частоты употребления слов **«русь»** (89) и **«русьскыи»** (114). И это без учета нескольких десятков упоминаний славян вообще и восточнославянских племен в частности. Даже половцы упоминаются чаще греков (72 раза). Еще более показательны то, что число всех упоминаний в «Повести» греческих императоров далеко отстает от индивидуальных упоминаний Владимира Святославича, Ярослава Мудрого или, например, Владимира Мономаха – каждого в отдельности. Другими словами, не стоит повторять весьма спорный тезис Н.А.Морозова: он – следствие добросовестного заблуждения, недоразумения или, увы, намеренного введения читателей в заблуждение.

Не знаю, как такие методы называются в дифференциальной геометрии. В исторической науке в подобных случаях говорят о фальсификации и подтасовке фактов.

Что же касается собственно статистики, то ее, насколько мне удалось установить, А.Т.Фоменко смог корректно использовать только для количественной характеристики текстов летописных статей. Он разработал методику сравнения объемов информации текстов, разбитых на равные – по описываемым промежуткам времени – «главы» (типа летописных сводов). Учет количества знаков (строк, страниц), упоминаний года в ее тексте, «имен всех исторических персонажей», ссылок на другой текст и других подобных «единиц» в каждой такой «главе» (например, летописной статье) позволяет составить графики объемов каждой из них. Если

«всплески» и/или спады таких графиков, составленных для двух разных летописных списков, совпадают, то можно говорить о возможности существования общей основы обчисленных списков. Результаты, которые могут быть получены таким путем (несмотря на их «солидное» – для гуманитария – математическое оформление), очевидны и весьма тривиальны. Автор это понимает и сам, подчеркивая, что *«описанный метод не призван заменить традиционные методы. Его роль – в быстрой обработке значительной по объему информации и получении предварительных выводов»*⁵³. Однако расширительное употребление этого метода, как и любого другого, привело к непредсказуемым результатам.

Попытки использовать его для контент-анализа и сравнения текстов, не имеющих исходной разбивки на годовые статьи, дали ряд произвольных графиков. Единых объективных критериев разбивки разных по характеру, происхождению и объему текстов на «куски» (выражение А.Т.Фоменко), естественно, быть не может. Поэтому графики, полученные в результате такого «статистического» анализа, целиком и полностью зависели от произвола их создателя. Благодаря определенной цикличности исторического процесса (о чем у нас уже шла речь) и его величеству Случаю, в ряде графиков были обнаружены некоторые совпадения в продолжительности периодов, разделяющих фазы «угнетения» и «взлетов» объемов информации. Все несоответствующие экстремумы были «скорректированы». Для этого было достаточно слегка изменить исходные принципы разделения текста на информационные блоки, а также увеличить (или уменьшить) количество привлекаемых «источников» информации – и несоответствующие периоды между экстремальными показателями графиков оказались «согласованными». Как это делается, мы видели на примере со сроками правления князей Всеволода Ярославича и Ивана III, а также с присвоением статуса источника вузовским учебникам.

Стоит ли удивляться полученным «глобальным» совпадениям, тем более, что речь идет о слабо формализуемых исторических процессах?

Собственно, в этом и состоит (если отрепиться от математической «оболочки») «статистический метод», которым пользуются «новые хронологи»⁵⁴.

Как видим, под именем статистики (у которой и без того не вполне безупречная репутация среди гуманитариев) кроется обычный произвол в работе с фактическим материалом и историческими источниками.

Чего стоит «новая хронология»?

Поражает откровенность и даже какая-то странная наивность, с которой солидные ученые мужи соединяют несоединимое. Например, они, судя по всему, вовсе не шутят, когда пишут, что подготовили «научное издание», чтение которого... «не потребует от читателя никаких специальных знаний»⁵⁵. Впрочем, это вполне точно, поскольку никакими специальными знаниями в области истории авторы (как, кстати, и в астрономии, топонимике, антропонимике, этимологии, исторической географии и других нематематических дисциплинах) авторы не обладают. А ведь, согласитесь, нельзя требовать, чтобы человек, не имеющий никаких специальных знаний в симплектической топологии, написал о ней книгу, которая требовала бы от читателя этих самых специальных знаний. Другой вопрос, сочтет ли А.Т.Фоменко, обладающий глубокими научными знаниями именно в данной области, такую книгу вполне научной. Во всяком случае наличие у читателя хоть каких-то специальных знаний по истории делает чтение трудов по «новой хронологии» настоящей пыткой. Полагаю, что такой же пыткой для «новых хронологов» было бы чтение 15-томного труда, автор которого, не требуя от читателя никаких специальных знаний по математике, обосновывал бы «новую геометрию», в которой (вопреки «недалеким» специалистам-математикам) можно запросто вычислить длину шара, основываясь на том, что он – подобно кругу и окружности – круглый, а у всякого круглого объекта, по глубокому убеждению «творца новой математики», должна быть длина. Другое дело, если в качестве «объекта воздействия» будет избран именно несведущий в математике человек! Если же вдруг кто-либо из оскорбленных в лучших математических чувствах профессионалов попытается дать отпор невежеству, злопыхателя можно будет обвинить в консерватизме, защите корпоративных интересов и тому подобных грехах. Ну, а уж затем можно начать громить и все прилегающие области этой (математики, то бишь) «лженауки».

В принципе, ничего нового в таком подходе нет. Он культивировался в нашей стране на протяжении нескольких десятилетий. «Комплекс Лысенко», «Комплекс Народного Академика» – замечательное изобретение...

Обидно только за время, потраченное на чтение трудов, посвященных «пустому множеству», да еще за тех людей, которых ввели в заблуждение «новые хронологи». Впрочем, даже беглый анализ их работ позволил нам затронуть целый ряд принципиально важных вопросов, связанных со спецификой исторического познания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фоменко А.Т.* Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии: Распознавание и датировка зависимых текстов, статистическая древняя хронология, статистика древних астрономических сообщений. – М., 1990. С. 88.

² А.Т.Фоменко предпочитает называть его астрономом (*Фоменко А.Т.* Глобальная хронологическая карта // «Химия и жизнь», 1983. № 9. С. 85; *Фоменко А.Т.* Методы статистического анализа... С. 89, и др.; ср.: *Фоменко А.Т.* Критика традиционной хронологии античности и средневековья: Какой сейчас век? Реферат. – М., 1993. С. 147).

³ *Святский Д.О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. – П., 1915 (все расчеты проводились профессиональным астрономом М.А.Вильевым).

⁴ Там же. С. 3–6, 12–15, 105.

⁵ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Новая хронология Руси. Научное издание. – М., 1997. С. 10.

⁶ *Фоменко А.Т.* Критика традиционной хронологии... С. 17–23.

⁷ *Фриз, де Х.* Измерение и применение радиоактивного углерода // Геохимические исследования. – М., 1961.

⁸ *Дорман Л.И.* О возможности исследования различных типов вариаций космических лучей по данным об относительном содержании C^{14} в годичных кольцах деревьев // Дендроклиматохронология и радиоуглерод. – Каунас, 1972. С. 312–316.

⁹ См., напр.: *Eddy J.A.* Historical and Arboreal Evidence for a Changing Sun // *The New Solar Physics* / Ed. by J.A.Eddy, Boulder, Colorado, 1978, P. 11–33.

¹⁰ *Ferguson C.W.* Dendrochronology of Bristlecon Pine, *Pinus aristata* Establishment of 7484-year Chronology in the White Mountains of Eastern-central California, USA // Radiocarbon Variations and Absolute Chronology: Proceedings of the Twelfth Nobel Symposium held at the Institute of Physics at Uppsala University / Ed. by J.U.Olsson, 1970, Uppsala, P. 238–259.

¹¹ *Shove D.J.* 1) Sunspots and the Aurore, 500–250 B.C. // *J. Brit. astron. Ass.* 1948. Vol. 58. P. 178–204; 2) Visions in North-West Europe and Dated Auroral Displays (A.D. 400–600) // *J. Brit. astron. Ass.* 3-rd ser. 1950. Vol. 13. P. 34–49; 3) The Earliest Dated Sunspots // *J. Brit. astron. Ass.* 1951. Vol. 61. P. 22–24, 126–128; 4) The Sunspot Cycle, 649 D.C. to A.D. 2000 // *Journal of Geophysical Research: The Continuation of Terrestrial Magnetism and Atmospheric Electricity.* June, 1955. Vol. 60, #2, P. 127–146; 5) Auroral Numbers since 500 B.C. // *Papers Communicated to the Association: J. Brit. astron. Ass.* 1962. Vol. 72. #1.

¹² Работы по установлению связей между этими природными явлениями ведутся уже на протяжении столетия, хотя довольно редко используются отечественными историками (ср.: *Beaujouan G.* Le temps historique: Les suggestions de l'economiste et du geophysicien // *L'Histoire et ses metodes.* – Paris, 1961. P. 52–67).

¹³ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Новая хронология Руси. С. 2.

¹⁴ Ср., напр.: Страшная путаница, порождаемая книгой [речь идет о кн.: *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Империя: Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. М., 1996] особенно в области истории этносов, способна деформировать этническое самосознание, извратить историю этногенеза российских народов, вызвать к жизни этнократические химеры, что никак не поможет достижению согласия народов, а скорее приведет в тупик. И этого допустить нельзя (*Свириденко Ю.П., Неборский М.Ю.* Российское многонациональное государство: Пути согласия народов. – М., 1997. С. 138–139).

¹⁵ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Новая хронология и концепция... Т. 1. С. 35.

¹⁶ *Свириденко Ю.П., Неборский М.Ю.* Российское многонациональное государство... С. 138.

¹⁷ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Новая хронология и концепция... С. 64.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Соч. В 9 т. – М., 1988. Т. 2. С. 138.

²⁰ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Новая хронология... С. 64.

²¹ Соплюсь хотя бы на прекрасную, хотя и основательно забытую книгу *Р.Пересветова* По следам находок и утрат (М., 1961).

²² *Гореславский А.* Гениальные сумасшедшие: От великого до смешного один шаг // «Московский комсомолец», 1996, 2 октября. С. 4.

²³ Это то, что удалось установить абсолютно точно. Не исключено, однако, что в анализируемых работах встречаются и большие отклонения.

²⁴ Еккл. 1:9–10.

²⁵ Повесть временных лет. С. 37.

²⁶ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Новая хронология и концепция... Т. 1. С. 25–31, 89–96; *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Новая хронология Руси. С. 30–40, 239–241 и др. (В дальнейшем ссылки даются только на одно издание: этого вполне достаточно, поскольку не менее 90% текста каждой новой книги по новой хронологии суть буквальный повтор предыдущих изданий. В этом легко убедиться, произведя текстологическую сверку любых двух изданий. Иногда авторы не ограничиваются этим и текстуально повторяют целые страницы в одном и том же труде. Например, на с. 73–77 первого тома «Новой хронологии и концепции древней истории» дан беглый комментарий некоторых фрагментов этого параллелизма. А на с. 119–121 авторы вкратце повторяют таблицу этого параллелизма. Ее же можно увидеть на с. 56–61 «Новой хронологии Руси» и на с. 188–191 «Критики традиционной хронологии»).

²⁷ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Новая хронология и концепция... Т. 1. С. 25.

²⁸ *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера. – М., 1996. С. 15.

²⁹ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Новая хронология Руси. С. 182.

³⁰ Кстати, ссылка дается на рукопись выступления, посвященного юбилею Общества истории и древностей российских, увидевшую свет лишь в

1983 г. Так что неясно, какое отношение она имеет к рукописи Морозова, следующие общие идеи которой (с. 27) должны были бы (если, конечно, верить авторам) здесь излагаться.

³¹ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология... С. 28–29.

³² Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология... С. 28.

³³ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология Руси. С. 21 (ср.: Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология и концепция... С. 28: не могли найти источников по истории Руси ни в царской, ни в патриаршей библиотеках).

³⁴ Ключевский В.О. Юбилей (О[общества] и[стории] и д[ревностей] р[оссийских]) // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. – М., 1983. С. 189–190.

³⁵ Там же. С. 190.

³⁶ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология... С. 21.

³⁷ Ключевский В.О. Юбилей... С. 191. [Хотя, чего стесняться: судя по смелости суждений авторов новой хронологии, любые домыслы и подозрения (даже если они носят пока предварительный характер. С. 86) – вполне достаточные основания, чтобы оскорбить любого честного ученого (если, конечно, он достаточно давно умер и не может подать на вас в суд за оскорбление чести и достоинства, а вы к тому же – академик РАН и заведуете кафедрой в МГУ)].

³⁸ См.: Ньютон Р. Преступление Клавдия Птолемея. – М., 1985. В популярной форме критика работы Р.Ньютона дана в кн.: Бронштэн В.А. Клавдий Птолемей: II век н. э. – М., 1988. С. 126–136. Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность В.А.Бронштэну за неоценимую помощь в освоении астрономической части работ А.Т.Фоменко и его соавторов.

³⁹ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология Руси. С. 12–14.

⁴⁰ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология... С. 34. Здесь же утверждается, что Каракорум считается РОДИНОЙ ЧИНГИЗ-ХАНА. Одного подобного заявления бывает достаточно, чтобы снизить абитуриенту оценку на вступительном экзамене по отечественной истории.

⁴¹ Прежде – станица Семикаракорская.

⁴² Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология... С. 123.

⁴³ Там же. С. 76.

⁴⁴ Там же. С. 102.

⁴⁵ Подробнее см.: Иванов Ю.И. Ошибка историка-краеведа // «Советские архивы», 1982. № 6. С. 56–57.

⁴⁶ См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVI вв. – М., 1975. С. 61–62.

⁴⁷ Авторы прямо так и написали: «Посмотрим более внимательно на список Радзивилловской летописи якобы 15 века. Для этого обратимся к описанию рукописи, приведенному в «Полном собрании русских летописей» (Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология и концепция. Т. 1. С. 90; Носовский Г.В. Фоменко А.Т. Новая хронология Руси. С. 24).

⁴⁸ Ефремов Ю.Н., Павловская Е.Д. Датировка «Альмагеста» по собственным движениям звезд // ДАН СССР, 1987. Т. 294. № 2. С. 310.

⁴⁹ Там же. С. 313.

⁵⁰ *Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Численный анализ звездного каталога «Альмагеста». Препринт / ВНИИСИ. – М., 1990. С. 44.

⁵¹ *Ефремов Ю.Н., Шевченко М.Ю.* Что намолочи математические жернова: По поводу новой датировки каталога звезд «Альмагеста» // «На рубежах познания Вселенной: Историко-математические исследования», 1992. Вып. 24. – М., 1994. С. 164–180.

⁵² *Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Геометрия подвижных конфигураций звезд и датировка «Альмагеста» // Проблемы устойчивости стохастических моделей: Труды семинара. – М., 1988; *Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Датировка «Альмагеста» по переменным звездным конфигурациям // ДАН СССР, 1989. Т. 37. № 4; *Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Численный анализ звездного каталога «Альмагеста». Препринт / ВНИИСИ. – М., 1990; *Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Датировка звездного каталога «Альмагеста». Препринт // ВНИИСИ. – М., 1990 и т. д.

⁵³ *Фоменко А.Т., Морозова Л.Е.* Некоторые вопросы методики статистической обработки источников с погодным изложением // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. Сб. статей. – М., 1986. С. 118.

⁵⁴ Подробнее см.: *Фоменко А.Т.* Методы статистического анализа... С. 101–153; *Фоменко А.Т.* Критика традиционной хронологии... С. 59–63; *Фоменко А.Т.* Исследования по истории древнего мира и средних веков: Математические методы анализа источников. Глобальная хронология. – М., 1993. С. 37–42 и др.

⁵⁵ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Новая хронология Руси. С. 3.

Синхронны ли жанры литературы?

1. Введение

Априорные посылки, по-видимому, неизбежны в любой дискуссии. Но также неизбежна и их проверка фактами, особенно если стороны исходят из разных априорных посылок. В дискуссии между авторами «новых методик статистического анализа нарративно-цифрового материала» д.ф.-м.н. А.Т.Фоменко с соавторами и специалистами по древней истории д.и.н. Е.С.Голубцовой с соавторами¹ линия несогласия проходила по оценке достоверности древнейшей истории и, в частности, истории жанров античной литературы. Обе стороны, однако, были согласны в том, что жанры литературы должны быть синхронны². Но так ли это?

Не погружаясь в тонкости древней истории, попробуем рассмотреть вопрос о синхронности разных жанров на материале более близком и доступном, а именно – на разных жанрах русской поэзии XVIII – начала XX вв., тем более, что мы уже писали о продуктивности поэзии как способе «раскрасить» историческое время³. Результаты наших подсчетов по антологиям русских сонета, элегии, басни, эпиграммы, стихотворной пародии, повести и романа, художественной критики⁴ приведены на рис. 1–8. На всех графиках абсцисса изменяется в интервале от 1720 до 1925 гг., ордината – пожанровая продуктивность, сглаженная по пятилетней текущей средней – указана на каждом графике.

2. Обсуждение

Первый расцвет русская *басня* переживает во второй половине XVIII века, максимум – в 1760-е годы. Второй расцвет приходится на 1800-е – 1810-е гг., за быстрым спадом 1820-х идет медленное угасание 1830-х – 1860-х, после которого басня так толком и не восходит вплоть до Демьяна Бедного и Сергея Михалкова⁵. Одна из антологий русской басни⁶ вообще завершает ее хронологию первой половиной XIX века.

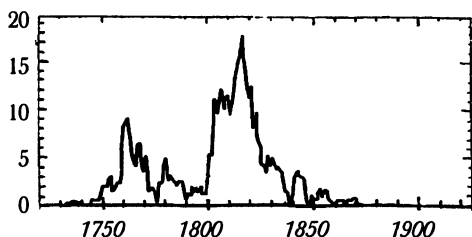

Рис. 1. Русская басня

Здесь и далее: по абсциссе – годы XVIII – начала XX века, по ординате – число текстов указанного жанра, датированных этим годом, сглаженное по пятилетней текущей средней. Указано место и год издания антологии.

Для русской *повести и романа*, напротив, как раз 1820-е гг. – время подъема, в 1830-е продуктивность по сравнению с 1810-ми увеличивается примерно в 12 раз (продуктивность басни от 10-х к 30-м падает в 6 раз), сохраняется на протяжении 30-х – 60-х гг. и уменьшается по сравнению с ними в 1870–1900-е приблизительно в 1,5 раза. Т. е. можно сказать, что в 1820-е гг. повесть *сменяет* басню.

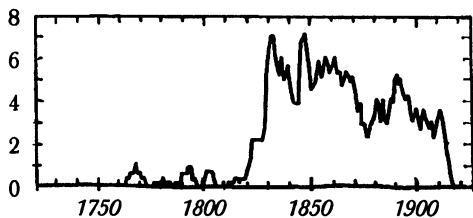

Рис. 2. Русский роман и повесть

После краткого расцвета русского *сонета* в конце 1750-х он прозябает вплоть до расцвета 1820-е – 1840-е, т. е. позже басни, и затем после спада восходит в 1880-е – 1890-е – 1910-е.

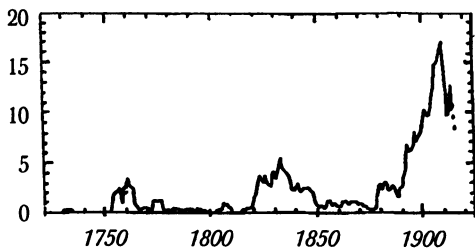

Рис. 3. Русский сонет

Эволюция русской *элегии* сходна с эволюцией сонета, но с некоторыми нюансами: ее спад во второй половине XVIII запаздывает, а подъем в первой половине XIX и спад в начале XX в. – опережает те же изменения в продуктивности сонета. Из графиков видно, что у элегии максимум продуктивности «серебряного века» втрое ниже максимума «золотого века», а у сонета – наоборот; т. е. можно заключить, что жанр элегии архаичнее жанра сонета.

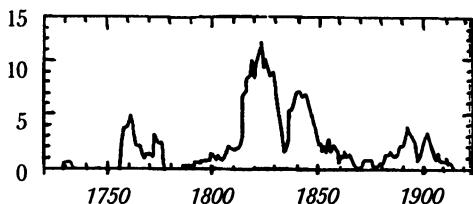

Рис. 4. Русская элегия

Русская стихотворная *пародия*, «санитар поэзии-в-целом», отчасти сопровождает ее (1830-е гг.), а более – завершает (1850-е – начало 1860-х) и конец 1900-х гг.

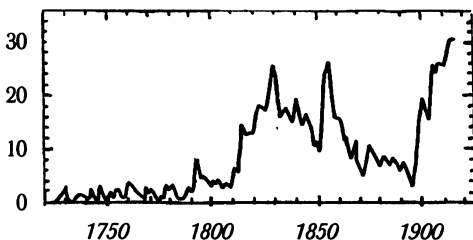

Рис. 5. Русская поэзия в целом
(массы + персоны) (взвешено)

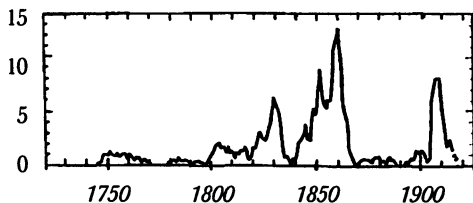

Рис. 6. Русская стихотворная пародия

Русская *эпиграмма* (в отличие от пародии – внутрипоэтической сатиры – чаще направленная вовне) вполне благоденствует во второй половине XVIII в. и еще более восходит в начале XIX в. вплоть до 1832 г., когда она претерпевает шестикратное падение (от 1831 к 1833 г.), которое можно назвать катастрофой. Продуктивность и до, и после 1832 г. настолько хорошо ложится на экспоненту (соответственно, восходящую и нисходящую), что можно попытаться определить даже *дату* облома – вторая четверть марта 1832 г. Можно полагать, что «эпиграммная катастрофа» связана с началом смирдинского периода русской литературы, когда А.Ф.Смирдин, по словам Белинского, ввел «таксу на все роды литературного производства»; Белинский начинает этот период с 1833 г.⁷ Новый расцвет эпиграммы (не сравнимый с прежним) наступает в непоэтические 1860-е, позже пародии, а также после 1905 г. Можно заметить, что подобно обвалу 1832 г. у эпиграммы, примерно в это же время происходит обвал у пародии, хотя и не столь демонстративно; максимум около 1860 г. у пародии приблизительно вдвое выше, чем около 1830, в отличие от эпиграммы, у которой соотношение этих максимумов обратное. Т. е. эпиграмма архаичнее пародии.

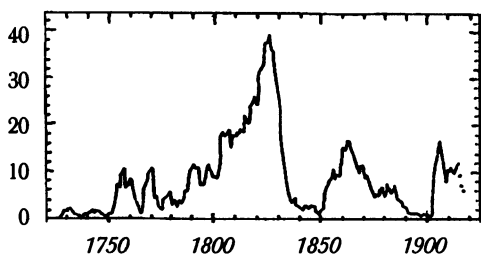

Рис. 7. Русская эпиграмма

У *художественной критики* нет таких контрастов продуктивности в хронологии как у других исследуемых нами жанров, однако есть начало антологии (1840-е гг.), которое может обозначать и действительное «начало жанра».

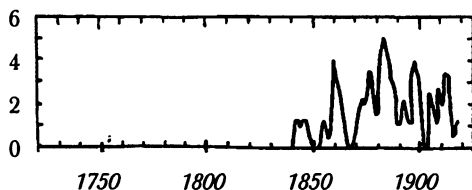

Рис. 8. Русская художественная критика

3. Выводы

Таким образом, на материале русской литературы XVIII – начала XX вв. можно прийти к выводу, что разные жанры отнюдь не обязательно синхронны, а часто напротив: вкус к разным жанрам вполне характерен для каждого времени.

Как следует из сопоставления одновременно составленных антологий одних и тех же литературно-исторических периодов⁸ обычно список текстов (стихов) распадается на *длительную* компоненту, мало меняющуюся от антологии к антологии (для русской советской поэзии это – нисходящая кривая 1920-х гг., пик 1941–1945 гг.) и *текущую* компоненту, экспоненциально спадающую с удалением в прошлое от даты составления каждой конкретной антологии.

С уменьшением объема антологии и с удалением ее от описываемого (антологизируемого) периода времени контраст между максимумами и минимумами продуктивности увеличивается⁹. Т. е. через *длительные* промежутки времени антологии вполне могут содержать продолжительные *пустые* периоды, что, надо полагать, и наблюдалось на материале I тысячелетия до н. э. – I тысячелетия н. э., обсуждавшихся в упомянутой выше дискуссии. Интересно было бы сопоставить жанровые последовательности в хронологии русской культуры с такими последовательностями в хронологиях других культур. К сожалению, хронологии такого рода автору настоящих заметок неизвестны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Настоящее сообщение докладывалось на III конференции АИК в марте 1995 г. вне связи с упомянутой дискуссией. Поскольку рассматриваемый нами тезис не оспаривался, мы сочли нужным изменить только ссылку на библиографии, включающие статьи обеих сторон: *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Введение в новую хронологию (Какой сейчас век?) – М., 1999. С. 676–718; Сб. История и антиистория. Критика «Новой хронологии» академика А.Т.Фоменко / Сост. Кошелев А.Д. – М., 2000; Сб. «Так оно и оказалось!» Критика «новой хронологии» А.Т.Фоменко (ответ по существу) / Сост. Чашихин У.В. – М.: Анвик, 2001.

² *Постников М.М., Фоменко А.Т.* Новые методики статистического анализа нарративно-цифрового материала древней истории... – М., 1980. С. 7.; *Голубцова Е.С., Смирин В.М.* О попытке применения «новых методик статистического анализа» к материалу древней истории // «Вестник древней истории», 1982, №1. С. 173; *то же* // История и антиистория... С. 86: «...Делает

ся вид, будто синхронности жанров не существовало [в Древнем Риме и Древней Греции в VIII–I вв. до н.э.] ...». Так например, «для римской литературы послеавгустовского времени ее многожанровость очевидна» (Голубцова Е.С., Смирин В.М. Там же). Является ли асинхронность жанров в древнегреческой литературе поводом для утверждения о «невероятностном» объяснении забывания и утраты тех или иных литературных произведений, как полагают М.М.Постников и А.Т.Фоменко, или же в античной литературе все жанры появляются и исчезают одновременно, как полагает Е.С.Голубцова и В.М.Смирин (при этом указывая на необходимость объяснения этого историческими причинами)?

³ Быстров А.В. Формальный аспект продуктивности русской поэзии XVII–XX вв. // Труды Третьей конференции Российской ассоциации «История и компьютер». – М., 1995.

⁴ Русский сонет XVIII – начала XX века. – М., 1983; Русская элегия XVIII – начала XX века. – Л., 1991; Русская стихотворная пародия XVIII – начала XX века. – Л., 1960; Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX века. – Л., 1975; Русская басня XVIII – XIX веков. – Л., 1977; Энциклопедия русской жизни. Роман и повесть второй половины XVIII – начала XX века. – М.1981; Русская прогрессивная художественная критика второй половины XIX – начала XX вв. Хрестоматия. – М., 1977.

⁵ Русская басня. – М., 1966.

⁶ Русская басня XVIII – нач. XIX в. – Л., 1951.

⁷ Белинский В.Г. ПСС. М. 1953 т.1 с.98.

⁸ Например: Русская советская поэзия. Сборник стихов 1917–1942 гг. – М., 1942; Русская советская поэзия. Сборник стихов 1917–1947 гг. – М., 1948; Русская советская поэзия. Сборник стихов 1917–1952 гг. – М., 1954; Шестьдесят лет советской поэзии. Т. 1, 2 (из 4-х); Русская поэзия. – М., 1977; Советская поэзия. (Библиотека всемирной литературы Т. 179, 180). – М., 1977 и др.

⁹ См. Шестьдесят лет советской поэзии. Т. 1, 2.

Что можно найти в гробнице 'Тутанхамона

Несколько вступительных слов. Я не являюсь профессиональным историком – с самого детства считаю себя заинтересованным и, к сегодняшнему дню, довольно изощренным любителем. С книгами АТФ и его постоянного соавтора НГВ знакома довольно подробно и давно. Первую из них, посвященную «реконструкции» истории античности, купила совершенно сознательно. Меня заинтересовало оглавление – честно говоря, в любой из книг АТФ и НГВ это единственный хорошо структурированный раздел. По мере «углубления» в текст недоумение мое возрастало, можно сказать, в геометрической прогрессии. Не буду останавливаться подробно – о возможных причинах такого недоумения написано уже достаточно. Они (причины эти), как правило, у вдумчивых читателей – и профессионалов, и любителей – всегда повторяются.

В этом небольшом очерке мне хотелось бы на конкретных примерах показать методы и приемы авторов по поиску исторических «иллюстраций» и подтверждений своих гипотез. Речь пойдет исключительно о разделах некоторых их книг, посвященных истории Древнего Египта (к слову сказать, это – одна из самых экзотических тем «нх»). Тем более, что все перечисленные источники, которыми пользовались авторы для получения необходимых им аргументов, оказались мне хорошо известными).

Ниже, на нескольких фактах, будет показана, мягко говоря, недобросовестность АТФ и НГВ (а таких случаев можно привести очень и очень много). Подтасовки, выдергивание цитат из контекста (с потерей или искажением смысла) я буду называть «недобросовестным цитированием».

Пример I. Васильки в гробнице Тутанхамона

Первый рассматриваемый труд АТФ и НГВ – «Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности (М.: «Факториал», 1998 г.; далее – «Империя»). Интересующий нас раздел – 4. «Пирамиды», параграф – 4.3.6. «Венки из

захоронения Тутанхамона». Здесь процитировано довольно редкое издание – *Говард Картер*. «Гробница Тутанхамона» (М.: Изд-во Восточной Литературы, 1959). Итак, в указанном параграфе «Империи» идет речь о цветочных венках, найденных в гробнице Тутанхамона. На основании «Отчета о венках из цветов, найденных в гробах Тутанхамона» (исследовал венки доктор Швейнфурт – специалист по погребальным атрибутам древнего Египта) авторы «Империи» заявляют, что «...некоторые растения, найденные в гробнице Тутанхамона, не росли в Египте при его жизни» и подтверждают это соответствующими цитатами из отчета.

Я заявляю, что данное утверждение – ложь и заведомое введение читателя в заблуждение.

Итак – что «процитировали» авторы «Империи», и что на самом деле написано в труде Картера:

Авторы: «...Василек (*Centaure depressa*, M. Vieb) «Не был местным египетским растением» (с. 260)»;

Картер: «...Василек (*Centaure depressa*, M. Vieb) – это был один из цветков, наиболее часто применявшихся древнеегипетскими цветоводами при плетении венков, и многие образцы его сохранились в гирляндах, датируемых периодом от XVIII династии до греко-римского включительно. ОН НЕ БЫЛ МЕСТНЫМ ЕГИПЕТСКИМ РАСТЕНИЕМ, но попал в Египет из Западной Азии или из материковой Греции... А затем стал культивироваться в фиванских садах» (Картер, с. 260).

Авторы: «...Мандрагора (*Mandragora officinalis*, L.) «Не была местным растением в долине Нила» (с. 261)»;

Картер: «...Мандрагора (*Mandragora officinalis*, L.) – не была местным растением в долине Нила, но, несомненно, проникла в древние времена из Палестины, где была распространена, особенно на болотистых равнинах... С этим растением связано огромное количество фольклорных мотивов. Все они были собраны и проанализированы Джемсом Фрезера во втором томе его труда «Фольклор в Ветхом завете» (с. 261).

Авторы: «Олива (*Olea europaea*, L.) «Выращивается лишь в немногих садах верхнего Египта» (с. 261)»;

Картер: «Олива (*Olea europaea*, L.) «Это дерево В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ выращивается лишь в немногих садах верхнего Египта, НО ДОСТОВЕРНО ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНО, ЧТО ОНО д. б. быть широко распространено в древние времена ПО ВСЕЙ НИЛЬСКОЙ ДОЛИНЕ» (с. 261).

Авторы: «Ива (*Salix salsaf*, Forsk.) «В самом Египте... появлялась лишь случайно» (с. 261)»;

Картер: «Ива (*Salix safsaf*, Forsk.)... – еще встречается в диком состоянии на берегах Нила, в Нубии, но в самом Египте, по мнению Швейнфурта, появлялась лишь случайно, будучи занесена со своей родины на Юге» (с. 261).

Какой же вывод после такого, с позволения сказать, цитирования делают авторы «Империи»?

«Тем самым *половина* распознанных видов растений вызывает подозрение в не египетском происхождении».

Для тех, кто не читал этот раздел «Империи», напомним – все эти доводы и иллюстрации (т.е. столь обширный «культурологический» материал) приведен авторами, чтобы подтвердить их гипотезу о том, что Египет – это всего лишь огромный некрополь, а корни всего – в России (Орде, Монголии, Татарии и т.д., и т.п.).

А какие выводы завершают цитируемый авторами «нх» отчет?

Параграф «Замечание о времени года, когда был погребен Тутанхамон»: «Судя по цветам и плодам, найденным в составе этих венков, можно указать время года, когда Тутанхамон был опущен в свою гробницу. Василек цветет во время жатвы в марте или апреле, и в это самое время созревают плоды мандрагоры и паслена... Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что Тутанхамон был погребен между серединой марта и концом апреля». А вступительные абзацы посвящены роли этих находок, которые только подтвердили уже известные историкам традиции использования венков в погребальных обрядах Египта.

Такое использование первоисточников является бессовестным передергиванием. Именно это я и называю недобросовестным цитированием и враньем. И я настаиваю – что это основной метод у авторов «нх» при подборе иллюстраций и подтверждений их исторических гипотез. Такой труд ни в коем случае не может быть назван *научным*.

Пример 2. В защиту Шампольона

Вновь обратимся к интерпретации АТФ и Н1В истории Древнего Египта.

В исследовательском запале авторы не только выдвигают свои гипотезы, но и критикуют историков-традиционалистов. Естественно – самых известных из них, в первую очередь – главного дешифратора египетских иероглифов, называемого многими великим – Франсуа Шампольона. Сей последний удостоился от авторов двух

подробных упоминаний в «Империи» в § 10. «Почему сегодня считается, что до Шампольона египетские иероглифы читали совершенно неправильно?» и в § 15. «Кто, когда и зачем сбивал имена, названия городов, стран на памятниках «Древнего» Египта?».

Рассмотрим сначала § 10. *«Почему сегодня считается, что до Шампольона египетские иероглифы читали совершенно неправильно?»* («Империя», стр. 506).

Итак, какой же труд используют авторы для своей критики Шампольона как дешифратора? Единственный – детскую книжку К.Керама «Боги, Гробницы, Ученые». (Она от этого, правда, хуже не становится – особенно для получения информации в определенном возрасте.) Так в чем же пафос критики Шампольона? Прежде всего в том, что он отказался от прежних выводов, сделанных за 1000 лет до него Горасполоном. Авторы – на первый взгляд – добросовестно процитировали то, что о нем написано у Керама. Да, действительно, Горасполоном первым описал иероглифы – но он считал их т.н. рисуночным письмом. При этом Горасполоном каждому из иероглифов «придумал» объяснения в виде маленьких рассказов, как бы поясняющих смысл каждого из иероглифов. Да, действительно, все последующие попытки расшифровать надписи из Египта опирались именно на Горасполона, а потому были просто интерпретацией непонятных, но очень красивых, орнаментальных изображений – иероглифических надписей. И это все написано у Керама. Всего – ...на полутора страницах. Откровенно говоря, сделать какие-либо однозначные выводы из того, что написано у Керама, для научного обоснования критики – очень трудно. Я могу, конечно, это только утверждать, но тех, кто не просто отвергает любую критику авторов, а пытается разобраться – призываю самим прочитать у Керама (изд. 1994 г., стр. 87–90).

Невозможность сделать эти выводы авторы «Империи» дополняют своим обычным способом – выдумками, с использованием здесь уже просто неполного цитирования. Так, выудив у Керама, что один переводчик (по Кераму – безымянный?!), основывающий свои работы на интерпретациях Горасполона, «...увидел в надписи на храме в Дендера сотый псалом», авторы обрывают цитату, а ведь дальше, в этом же предложении, написано, что другой переводчик на обелиске Памфлия распознал сообщение «...о победе добрых над злыми – за 4 тысячи лет до рождества Христа». Да, действительно, Керрам признает, что у Горасполона есть много верного – что стало ясно после открытия Шампольона, и что символика Горасполона, «...применяемая последователями его к бо-

лее поздним надписям, приводила на ложный путь». Только вместо того, чтобы пояснить (на основании того же Керама или самого Шампольона, который очень много писал об этом) АТФ и НГВ начинают выдумывать – почему. Оказывается, потому, что «...по мнению египтологов, словарем Горалолона можно пользоваться только для чтения «старых надписей». А пользоваться тем же самым словарем для чтения «более поздних» записей категорически запрещается. Потому что начинают получаться переводы, пугающие некоторых египтологов. Например, неожиданно появляются библейские тексты» («Империя», стр. 507). Это – простите за грубость – полная ерунда. (Кстати, у Керама нигде нет сочетания «словарь Горалолона», да и не могло быть – он, видимо, гораздо лучше авторов разбирается в иероглифах и истории их расшифровки. То, что написал Горалолон, называлось «Иероглифика», но в нем речь идет вовсе не о том, что мы подразумеваем под понятием «иероглифы» а об *интерпретации*, истолковании священных символических изображений, т.е. о египетских символах, которые не имеют ничего общего с иероглифами) – это цитата уже из самого Шампольона. А словаря – т.е. перевода одних и тех же слов с одного языка на другой – у Горалолона не было). Просто-напросто, более раннее письмо было в большей степени «иероглифическим», т.е. содержало больше знаков-определителей, которые ставились в конце особо значимых понятий и представляли из себя действительно символы с определенным смыслом. И вот как раз достаточно большое количество этих самых символов, как показали более поздние исследования, в частности Шампольона, Горалолон очень неплохо интерпретировал. Т.е. действительно «...его рассуждения содержат много верного, и стало это ясно именно тогда, когда Шампольон расшифровал иероглифы».

А вот более позднее письмо – это «иероглифика» уже гораздо в меньшей степени, это уже – развитие иероглифов в иератическое и демотическое письмо, и для его расшифровки и необходимо было отказаться от единственного подхода Горалолона, чтобы понять наконец, что египетские записи – это сочетание и «фонетических знаков», и «знаков-слов», ну и уже известных нам «знаков-определителей». Кстати, все это написано у Керама. Но авторы не желали прочитать «этого» – они предпочли выдумать еще пару ни на чем не основанных обвинений в адрес Шампольона.

И наконец, вывод – «Итак, из «древнеегипетских» текстов вычитывали Библию, основываясь на существовавшем якобы с IV века древнеегипетском словаре (?!). И это хорошо отвечает нашей реконструкции, изложенной... – тексты древнего Египта содержат,

в частности, первоначальный «еврейский», – т. е. жреческий, написанный египетскими иероглифами, – ТЕКСТ БИБЛИИ» («Империя», стр. 507).

Я намеренно не цитирую дальше – оставляю это право возмущенным сторонникам, которые сейчас же начнут «ловить» меня за руку, обвиняя – со своей стороны – в недобросовестном цитировании. Только не забывайте при этом (помимо выдумок авторов о существовании «ИЕРОГЛИФИЧЕСКИ-ГРЕЧЕСКОГО СЛОВАРЯ»), на каком строго научном сопоставлении имеющихся источников (Керам) этот вывод сделан.

Да, и последнее. Риторический вопрос, который ставят авторы «нх»: «...Хотелось бы наконец выяснить – предложил ли Шампольон или его последователи обоснованное (?), альтернативное прочтение для тех опасных для египтологов «древнеегипетских» текстов, которые ранее считались библейскими», истинные ученые попытались бы прояснить самостоятельно, а не ставить его перед автором детской (или просто – популярной) книги (в данном случае, Керамом).

△

Рассмотрим теперь § 15. «Кто, когда и зачем сбивал имена, названия городов, стран на памятниках «Древнего» Египта?» («Империя», стр. 513–516).

Ну ответ на это вопрос, конечно же, ясен – сам Шампольон. Откуда это известно уважаемым авторам? Здесь источников гораздо больше – целых три (вернее четыре – но последний, по-моему, в чистом виде фантом, привлеченный исключительно для солидности – см. ниже). Уже известный нам *Керам* (из этого источника мы узнаем, что «...хорошо известно, что именно орудийные батареи Наполеона изуродовали большого Сфинкса...», хотя гораздо лучше известно, что версий на это счет существует очень много – в том числе и об арабском вандализме по отношению к этому памятнику), *Морозов*, который в свою очередь ссылается на знакомого ему араба (?!), *Бруш*, который говорит о КОНКРЕТНОЙ ситуации, возникшей во время XVII Династии, а именно после Эхнатона, когда сбивались надписи и упоминания о фараоне-реформаторе, и, наконец, наиболее полно цитируемый авторами – *Элебрахт Петер* «Трагедия пирамид. 5000 лет разграбления египетских усыпальниц» (М.: «Прогресс», 1984). Да, есть еще издание «Ж.Ф.Шампольон и дешифровка египетских иероглифов». (Сб. статей, М.: «Наука»), но с ним странная история. АТФ и НГВ приводят только одну цитату из этой книги, которая полностью повторяет целый абзац из Керама. Т. е. я хочу сказать, что вовсе было необязательно ради

весьма такой популярной цитаты указывать издание «Науки», разве только для солидности. Но это, так, к слову.

Итак – Элебрахт. (Кстати, эта книга – это сборник публицистических статей, где в основном изложены путевые впечатления автора – частного коллекционера и постановщика за свои собственные деньги – этнографических документальных фильмов.) Именно он в своей книге приводит пространную цитату – выдержку из письма современника, из которой следует, что Шампольон варварски уродовал памятники Египта. Да, было дело – в своей экспедиции по Египту Шампольон много чего увез без спросу, и это ему чести не делает.

Так вот, цитата: «...Найденная Бельцони гробница в Фивах была одной из лучших; по крайней мере она полностью сохранилась и нигде не была повреждена. Теперь же – продолжает Гессмер – из-за Шампольона лучшие вещи в ней уничтожены. Прекрасные, в натуральную величину росписи лежат разбитые на земле... Тот, кто видел эту гробницу прежде, не сможет узнать ее. Я был до крайности возмущен, когда увидел такое святотатство».

Ужасно, правда? А знаете, что скрывается за отгочием? Что пропустили авторы? Очень немного: «...Из-за тщеславного намерения увезти эти удивительные работы в Париж они теперь навсегда уничтожены...». Так что желающие посмотреть, что же злонамеренно *во исполнение мирового заговора по фальсификации истории* похищал Шампольон, милости просим в Париж.

В тот момент, когда Шампольон отправился в Египет – египетская коллекция во Франции была самой бедной в Европе. Так уж сложилось. И Шампольон пополнил ее сотнями, если не тысячами экземпляров. Это, конечно, повторяю, ему чести не делает. Но для выводов типа: «Гессмер (автор цитируемого письма) простодушно решил (или кто-то ему услужливо подсказал – знамо кто, ребята из партии фальсификаторов...), будто, круша молотком надписи, Шампольон был движим намерением перевезти изображения во Францию... Такое «объяснение» в принципе можно было допустить. **НО ПОСЛЕ ТОГО, ЧТО НАМ ТЕПЕРЬ СТАНОВИТСЯ ИЗВЕСТНО**, трудно отделаться от мысли, что мотивы были иными» (!) – нет никаких оснований. Кроме большого желания именно в этом обвинить Шампольона.

Таковы выводы АТФ и НГВ?! Да еще с привлечением *только* одного источника – опять, почему-то, весьма и весьма популярного! А ведь только список трудов и расшифровок, осуществленных Шампольоном, займет гораздо больше места, чем «критики» на него авторов «Империи»...

Пример 3. Средневековые русские кареты в гробнице Тутанхамона

Здесь мы рассмотрим некоторые, особо интересные, места из одной из следующих книг АТФ и НГВ «Реконструкция истории. Книга 1. Новая Хронология» (М.: ФИД «Деловой Экспресс», 2000; далее – «Реконструкция»). Интересующая нас глава – VI. Пятнадцатый век. Раздел 9. «Монгольское» имперское кладбище в долине пирамид в Египте. Из чего были построены пирамиды.

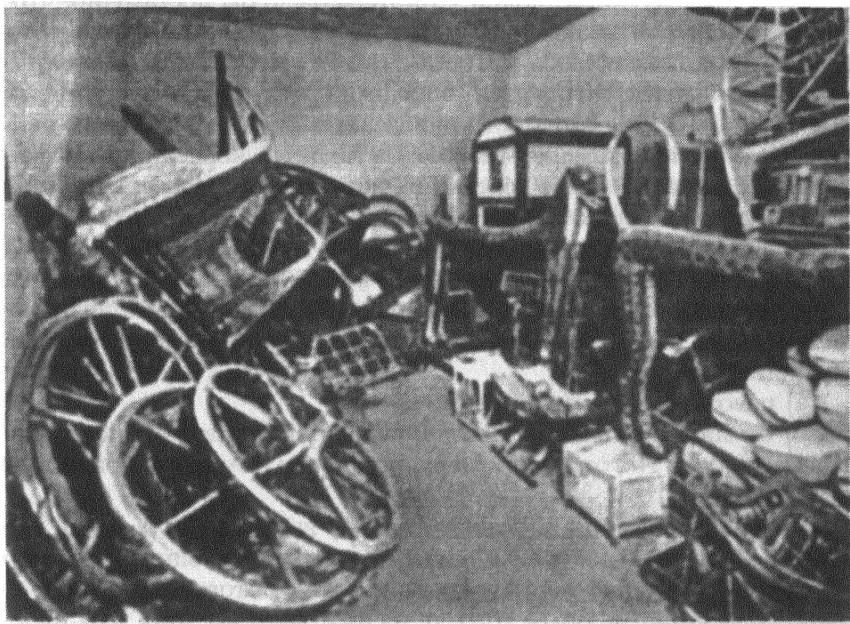
(Позволю себе маленькое отступление, чтобы выразить общее впечатление от новой книги авторов. Законы рыночной экономики и необходимость повысить «продаваемость» бесконечно повторяемых по содержанию очередных изданий по «нх» сказываются – книги стали дешевле, удельный вес математических и статистических доказательств существенно снижен. И самое главное – так любимая сторонниками «гипотетичность» основных построений и реконструкций авторов практически исчезла из текста. Эти самые реконструкции – агрессивны, безапелляционны и... чрезвычайно «аргументированы» – количество взятых из многочисленных источников «иллюстраций» и аргументов, подтверждающих новую историю – впечатляет. Как всегда, на читателя (в особенности – слабоискушенного) должен произвести впечатление «энциклопедизм» авторов. Вот и остановимся на одном таком аргументе и оценим этот самый «энциклопедизм».)

Цитата из указанной главы «Реконструкции»: «Согласно нашей реконструкции, известный погребальный комплекс «древнего» Египта – это имперские кладбища. Сюда привозили хоронить царей-ханов Великой-Монгольской империи и других высокопоставленных лиц». Далее идет еще несколько невнятных абзацев о том, что этих самых правителей, конечно же, предварительно надо было балзамировать. И наконец: «На рис. 6.70 показана одна из камер в погребальном склепе «древне»-египетского фараона Тутанхамона [961], с. 79. Разобранная на части фараонская (так в тексте! – М.П.) повозка выглядит как хорошо знакомая нам **КАРЕТА** русских царей и европейских правителей. Похожие кареты можно увидеть сегодня в Оружейной Палате Московского Кремля».

На что ссылаются авторы (а список литературы в «Реконструкции» приближается к тысяче наименований)? Если помните, ранее (по поводу Тутанхамона) ссылка была на полностью изданный в

СССР в 1959 году отчет Картера о раскопках (*Говард Картер. Гробница Тутанхамона. – М.: Издательство Восточная Литература, 1959*). А теперь – нет. Указанная ссылка [961] – это англоязычный источник – «Nicholas Reeves. The Complete Tutankhamun. The King. The Tomb. The Royal Treasure. New-York, Thomas and Hudson, 1990, 7, 1995». Исходя из вышесказанного – гипотеза. Убедившись в том, что читатели все-таки в состоянии найти объемный труд Картера, в котором приведена исчерпывающая информация и цитаты», авторы (вспомним их «цитаты» про погребальные венки из этого же источника) предпочли отослать свою аудиторию к «иностранному» источнику? А мы возьмем Картера. Фотография под номером 6.70 у авторов в отчете Картера имеет следующее название: «Табл. 14. Внутренний вид передней комнаты. Южная часть. Разобранные колесницы и ложе с головами гиппопотамов». (И в источнике №961 эта фотография, конечно же, также от Картера.)

Так что же, собственно, меня возмутило в ссылке АТФ и НГВ? А вот что. Даже если авторы никогда и нигде до сих пор не видели ни одного изображения фараона на колеснице – простого перелис-

Табл. 14. Внутренний вид передней комнаты. Южная часть. Разобранно колесницы и ложе с головами гиппопотамов.

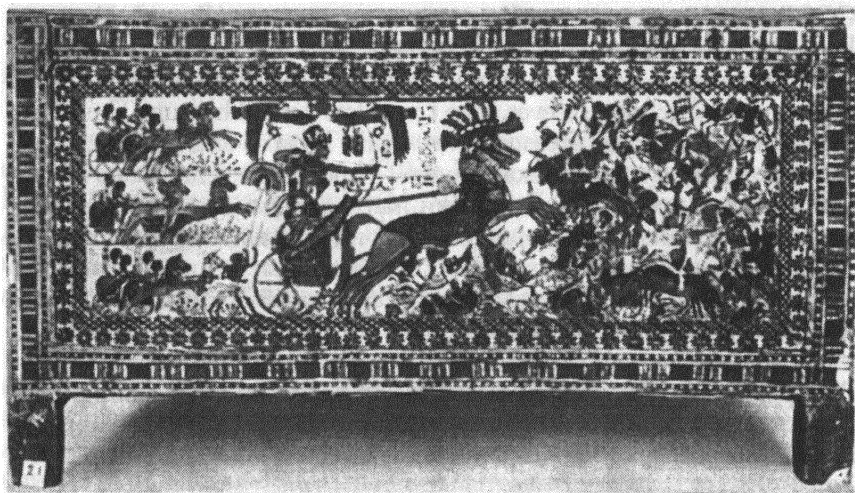

Табл. 19. Правая боковая стенка расписного ящика № 21. Изображение напоминает роспись левой стороны, однако здесь фараон поражает азиатов — северных врагов. Там же как и на левой стенке, вся миниатюра заполнена бесчисленными фигурками; художник сумел великолепно передать движение. Фараон, стоя на колеснице, целится из лука в своих врагов. Его псы хватают раненых и убитых.

тивания последующих таблиц у Картера было бы достаточно, чтобы понять, что его «знакомая нам КАРЕТА русских царей» — это двухколесная повозка, в которой может вместиться один-единственный человек, и то — стоя (в некоторых случаях — с возницей). (Таблицы 16–19, на которых приведены изображения ларца, найденного в этой же камере — фараон на такой же колеснице на охоте или фараон на такой же колеснице, поражающий своих врагов.)

Но если и это не смогло убедить авторов (мало ли, может, пропорции на этих «картинках» заведомо нарушены), то на Таблице 73 (см. сл. стр.) они смогли бы обозреть во всех подробностях кузова из тех самых «разобранных фараонских повозок» — даже с изображениями на их внутренних сторонах. А обозрев, с легкостью бы убедились, что:

а) повозки эти двухколесные;

б) самая маленькая карета в Оружейной Палате Московского Кремля (возок Петра I, к примеру) раза в три больше «фараонской колесницы»;

в) и на приведенной фотографии мы видим не одну, а как минимум — *три* повозки (а если почитать соответствующий параграф у Картера, то можно точно установить, что сфотографированы четыре колесницы) и, более того, те из них, которые «так нам напоминают КАРЕТЫ русских царей», лежат в сфотографированной куче ...ПЕРЕВЕРНУТЫМИ...

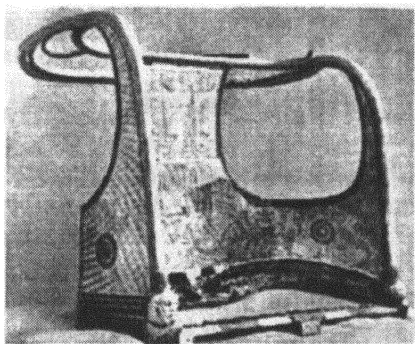
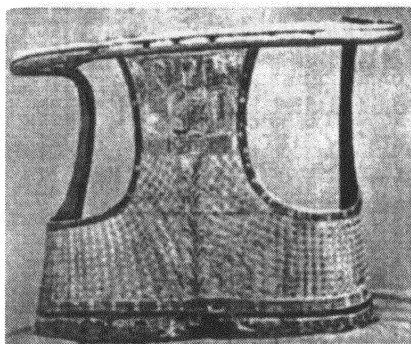

Табл. 73. Кузов первой передней колесницы, сделанный из нагнутых деревянных частей и покрытый поверх грунтовки полированными тонкими листами золота. Рама и некоторые другие части инкрустированы полупрозрачными камнями и разноцветными стеклами

А — рельефные украшения внешней стороны образованы картушами Тутанхамона, центральной вертикальной лентой, заполненной растительным орнаментом, и боковыми панелями, покрытыми тщательно выложенным узором из спиралей; Б — с внутренней стороны изображены царские картуши и эмблема единички обоев царств, к которой снизу присоединены вавилонки Севера и Юга. Было много других вычужденных орнамент, образованный фигурами чужеземных плаваний со скульптурными из глины руками, преломляющих колески перед сфинксом, облицованными Тутанхамона. Нижняя рама украшена золотой инкрустированной обивкой с обеих сторон; в местах, где она соединяется с осями, выделены розовые головки бога Беса.

Выводы

Либо авторы (или те, за кого они подписывают свои труды, не глядя) не читают ни одного из приведенных ими источников, а, в лучшем случае, – пролистывают на предмет поиска «подходящих» картинок. Либо авторы (или те, за кого они подписывают свои труды, не глядя) беспардонно «фантазируют» (скажем так) и подбирают свои т. н. «аргументы», сознательно искажая очевидные истины, НЕ очень уважая при этом своих читателей (полагая, по всей видимости, что никому из них и в голову не придет лично обратиться ни к одной из цитируемых книжек).

Мне кажется наиболее вероятным – последний вариант.

Академик с железным посохом

Новая хронология академика Фоменко начинает проникать на Запад. Хотя самого академика, возможно, никогда не существовало

Свершилось – историческое учение математического академика А.Т.Фоменко, так называемая «новая хронология», вышло за пределы России. 19 апреля в Daily Telegraph появилась статья* с репликой на изложение фоменковских концепций. До сих пор популярность Фоменко и его многочисленных последователей ограничивалась Россией. Теперь весь мир может ознакомиться с неожиданными подробностями своей подлинной истории.

Впрочем, вряд ли Фоменко немедленно получит от этого какой-нибудь профит. На Западе он пока что выглядит курьезом – ближайшим родственником авторов гипотез о треугольности земного шара и о происхождении украинцев из Атлантиды. Англичан вряд ли порадует известие о том, что король Артур был русским, а Шотландия – чем-то вроде Запорожской Сечи (по-французски Шотландия – «Ecosse» – согласно Фоменко, явный намек на казаков). С итальянцами подобный номер тем более не пройдет – человека, который каждый день спотыкается об античные развалины, никак не уредишь в том, что Юлия Цезаря отродясь не существовало.

Тем не менее первый шаг в освоении дальнего зарубежья сделан. Этого стоило ожидать. Учение Фоменко в последнее время распространяется быстрее любого ящура или коровьего бешенства. Когда-то – в далекие семидесятые – оно существовало лишь в виде тонких специальных брошюрок, которые, впрочем, активно расходились в самиздате. Фоменко тогда был довольно скромен, занимался в основном астрономией – подсчитывал точную датировку солнечных затмений и говорил о своей системе как о гипотезе. Гипотеза эта состояла в том, что реальная история человечества на 1000 лет короче общепринятой. В восьмидесятые вокруг него начали группироваться ученики, с помощью которых Фоменко вышел за пределы астрономии и начал охватывать все стороны человечес-

* *Warren Marcus. King Arthur was really a Russian, say Slavs // Daily Telegraph, Issue 2155, Thursday, 19 April 2001.*

кого знания – от дендрологии до лингвистики. Гипотеза стала теорией. Главное – в ней появился конструктивный элемент. Фоменко не просто разоблачал мифы, но и рассказывал, как все было на самом деле. С помощью газеты «Московский комсомолец» подробности жизни Батгья, который на самом деле Александр Невский, и Христа, который папа Григорий VII Гильдебрандт (кто-то из них еще и Цезарь – запутаться довольно легко), в начале девяностых стали известны всей грамотной публике.

Ученики и единомышленники стекались к Фоменко толпами. Историков среди них нет, равно как и вообще гуманитариев. Зато есть множество физиков, химиков, минералогов и даже один шахматный чемпион – Гарри Каспаров, самое, пожалуй, ценное приобретение «новых историков». Нынешнее поколение фоменковедов вполне может обходиться без отца-основателя – от многих его постулатов они даже с легкостью открепиваются. Когда-то маргинальное учение теперь настолько развито, что существовать и покорять умы может и самостоятельно. Для этой цели недавно был основан целый проект под названием «Новая хронология» – у которого есть отдельный куратор и даже свой сайт, впрочем, до невозможности кривой и напоминающий учебную домашнюю страничку.

Стихийное движение энтузиастов-одиночек с мотором, похоже, все больше превращается в хорошо отлаженный механизм. Средств для его работы хватает – книжки Фоменко сотоварищи расходятся бешеными тиражами. Из сенсационных статей в «МК» «новая хронология» начинает перебираться в школы – все больше детей воспитываются в уверенности, что в египетских пирамидах хоронили русских князей, а Израиля никогда не существовало. Дальше прямая дорога – в институты, университеты и академии. Скоро уже традиционная историческая наука перейдет в разряд маргинальных и спорных гипотез.

Ничего удивительного в этом нет. Суть популярности «новой хронологии» довольно проста – и кроется она, вопреки общему представлению, отнюдь не в патриотических реконструкциях истории цивилизации, согласно которым Российская империя некогда простиралась от Северного полюса до экватора. Это всего лишь одна из версий, придуманная персонально любимым учеником и соавтором Фоменко – Г.В.Носовским. Большая часть нынешнего поколения «новых хронологов» к ней относятся скептически.

Роднит их всех другое – радость неопитов, обнаруживших простой и доступный каждому способ совершать сенсационные открытия. Каждый, хотя бы слегка познакомившийся с «новой хронологией», получает в свое полное распоряжение безотказный инстру-

ментарий для самостоятельного научного творчества. Этакий Lego с пластмассовыми рыцарями, которых легко можно перекрасить хоть в татаро-монгольских захватчиков, хоть в фашистских оккупантов. Не нужно тратить время на долгую и занудную учебу, на чтение многостраничных трактатов – все у тебя под рукой. В самом деле, догадаться, как это делает Фоменко, что Лейпциг – на самом деле Липецк (ну ведь похоже звучит, тут не поспоришь), может практически любой. Главное – найти нужную методику. Именно ее и предоставляет благодарной публике уважаемый академик. Радость его читателя может сравниться только с радостью первого питекантропа, изобретшего палку-копалку – разве что эволюционный эффект явно поменьше.

Так что причина столь массового успеха фоменковедения – отнюдь не в доказательности его аргументов. Даже самым преданным сторонникам до них дела мало – в чем легко убедиться, заглянув к ним на сайт. Наряду с *текстами более-менее наукообразными* здесь без проблем печатают и *явных сумасшедших* – да и какая разница, лишь бы работало.

А работает прекрасно. Доказательства Фоменко, будто бы основанные на строгих математических выкладках, на самом деле действуют на подсознание читателя. Поэтому и опровергать их бессмысленно. Многочисленные серьезные ученые – историки, археологи, астрономы, лингвисты – уже *сто раз* разбили доводы фоменковцев в пух и прах. Да только зря *старается*, например, великий лингвист А.А.Зализняк. Его доводы просто не воспринимаются – он разговаривает не на том языке, доказывая всю, мягко говоря, бредовость новохронологических идей с точки зрения науки лингвистики. Ему, как и прочим гуманитариям, никак не приходит в голову, что для учеников Фоменко лингвистика – вообще не наука. Равно как и все остальные гуманитарные дисциплины.

Именно поэтому среди них – сплошные технари и спецы в точных дисциплинах. Придуманый в 60-е годы конфликт физиков и лириков в наши дни стал вполне реален. Если так пойдет и дальше, нарушится выработанная веками научная специализация – компаративист еще верит химику, но химик компаративиста уже считает шарлатаном. Во всех гуманитарных дисциплинах есть определенная условность – они никогда не претендуют на абсолютность знания, в отличие от наук точных. Какого-нибудь Петрарку, в отличие от железной руды, взвесить невозможно.

Этим фоменковцы и пользуются. Отныне бессмысленно рассказывать математику про падение редуцированных – он сам кому угодно расскажет, что японский язык – это русский, потому что и

там и там есть слово «яма». А Сарданапал – Стенька Разин, потому что «царь-на-дону». А Иван Грозный был на самом деле Соломоном, потому что как же иначе.

Налицо явный антигуманитарный мятеж. Академик Фоменко поверяет алгеброй не историю, а всю нынешнюю культуру. Похоже, он с последователями всерьез намерен возобновить практику титанов Возрождения с их интеллектуальной всеохватностью. Только результатом будет не расцвет всех наук, а полнейший культурный хаос. Хотя как знать – может, этого они и добиваются.

Пока что естественным ограничителем для «новой хронологии» служит неумеренный патриотический пафос, благодаря которому за пределами России ее никогда не воспримут. Но это дело поправимое. Создать экспортный вариант Фоменко – задача не из сложных. Всего лишь надо в английском, например, издании написать, что Елизавета I – на самом деле Клеопатра, а Нельсон – Овидий Назон, похожие ведь фамилии. А в американском – что Авраам Линкольн натуральный праотец Авраам, а Франциск Ассизский жил в Сан-Франциско. И вот тогда во всем мире наступит действительно полнейшая неразбериха, и помрачится сознание народов, и будет их пасти академик-тополог *посохом железным*.

Впрочем, для самого академика Фоменко в этом есть ряд минусов. Грядущие поколения, пользуясь его же методой, легко могут объявить, что никакого Фоменко не было. Ясно ведь, что это обычный Фома неверующий.

Преступление Клавдия Птолемея

Вот мы и подошли к самому драматическому моменту нашего повествования о Клавдии Птолемеи*. Спустя 1800 лет после своей смерти великий античный астроном был обвинен в преступлении, а именно в сознательной подделке своих собственных и приводимых им в «Альмагесте» чужих наблюдений. Причем подделаны не одно-два, а десятки наблюдений. А те, о которых нельзя прямо сказать, что они подделаны, во всяком случае, могут быть подделкой.

В качестве заголовка этой главы мы выбрали название книги уже не раз упоминавшегося выше американского геофизика, занявшегося историей астрономии, Роберта Ньютона**. После ряда статей в научных журналах с «разоблачениями» Птолемея он выпустил эту книгу на английском языке в 1977 г., а недавно она вышла и в русском переводе***. Название «Альмагест» в ней фигурирует только один раз: с целью объяснить, почему автор от него отказывается и предпочитает именовать труд Птолемея «Синтаксисом» в соответствии с тем названием, которое дал ему сам Птолемей. Это – безусловное право Р.Ньютона, как и любого другого ученого. Но, как говорится, дело не в названии.

Метод, которым пользуется Р.Ньютон для выявления «подделок» Птолемея, прост до крайности. Он выбирает из «Синтаксиса» некоторую наблюдавшуюся Птолемеи (или другим древним астрономом) величину (координаты светила, момент какого-либо явления и т. п.), вычисляет по современным теориям ее истинное значение, затем делает аналогичный расчет по теории Птолемея и находит результат: наблюдение хорошо сходится с теорией Птолемея и плохо – с современной теорией. Затем Р.Ньютон делает предположение, что отклонение от современной теории – результат случайной ошибки наблюдений. Зная точность наблюдений той эпохи, он подсчитывает вероятность такой ошибки и получает, как правило, что эта вероятность крайне мала (особенно, если речь

* Настоящая публикация представляет собой фрагмент (11 главу) книги В.А.Бронштэна Клавдий Птолемей (М.: «Наука», 1988).

** Robert R. Newton. The Crime of Claudius Ptolemy. – Baltimor and London: The John Hopkins University Press, 1978.

*** Ньютон Р.Р. Преступление Клавдия Птолемея / Пер. с англ. под ред. Е.А.Гребеникова. – М.: «Наука»-ГРФ-МА, 1985

идет не об одном, а о нескольких однотипных наблюдениях). Значит, заключает он, наблюдение подделано.

Далее Р.Ньютон прибегает еще к такому приему. Стараясь показать свою объективность, он ставит вопрос: быть может, Птолемей ни в чем не виноват, а его постоянно обманывал проводивший наблюдения по его заданию помощник. Отличаясь ленью (или желая провести время иным образом), он ничего не наблюдал, а вычислял по теории Птолемея предполагаемый результат наблюдения и выдавал его за таковой. Не говоря уже о том, что трудно так морочить голову своему руководителю в течение 15 лет, далеко не во всех случаях вину можно возложить на помощника. К тому же Птолемей во многих местах «Синтаксиса» прямо пишет, что наблюдения проводил он сам. Анализируя эту «версию», Р.Ньютон приходит к вполне обоснованному выводу: гипотетическим помощником мог быть только... сам Птолемей.

Оставим версию с помощником и поставим вопрос прямо: почему наблюдения Птолемея часто хорошо согласуются с его же теорией и в то же время противоречат результатам расчетов по современным теориям?

Некоторые примеры мы приводили в гл. 9, посвященной звездному каталогу. Мы видели, как Птолемей, стремясь подтвердить значение постоянной прецессии, полученное, по его мнению, Гиппархом (и, как мы теперь знаем, ошибочное), выбрал из наблюдений склонений 18 звезд как раз те шесть, которые в среднем давали гиппархово значение (36" в год), а остальные 12 звезд (которые дали бы ему верное значение) отбросил. Там же мы постарались дать этому факту объяснение с учетом психологии исследователя, не только древнего, но и современного, стремящегося подтвердить результат предшественника, для него авторитетного. Вспомните приведенный там же пример с периодом вращения Венеры.

Еще один пример был приведен в гл. 10 при описании того, как Птолемей искал положение апогея Меркурия. Его собственные наблюдения давали ему долготу апогея 10° или 190° (из этих наблюдений он находил, собственно говоря, направление оси апсид как линии симметрии между двумя положениями центра эпицикла), а наблюдения середины III в. до н.э. давали долготы 6 или 186° (на 4° меньше). Но между эпохой этих и его собственных наблюдений прошло четыре столетия, а прецессия давала (по Гиппарху и Птолемею) как раз 1° в столетие – вот и получается разница в 4° , и все сходится. Но действительная прецессия за 400 лет составляет $5,5^\circ$. Ее прибавление к долготам, полученным из древних наблюдений, мало изменит общий результат – получится $191,5^\circ$ вместо 190° , а

при усреднении с результатом по его собственным наблюдениям – $190,75^\circ$, на $3/4$ градуса больше, чем он получил вначале. Но Птоле-мею хотелось, чтобы все сошлось точно, и он усмотрел здесь под-тверждение найденной им и Гиппархом постоянной прецессии.

А посмотрите, как хорошо согласуются с неточной теорией Птолемея его наблюдения долгот планет, показанные кружочками на рис. 28–30. И как они расходятся с современной теорией! Что же здесь к чему подгонялось: теория к наблюдениям или наблю-дения к теории? Р.Ньютон дает ответ однозначно: наблюдения подделаны, подогнаны к теории.

В том, что такие случаи (согласие наблюдений с менее точной теорией и расхождения с более точной) имели место не раз и даже в новое время, нас убеждает табл. 9, приводимая О.Гингеричем. В ней даны расхождения четырех наблюдений положения Марса, выполненных Коперником, с данными его собственной теории, той же теории, улучшенной Э.Рейнгольдом, и современной теории.

Мы видим здесь ту же картину: согласие с несовершенной те-орией хороше, а с точной – плохое. Как же объяснить наблюдения 1518 и 1523 гг., давшие отклонения от действительных положений в $1-2^\circ$ при точности наблюдений Коперника $\pm 10'$ (некоторые авто-ры, например А.Берри, оценивают их точность гораздо ниже: $\pm 40'$)? Между прочим, и сам Коперник это понимал. В одной из своих черновых тетрадей, найденной потом в Упсале и изданной уже в наше время под названием «Упсальская запись», Коперник пишет о своих наблюдениях Марса и Сатурна 1512–1514 гг.: «Марс превышает расчет более чем на 2 градуса, Сатурн расчет превы-шает на $1\frac{1}{2}$ градуса».

Таблица 9. Расхождение наблюдений Коперника с теориями

Дата наблюдения	Расхождения наблюдений с теориями		
	Коперника	Рейнгольда	современной
1512 VI 5	-9'	-2'	-0° 20'
1518 XII 12	-9'	-3'	+1° 17'
1523 II 22	-2'	-5'	+2° 16'
1512 I 1	+4'	+4'	+0° 02'

О том, что у Птолемея имеются неточности, ошибки в наблюде-ниях и даже некоторые противоречия, знали еще арабские и сред-неазиатские ученые. Так, Абу Али ибн аль-Хайсам (965–1039), из-вестный также под латинизированным именем Альхазен, опубли-ковал «Книгу о сомнениях по поводу Птолемея». За столетие до

него Сабит ибн Корра (836–901) и Аль-Баггани (850–929) обнаружили движение солнечного перигея, который Птолемей считал неподвижным. Аль-Баггани нашел постоянную прецессию равной $54,5''$ против $36''$ у Птолемея. Он же уточнил наклон эклиптики к экватору, для которого Птолемей вслед за Эратосфеном принимал завышенное значение $23^\circ 5' 20''$. Сам Аль-Баггани получил $23^\circ 35' 41''$, что гораздо ближе к действительному значению в его эпоху.

Астрономы нового времени обратили внимание на ошибки у Птолемея еще более 200 лет назад. Так, в 1753 г. Тобиас Майер в письме к Леонарду Эйлеру писал: «Вполне возможно, что Птолемей понимал, что его солнечные таблицы содержат ошибки, происходящие от его наблюдений равноденствий, последних в ряду его обширных наблюдений; но, поскольку он уже построил на их основе всю свою систему, он предпочел, вероятно, пожертвовать своими наблюдениями, чем начинать все сначала. Поскольку, однако, никто не мог ему возразить, он сделал вид, что ошибочные равноденствия в его таблицах были истинными и наблюдались. Мы имеем множество примеров современных астрономов (речь идет о середине XVIII в. – В.Б.), которые настолько обожают свои построения, что фальсифицируют наблюдения (например, Лансберг и Риччиоли)¹. Птолемей, который, по-видимому, не мог и представить себе, чтобы кто-нибудь был способен уличить его в обмане, легко мог впасть здесь в ошибку».

На ошибки Птолемея, в частности в его наблюдениях моментов равноденствий, не раз указывал астроном и историк науки Ж.Б.Деламбр (1749–1822).

Как мы помним, основную роль в построении теории движения Луны у Птолемея играли наблюдения лунных затмений, причем он использовал наблюдения вавилонских астрономов начиная с VIII в. до н.э., наблюдения греческих астрономов (II в. до н.э.) и свои собственные. Анализируя эти наблюдения, Р.Ньютон объявил почти все их «сфабрикованными», хотя все затмения, о которых идет речь, содержатся в «Каноне затмений» Т.Оппольцера. Впрочем, для рассматриваемых эпох канон Оппольцера сам содержит значительные ошибки во времени и долготе (для солнечных затмений). Ошибки канона Оппольцера для начала нашей эры достигают $20'$, для -500 г. $40'$, для -1000 г. $60'$. Поэтому мы решили сравнить наблюдения лунных затмений, приводимые в «Альмагесте», со «Специальным каноном затмений» Ф.Гинцеля, не содержащим подобных ошибок (табл. 10). При переводе времен принята разность долгот Рим–Александрия 1 ч. 10 мин., Рим–Вавилон – 2 ч. 10 мин. В табл. 10 даны: местное время середины затмения, наи-

5*

большая фаза затмения в дюймах, т. е. двенадцатых долях диаметра Луны. В графе «город» *В* означает Вавилон, *А* – Александрия.

Буквой Δ мы обозначили разность моментов по Гинцелю и Птолемею. Подсчитав среднее квадратичное значение этой величины, получим $\langle \Delta \rangle = 28$ мин. Иначе говоря, в среднем ошибка в моменте середины затмения составляет полчаса. Этому не приходится удивляться, поскольку древние наблюдатели фиксировали не момент середины затмения, а момент его начала, и к тому же весьма приблизительно. Для примера воспроизведем одно из сообщений о наблюдении лунного затмения в Вавилоне, а также все операции, сделанные Птолемеем для получения момента его середины. Цитируем из «Альмагеста»: «Первое (из затмений. – *В.Б.*) наступило в первый год Мардокемпада, в месяце тот, 29/30 числа по египетскому календарю³. Затмение началось, как говорят, болсе часа спустя после восхода Луны и было полным. Поскольку Солнце было в это время в конце созвездия Рыб³ и ночь длилась около 12 равноденственных часо, начало затмения наступило, очевидно, за 4^{1/2} равноденственных часа до полуночи, а середина затмения (поскольку оно было полным) – за 2^{1/2} часа до полуночи». Вот такая цепочка оценок и расчетов стоит за числом 21 ч. 30 мин. первой строки табл. 10.

Таблица 10. Сравнение параметров лунных затмений

Дата	Время середины затмения, ч. м.			Величина затм.		Город
	Гинцель	Птолемей	Δ , мин.	Гинцель	Полное	
-720 III 19	21 27	21 30	-3	18,7		<i>В</i>
-719 III 8	23 40	0 00	-20	1,8	3	<i>В</i>
-719 IX 1	19 51	20 30	-39	6,4	>6	<i>В</i>
-620 IV 22	4 52	5 50	-58	1,6	3	<i>В</i>
-522 VII 16	23 24	23 00	+24	6,2	6	<i>В</i>
-501 XI 19	23 44	23 36	+8	2,1	3	<i>В</i>
-490 IV 25	22 39	23 30	-51	1,0	2	<i>В</i>
-382 XII 23	7 53	7 20	+33	2,4	Малая доля	<i>В</i>
-381 VI 18	21 00	21 06	-6	5,7	—	<i>В</i>
-381 XI 19	22 59	23 00	-1	17,6	Полное	<i>В</i>
-200 IX 22	18 37	19 00	-23	8,6	—	<i>А</i>
-199 III 19	0 54	1 20	-26	16,9	Полное	<i>А</i>
-199 IX 12	2 21	2 15	+6	19,4	Полное	<i>А</i>
-173 V 1	1 42	2 20	-38	7,6	7	<i>А</i>
-140 I 27	22 00	22 10	-10	3,3	3	<i>А</i>
125 IV 5	20 51	20 24	+27	1,8	2	<i>А</i>
133 V 6	22 51	23 15	-24	12,9	>12	<i>А</i>
134 X 20	22 48	23 00	-12	10,2	10	<i>А</i>
136 III 6	3 45	4 00	-15	5,3	6	<i>А</i>

Разобьем эту цепочку на отдельные звенья. Луна в полнолуние восходит одновременно с заходом Солнца. В дни, близкие к равноденствию, это происходит около 18 ч на всех широтах. «Более часа спустя» Птолемей понимает как $1\frac{1}{2}$ ч., т. е. затмение началось в 19 ч. 30 мин. Поскольку затмение было полным, Птолемей принимает его длительность равной 4 ч., отсчитывает половину этого интервала и считает, что середина затмения наступила в 21 ч. 30 мин.

Как видим, здесь два источника ошибок. Весьма приблизительное сообщение наблюдателя, что затмение началось «более часа спустя» после восхода Луны, можно понять и как через 1 ч. 10 мин., и как через 1 ч. 40 мин. Далее, не всякое полное лунное затмение длится ровно 4 ч. Так, длительность затмения 4 мая 1985 г. (величина 14,9 дюйма) составила 3 ч. 20 мин., в случае затмения 9 января 1982 г. (16,0 дюйма) – 3 ч. 25 мин., и только затмение 6 июля 1982 г. (20,7 дюйма) продолжалось 3 ч. 56 мин.

Так что не приходится удивляться тем ошибкам в моментах середины затмений, которые были допущены Птолемеем, а тем более утверждать на основе этих ошибок, что все эти наблюдения «сфабрикованы».

Удивляться приходится другому. Как сумел Птолемей, опираясь на такие наблюдения, построить свою теорию движения Луны, которая, по уже приведенной в гл. 8 оценке Н.И.Идельсона, является великолепной, а открытие Птолемеем эвекции – тоже на основе этих наблюдений – замечательным фактом в истории астрономии.

Если Птолемей, как считает Р.Ньютон, подделывал свои и чужие наблюдения, подгоняя их под свою теорию, то, спрашивается, на основании чего же он ее построил? Ведь не взял же он ее с потолка?! А что эта теория работала полтора тысячелетия и даже потом, как показали расчеты на ЭВМ, способна была выдержать «сопоставление» с позднейшими теориями – это факт. Мы отнюдь не отрицаем, что Птолемей допускал и ошибки (не случайные, а полусознательные, как в случае с прецессией) и вполне мог вводить в свои и чужие наблюдения некоторые поправки, отдавая теории приоритет перед наблюдениями. Но это ни на йоту не уменьшило значения его трудов в астрономии. Птолемей первый (или один из первых) составил учебник по астрономии¹, служивший одновременно справочником. Ни один учебник, ни один справочник в истории науки (за исключением «Начал» Евклида) не служил так долго и плодотворно.

А вот что говорит о соотношении между теорией и наблюдениями сам Птолемей. В «Четырехкнижии» (книга I, гл. 2) он обсуждает вопрос о сопоставлении древних наблюдений с новыми и

об ошибках, проистекающих из неумелого пользования ими. Птолемей указывает, что обнаруживающееся в большинстве случаев несовпадение между ними объясняется тем, что обработка их в целом носит лишь приблизительный, а не вполне достоверный характер. Наблюдения не могут совпасть и потому, что полного возвращения небесных светил в прежнее состояние нельзя ожидать либо вообще, либо в срок, обозримый человеческим умом.

Итак, Птолемей ясно понимал, что полного совпадения результатов старых и новых наблюдений добиться практически невозможно из-за отсутствия простой периодичности в небесных явлениях, а также из-за неточности методов обработки. Но дело не в причинах, которые приводит Птолемей, а в том, что он прекрасно сознает: полного согласования наблюдений разных эпох между собой и с теорией достичь на уровне науки его времени невозможно.

Как же отнеслись современные ученые к «разоблачениям» Р.Ньютона? Сам Р.Ньютон в своей книге горько жалуется на то, что крупнейшие специалисты по Птолемею О.Педерсен и О.Нейгебауэр даже не упоминают в своих монографиях о его работах. Можно привести также высказывание автора новейшего перевода «Альмагеста» на английский язык Дж.Тумера (Лондон): «Задача (о манипуляциях Птолемея с данными наблюдений и вычислений. – В.Б.) представляет интерес и заслуживает содержательного и критического обсуждения. К сожалению, недавняя книга Р.Ньютона на эту тему не содержит ничего подобного, а скорее стремится дискредитировать весь труд».

С горячими возражениями Р.Ньютону выступил американский историк науки О.Гингерич. Некоторые из них мы использовали в этой главе. В конце своей острой полемической статьи Гингерич привел два случая из жизни И.Ньютона и А.Эйнштейна.

Когда известный наблюдатель, королевский астроном Джон Флемстид прислал Ньютону выполненные им наблюдения положения Луны, чтобы Ньютон сравнил их со своей теорией лунного движения, Исаак Ньютон ответил: «Пусть лучше ваши наблюдения разошлись бы с моей теорией – это говорило бы больше в пользу Вашей репутации как наблюдателя, чем если бы Вы держали их в тайне до Вашей смерти или опубликовали бы вне связи с теорией. Потому что теория служит мерой их точности и позволяет признать Вас точнейшим наблюдателем, когда-либо жившим на свете.»

Альберт Эйнштейн, получив от А.Эддингтона телеграмму о том, что наблюдения, сделанные во время полного солнечного затмения, подтверждают предсказанное общей теорией относительности гравитационное отклонение лучей звезд, на вопрос студента,

что бы он стал делать, если бы подтверждения не получилось, ответил: «Я послал бы дорогому лорду Эдлингтону мои сожаления – теория должна быть верна».

Приведя эти высказывания двух великих ученых в пользу примата теории перед наблюдениями, Гингерич заявляет: «Когда Ньютон и Эйнштейн будут признаны обманщиками, я готов и Птолемя отнести к их числу. Пока же я предпочту считать его величайшим астрономом античности».

Соглашаясь с Гингеричем в его оценке Птолемея как ученого, мы все же не можем отдать безусловное предпочтение теории перед наблюдениями (или результатами эксперимента). Все зависит от того, какова теория и каковы наблюдения. К сожалению, наблюдения прошлого невоспроизводимы. Можно провести много новых наблюдений с самыми совершенными приборами современности, но нельзя воспроизвести наблюдений далекого прошлого. И то, что в труде Птолемея они доведены до нас, что мы можем ими пользоваться для изучения различных вековых изменений в Солнечной системе и за ее пределами, в этом состоит еще одна заслуга Клавдия Птолемея.

Правда, Р.Ньютон предупреждает нас: ради своей теории Птолемей подправлял и старые наблюдения, они дошли до нас в искаженном виде. На примере с лунными затмениями мы видим, что серьезных искажений в наблюдениях, приводимых Птолемеем, нет. В других случаях «поправки» Птолемея легко выявляются, как, например, в координатах звезд каталога, и могут быть исключены.

На развитие астрономии как науки эти мелкие поправки не повлияли и не могли повлиять. Поэтому совершенно неправильно мнение Р.Ньютона о том, что для науки было бы лучше, если бы «Альмагест» не дошел ни до нас, ни до арабских и среднеазиатских ученых.

А давайте попробуем представить себе, читатель, что бы произошло, если бы рукопись «Альмагеста» погибла бы в огне пожара, уничтожившего Александрийскую библиотеку. Страшно подумать, по все-таки попробуем. Мы не узнали бы ничего (или почти ничего) о наблюдениях вавилонян, о работах Гиппарха и самого Птолемея. Не было бы звездного каталога – до самого Улугбека! Не было бы теории движения Солнца, Луны, планет. Впрочем, быть может кто-то из ученых последующих поколений взял бы на себя этот тяжкий труд. Но кто именно? Сабит ибн Корра? Аль-Баттани? Бируни? Ат-Туси? Но даже если бы они сделали это, то почти с тысячелетним опозданием!

Этот вопрос – часть более общего вопроса: что бы было, если бы такой-то великий ученый вообще не существовал? Например,

если бы Исаак Ньютон умер в детстве или погиб на дуэли в юности, как Эварист Галуа? Конечно, теория всемирного тяготения была бы разработана другим ученым. Ведь к идее всемирного тяготения независимо от Ньютона пришел Роберт Гук, многие другие его открытия независимо сделали Декарт и Лейбниц. Но наука безусловно пострадала бы.

История науки показывает нам немало примеров иного рода. Ученые жили, работали, но некоторые их труды до нас не дошли. Мы уже приводили множество подобных примеров. А также фактов недавнего обнаружения работ классиков науки, считавшихся неизвестными или утерянными. Рукопись «Малого комментария» Коперника была обнаружена только в 1878 г. в Вене. Лишь в 1967 г. была найдена заключительная часть первой книги «Планетных гипотез» Птолемея. В 1906 г. было обнаружено письмо Архимеда к Эратосфену.

Значит, надо искать. Большие перспективы сулит исследование рукописей на арабском и персидском языках, хранящихся, в библиотеках Ташкента, Душанбе, Ленинграда. Оно уже начато, но отнюдь не закончено. Интересные находки могут быть сделаны в хранилищах других стран. Пожелаем же успеха тем, кто ищет.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ *Филип фон Лансберг* (1561–1632) – немецкий астроном, составитель планетных таблиц, предсказал прохождение Венеры по диску Солнца в 1639 г.; *Джованни Батиста Риччиоли* (1598–1671) – итальянский астроном, автор современной системы названий лунных объектов.

² 19/20 марта – 720 г.

³ В той его части, которая прилегает к созвездию Овна.

⁴ Астроном первой половины I в. до н.э. Гемин из Родоса написал книгу «Элементы астрономии», где излагаются основы сферической астрономии. В ней Гемин сообщает, что планетные теории он изложит в другой книге, но она не дошла до нас. Современник Гемина Клеомед написал «Теорию небесных тел», в которой приводятся синоптические периоды планет и рассматриваются их отходы от эклиптики. Кроме того, в этой книге содержатся важные сведения об измерении Земли Эратосфеном и Посидонием. Современник Птолемея Теон из Смирны написал «Изложение математических вопросов, могущих быть полезными при изучении Платона», в котором есть и астрономический раздел. Все эти книги по своей полноте намного уступают «Альмагесту».

Н.Т.Хэмилтон, Н.М.Свердлов

Приговор Птолемею

(из рецензии на книгу Р.Ньютона)*

На протяжении более чем десятилетия Роберт Р. Ньютон был поглощен похвальным проектом анализа древних и средневековых астрономических наблюдений с целью получения более точных оценок замедления вращения Земли и векового ускорения Луны. Впоследствии он стал более известен из-за предьявления иска Птолемею, которого он считает архифреступником в науке. В данной работе затрагиваются оба эти вопроса.

[...] О книге, явно претендующей на то, чтобы стать вкладом в историю астрономии, автор которой оценивает древние вавилонские, греческие и средневековые арабские наблюдения и тратит немало страниц на курьезную критику Птолемея и еще более курьезные рекомендации, как лучше было бы этому старому александрийцу делать свою работу, нужно сказать подробнее. Вследствие того, что Ньютон привлек к себе немалое внимание как в научной, так и в популярной литературе, мы вынуждены указать на принципиальный недостаток, присущий данной его работе, а также и другим его публикациям исторического характера. Работы Ньютона настолько небрежны и ненадежны, что если их вообще можно рекомендовать, то лишь такому читателю, который готов исследовать каждый источник и проверить каждый расчет, т. е. выполнить всю работу заново – а это весьма непросто, ибо стиль изложения Ньютона часто весьма неясен. В подтверждение столь сурового суждения лучше всего привести примеры того, как Ньютон понимает и использует источники при принятии принципиального решения о том, является ли сообщение результатом наблюдений или же вычислений.

[...] Рассмотрим следующую таблицу времен сизигий (общий термин для новолуний и полнолуний. – Ю.К.) лунного и солнечного затмений, которые произошли почти в одно и то же время суток:

* Ancient Planetary Observations and the Validity of Ephemeris Time. Рецензия на книгу *Robert R. Newton* (Johns Hopkins University Press, Baltimore, 1976. Pp. xviii+749). Опубликовано в *Journal for the history of astronomy* (12, p. 59, 1981). Настоящий перевод выполнен Ю.Д.Красильниковым.

<i>Источник</i>	<i>Лунное, X 9</i>	<i>Солнечное, X 23</i>	<i>Разность</i>
Голдстейн	20; 17h	20; 29h	+0; 12h
Оппольцер	20; 34	20; 31	-0; 3
Наш расчет	20; 17	20; 21	+0; 4

Однако Ньютон, который не приводит конкретные времена сизигий, говорит, что, согласно его расчетам, сизигия солнечного затмения должна быть на 55 минут (!) раньше сизигии лунного затмения, что резко отличается и от приведенных нами источников, и от наших собственных расчетов. Это незаурядный результат, и если он справедлив, то Ньютон знает о вычислениях сизигий нечто неизвестное никому другому. Данный пример – не единичное исключение. В результате выборочных проверок мы отметили случаи неправильно вычисленных сизигий, путаницу между тропическим и звездным годом и опять-таки подозрительные сизигии. Едва ли нужно указывать, что в исследованиях такого рода, цель которых – выявить очень малые кумулятивные ошибки в современной теории, точность вычислений – решающий фактор для того, чтобы работа вообще имела смысл.

[...] Ньютон, считая Метона и Эвктемона очень хорошими наблюдателями, невысоко ценит наблюдения Птолемея; он полагает, что все они подделаны. Его доводы основаны главным образом на завышенных требованиях к точности, например, как у предполагаемого солнцестояния Метона и Эвктемона, и заявлении, что наблюдения Птолемея, которые не соответствуют таким стандартам, должны быть поддельными. А поскольку наблюдения Птолемея, по крайней мере для Солнца, подтверждают теорию Гиппарха, то Птолемей, должен быть, вычислил даты равноденствий и солнцестояний по теории Гиппарха – эта история тянется как минимум с начала XVII в. Сходным образом, хотя и без достаточных обоснований, этот аргумент расширяется на *все* наблюдения Птолемея, и Ньютон «доказывает» свою точку зрения, вычисляя, что шансы за то, что наблюдения подделаны, составляют 10200 к одному.

Данный вопрос уже столько раз обсуждался, что нет необходимости поднимать его вновь. Достаточно сказать, что наблюдения Птолемея содержат систематическую ошибку около градуса вследствие неточного определения равноденствий, и, кроме этого, россыпь случайных ошибок. Так как Птолемей, несомненно, выбирал наблюдения и подготавливал выводы для включения в «*Альмагест*» на основе анализа более обширного, чем изложенный в его книге, то обвинения в подделке абсурдны – и могут быть с таким же успехом предъявлены Кеплеру или Ньютону. Аргументы в поддержку поддельности злоупотребляют читательским доверием, а некор-

ректное применение вероятностей оскорбляет рассудок самого неискушенного из читателей.

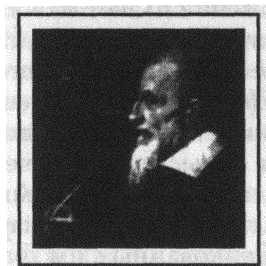
Но Ньютон не ограничивается обвинениями в подделке – он желает также показать, что Птолемей был некомпетентен, поэтому он выдвигает целую цепь обвинений и доходит до заявлений, что Птолемей был очень плохим астрономом, который мог бы работать куда лучше, знай он то, что известно Ньютону. Как и в случае с ожидаемой точностью наблюдений, аргументы представляют собой анахроничные требования того, что вряд ли было кому-то под силу в античную эпоху: Птолемею следовало бы найти те же самые параметры планетных теорий, которые Ньютон определил с помощью компьютера в результате поиска наилучшего приближения для набора точных положений планет во всех орбитальных конфигурациях. Однако и этого недостаточно – Ньютон считает Птолемея виновным в провале своего собственного проекта определения планетных ускорений (стр. 410–11): «Несмотря на громадный вклад греков в астрономию, дошедшие до нас греческие данные не позволяют нам получить осмысленные значения планетных ускорений. Этого достаточно, чтобы еще раз помянуть тот ущерб, который нанес Птолемей астрономической науке. Истинный ущерб происходит не от сфабрикованных им фальшивых данных; их крайне просто обнаружить и устранить. Истинный ущерб вызван косвенным эффектом: так как Птолемей положил в основу *«Синтаксиса»* поддельные данные, то его труд смог претендовать на универсальность, в которой было отказано работам, основанным на подлинных данных. Вследствие этой мнимой «универсальности» он заменил собой подлинные работы греческих астрономов. В итоге Птолемей стал причиной того, что до нас не дошел практически весь большой массив точных греческих наблюдений».

Мы полагаем, что, за исключением рекомендации перечитать приведенный выше абзац еще раз и тщательно его обдумать, комментарии здесь излишни. Все же можно сделать два замечания без риска объяснить очевидное. Во-первых, свидетельств о «большом массиве точных греческих наблюдений» нет. Все имеющиеся свидетельства – дошедшие до нас трактаты, папирусы, заимствования из греческой астрономии в индийских источниках – говорят о том, что, кроме Гиппарха и самого Птолемея, там было мало ценного в плане наблюдений и еще меньше – в плане точности. Во-вторых, если принимать довод Ньютона всерьез, то нужно признать, что поддельные наблюдения заменяют собой подлинные, что лженаука одерживает верх над истинной наукой. Если это так – неважно, в какое время, во II веке или в XX – то наука остается только пожалеть.

Иосиф Скалигер (1540–1609), французский гуманист, ученый энциклопедических познаний, путешественник, известный филолог и тонкий комментатор античных текстов, прославился разработкой основ научной хронологии и унификацией систем летосчисления. В приводимых ниже фрагментах Автобиографии Скалигер пишет о своем образовании и об отношении к литературному творчеству

Иосиф Скалигер

Автобиография*

С картины из зала Сената
в Лейдене

Мне десять лет, я – единственный выживший из пяти братьев. Родился в городе Ажен, провинции Жюэн на юго-западе Франции, в 1540 году, 4 августа, спустя 14 часов после полудня. Именно поэтому, согласно светскому календарю, официальным днем моего рождения считается 5 августа. Мой первый год жизни во всех хрониках и анналах отмечен жестокой жарой, полностью спалившей урожай винограда. Лишь в тех областях, где обычно выращивают кислые сорта (как например, в Швейцарии и других холодных странах), вино вызрело превосходно.

Крестили меня в церкви Святой Хилари. Мой крестный отец, дворянин Жерар де Ланда, не любил свое имя и потому дал мне другое – Жозеф Жюст (Joseph Justus). Ко мне пристало первое, более привычное имя, тогда как некоторые, кроме отца, звали меня

---

* Из книги «Автобиография Иосифа Скалигера, с выдержками из его личных писем, завещания и похоронных речей Дэниеля Хайнсуса и Доминика Бодью» в переводе Г.У.Робинсона (Cambridge, Harvard University Press, 1927). Русский перевод Ирины Стамовой.

Юстусом вплоть до моего совершеннолетия. Когда мне исполнилось 11 лет, отец* отослал меня в Бордо в сопровождении моих братьев, Леонарда и Джона Константа. Там в течение трех лет я изучал основы латыни¹. Разразившаяся вскоре чума заставила меня покинуть город, и вернуться к отцу.

Пока я находился при отце (а я пробыл с ним до самой его смерти), мне надлежало ежедневно готовить по одной короткой торжественной речи. Тему выбирал сам, как правило, из какого-нибудь рассказа. Это занятие, наряду с ежедневной пробой пера, приучило меня к латинскому письму. Кроме того, я имел обыкновение записывать под диктовку отца его стихи. Все это воспитало у меня определенный вкус к поэтическому искусству. Таким образом, с учетом возраста, мои успехи как в стихосложении, так и в прозе, посторонним, не говоря уже о моем отце, казались внушительными. Бывало, он отведет меня в сторонку и спросит, откуда я набрался тех или иных идей и витиеватых образов. Я честно отвечал отцу, что все придумал сам. Он не мог скрыть от друзей своего восхищения первым плодом моего творчества – Трагедией Эдипа. На это сочинение я потратил все поэтические изыски и средства языка, доступные моим юношеским летам (а мне в ту пору не было и семнадцати)². И в самом деле, если только мне не изменяет память, это юношеское произведение было таким, что даже сейчас, уже в преклонном возрасте, мне за него не стыдно.

В девятнадцать лет, после смерти отца, я отправился в Париж изучать свой любимый греческий язык, полагая, что тот, кто не знает греческого, вообще не знает ничего. В течение двух месяцев я посещал лекции Адриана Турнебу и только под конец обнаружил, что вся работа оказалась напрасной, ибо у меня не было абсолютно никакой научной базы. Именно поэтому я решил уединиться в своем кабинете и, в поисках знаний, погрузился в изнурительную работу, самостоятельно постигая то, чего мне не мог дать никто другой. Начав свои занятия, имея в запасе лишь весьма поверхностные знания о греческих спряжениях, я достал перевод Гомера и выучил его целиком за двадцать один день. Я учил грамматику исключительно на примере взаимосвязи слов в гомеровских предложениях. В результате этой работы я фактически создал свою собственную грамматику поэтического языка. За четыре месяца мне удалось

---

* Отец И. Скалигера – Юлий Цезарь (Жюль Сезар) Скалигер (1484–1558, наст. имя Джулио Бордони), выдающийся французский филолог, критик, поэт Возрождения. Обоснованный им закон о трех единствах впоследствии лег в основу эстетики классицизма.

Гравюра Ж. Де Лея, сделанная с портрета И. Скалигера (акв.), написанного незадолго до его смерти

одолеть всех остальных греческих поэтов. Но до тех пор я не решался переходить к произведениям риториков или историков.

Посвятив целых два года греческой литературе, я вдруг почувствовал внутреннее побуждение заняться ивритом. Не зная ни единой буквы из древнееврейского алфавита, я, используя в качестве учителя лишь себя самого, изучил язык. [...]

В течение тех трех лет (и после) я сочинил довольно много стихов на греческом и латинском языках, задавшись целью не просто писать по-гречески, но писать так, как это бы сделал истинный грек. Ибо сегодня многие пишут на греческом стихи, вполне достойные похвалы, но лишь единицы пишут их настолько точно и изящно, насколько это свойственно исконным грекам. Мы могли бы, подобно Политию в его Сборнике коротких греческих стихотворений, опубликовать наши переводы, указав в каждом случае возраст переводчика. В этих сочинениях заслуживает похвалы скорее многообещающие юные таланты Полития, нежели его творческая зрелость. Однако наша неизменная неприязнь к самовосхвалению удержала нас от публикации своих стихов. Хотя даже теперь за них не пришлось бы краснеть. Ведь я писал стихи не для публики, а чтобы вволю насладиться собственным творческим имитаторством, восхитительным и неистовым³. И я смею утверждать: нет моей вины, если некоторые из стихов были напечатаны без моего ведома. [...]

Я сделал много комментариев к произведениям греческих и латинских авторов, которые впоследствии дали огромное потомство в виде разного рода *Занимательных чтений*, *Старых чтений*, *Альманахов* и т. д. и т. п., ставших забавой для сегодняшних филологов, увлеченных саморекламой. Не то чтобы я считал такой вид сочинительства бесполезным или предосудительным. Это было бы глупо. Но пусть уж этим занимаются другие. Кроме того, дабы наши труды не оказались совершенно бесплодными, мы подвергли авторские труды полной смысловой и текстологической переработке. Ибо мы справедливо полагали, что вправе сделать это, не опасаясь обвинений в самолюбовании.

Если наша работа над произведениями этих авторов не удовлетворила ученых читателей (а нам достоверно известно, что это так), моим оправданием может послужить вся несуразица моей жизни, а также недостаток той свободы, которая является необходимой питательной средой для познания¹. С 1563 г., когда я стал компаньоном замечательного Луи де Шатенера из Ла Рош Позе, вплоть до сегодняшнего дня, я не припомню, чтобы был свободен от путешествий или забот. Возможно, моим недоброжелателям известно, что для учебы мне всегда недоставало времени, свое же они щедро тратили на то, чтобы оклеветать меня. Чудовищный парадокс состоит в том, что я нажил множество влиятельных врагов не личными выпадами в их адрес (ибо я не совершил ничего такого, что могло бы оскорбить благородный ум), а исключительно моим неизменным желанием служить литературному делу. Я испытывал бы досаду по поводу проявленной ко мне неблагодарности, если бы не было очевидно, что в основе ее кроется скорее злоба, чем критическое суждение. С каждым днем множатся свидетельства моей невеняемости, злодеяний или невежества. И все с одной только целью – опорочить меня. Я нахожу большое утешением в том, что доселе мне незаслуженно вменялся в вину какой-то один из этих пороков, а то и все сразу, что может означать одно: все осуждаемые во мне пороки на самом деле являются добродетелями.

[...]

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ С июня 1552 г. по июль 1555 – учеба в Коллеж де Жюэн. Любопытные письма, отправленные наставниками к отцу мальчиков Юлию Цезарю Скалигеру, опубликовал Жюль-Сезар де Лескаль (Ажен, 1860), с. 33–42. Лоренс де Ламарк, учитель, преподававший ребятам на последнем году обучения, дал им почитать кое-что из Аристотеля. Посланные отцу мальчиков счета за книги, купленные для них, свидетельствуют о заметном прогрессе его подопечных: «Послания Овидия для Иосифа, 20 солей;... Сентенции Цицерона, 6 солей; Epistolae ad Familiares, 16 солей; Грамматика греческого языка, 6 солей; Гораций, 6 солей; ... два тома Текстора, 19 солей; Epistolae ad Atticum, 28 солей; Virgilius, 15 солей; Грамматика Меланктона, 9 солей; Комментарии Цезаря, 10 солей; ... словарь португальского языка, 30 солей; Псалмы Давида, 12 солей; ... Жюстэн, 6 солей; Валери Максим, 9 солей».

² Verborum delectum. Cf. Cicero, Brutus, 72, 253, verborum delectum originem esse eloquentiae.

³ Horace, Cwmina, iii, 4, тт. 5 ф.

⁴ Скалигер приводит то же самое оправдание в письме к Исааку Касобону от 7 мая 1594 года, в котором он называет досуг *optimum studiorum coagululum*. Epistolae, (1628), с. 132.

Хронолог Скалигер и русский академик немецкого происхождения Г.Ф.Миллер, хотя и жили в разные эпохи, но по версии г-на Фоменко являлись главными идеологами его пресловутого «заговора фальсификаторов». Скалигер никогда не интересовался историей Руси, а ниже публикуемый материал* поможет прояснить вопрос об отношении академика Г.Ф.Миллера к русской истории.

Г.Ф.Миллер

Предложение, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве

Всякой, читая со вниманием печатанные в чужестранных землях о Российской империи книги и сам имея некоторое знание в Российской истории и географии, не может спорить, что оныя книги наполнены премногими погрешностями, что очень много в них недостает того, что потребно к обстоятельному знанию о России и что повторяются в них разныя известия, писанныя лет тому назад за сто и за двести, к безславию Российскаго народа, равномерно как бы оныя времена еще не миновались, в коих предки наши более к войне, нежели к наукам склонны будучи, имевши с иностранными народами весьма малое сообщение, конечно от нас, их потомков, нравами и обхождением (в чем признаться нам не стыдно) несколько были отличны. Но за что нас попрекать всегда теми же пороками, когда оныя при возсиявшем наук свете, обстоятельным познанием должностей, коими мы Богу, ближнему и самим себе обязаны, коротко сказать, изучением нравоучительной науки и разумным подражанием всему тому, что у других благонравных народов похвалы достойное примечается, хотя не у всех, однако у лучшей части Российскаго народа благополучно прекратились.

Причину сему увидеть не трудно. Никто еще из нас на свет не издавал истории о Российском народе и о состоянии сего государ-

* Печатается по Миллер Г.Ф. Предложение, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. – М.: «Наука», 1996.

ства на каком-нибудь языке иностранном. Все, что иностранные о России знают, то передано им от иностранных же. А большая часть из них не знали сами довольно о том, что писали. Никто не мог иметь довольных способов к получению нужных к своему намерению известий. Почти все следовали старым предубверениям, а некоторые, по-видимому, и хотели России отметить за то, что, будучи в ея пределах, не сыскали себе щастия по *их* желанию. Однако такая сочинения приняты за самыя справедливыя, паче тогда, когда сочинители в России несколько лет обретались, другие в чинах состояли или находились в таких обстоятельствах, что пощастливилось им получить более известий, нежели другим, или и ездили внутрь государства, чем достали себе похвалу, что будто известия, ими записанныя, обстоятельнее и достовернее всех прочих. Таким образом, один у другаго выписывает погрешности, потому наишаче, что оным с Российской стороны публичнаго в книгах прекословия и исправления не бывало.

Правда, что великодушное презиране неосновательных попраканий больше похвалы, нежели порицания достойно. Неправда оказывается по большей части сама собою, и немногие писатели умеют искусно закрывать свои пристрастия, чтоб благоразумные читатели не могли разсудить по оным о их нравах. Однакож, кажется, что также потребно, как для чести Российскаго народа, так и для удовольствования иностранных, Российскую историю и географию от погрешностей, которыми искажена она у иностранных писателей, очистить, и находящиеся у них недостатки исправить. Самое наше Российское юношество чувствует от того немалой вред. Нет у них печатных на Российском языке книг, из которых бы могли получить основательное знание своего отечества и достаточное об истории онаго уведомление. Вместо сего тпчатся они удовольствовать свое любопытство описаниями иностранных авторов, из коих собирают токмо несправедливыя и всегда несовершенныя известия, которыя исправлены бытъ инако не могут, как долговременным искусством, многотрудным чтением рукописных историй и восприятым во внутренния Российская страны путешествием.

Но когда есть нужда всей Европе в исправных и достаточных описаниях о истории и географии Российской, когда честь Российския империи того требует, чтоб находящиеся в иностранных книгах неправедныя и предосудительныя известия поправлены были, когда необходимо нужно Российскому юношеству иметь исправныя книги к изучению по оным истории и географии их отечества, то надлежит приступить к самому делу, и потщиться с прилежанием наградить находящейся в сем поныне недостаток.

Весьма бы полезно было, когда бы кто, имеющий к сему довольно способности сочинял достоверную о Российском государстве историю и географию, наперед хотя сокращенную, а потом и пространную, и оныя бы издавал в печать. Также и немало бы к тому способствовало, ежели бы, по учиненному в апреле месяце 1755 году в сих «Ежемесячных сочинениях» предложению, угодно было напечатать летопись перьваго Российскаго летописца преподобнаго Нестора с продолжением, також и преизрядныя сочинения покойнаго господина тайного советника Василия Никитича Татищева, содержащая историю и географию Российской империи. Ибо по ним можно б было самим иностранным писателям поправить учиненныя ими погрешности. Но к сему делу требуется много времени, и едва остается надежда, чтоб обстоятельная история и достаточное описание России могли когда на свет быть изданы, разве во всякой губернии будет человек, искусством и прилежанием подобной господину советнику Рычкову в Оренбургской губернии, которой в прошедшем году прислал в Академию наук описание помянутой губернии с преизрядными ландкартами, или учинены будут во все прочий губернии и провинции такая же отправления, какия были в Сибирь во время Второй Камчатской экспедиции, чего ради намерен я предложить еще иной способ, которой, уповательно, за благо примется от желающих иметь в сочинении Российской истории участие, тем наипаче, что могут они начинать трудиться в том и перестать по своему изволению, и сочинения свои отдавать печатать по частям для общей пользы.

Надлежит читать знатнейших иностранных писателей, писавших о России, замечать учиненныя ими погрешности, неисправности поправлять, пополнять то, в чем явятся недостатки, и присылать свои примечания в императорскую Академию наук, которая не преминет оныя напечатать в сих книжках под именами сочинителейыми или не объявляя имен, как кто пожелает.

Сему намерению могут многие способствовать в одно время своими трудами, и не будет помешательством, хотя б сообщались и многия на одну книгу примечания. Ибо чего не приметит один, оное другим усмотрено будет. И когда поправится одна погрешность многими, то сим сильняе доказана будет подлинность такой неправды, а по напечатании таких примечаний на Российском языке, старание приложено быть имеет о издании оных и на иностранных языках для известия чужестранным ученым людям.

За излишно кажется при том упоминать, что читать надобно токмо знатнейших чужестранных писателей, которые или сами в России бывали, и для того от прочих приводятся во свидетельство,

или которые, будучи искуснее других, и приложат лучшее суждение, всякие известия о Российском государстве собирали, между собою сносили и рассматривали, однако в некоторых погрешили. Ибо других писателей, знатнейшим последовавших, опровергать был бы труд безконечной и отчасти излишней. Наше намерение склоняется единственно к показанию самых погрешностей, а не писателей всех, несправедливо писавших, дабы предбудущие писатели, также и Российское наше юношество, читая издаваемые поправки, не принимали таких погрешностей за справедливые известия.

Таковыя примечания, сочиняемая с надлежащею умеренностию не могут быть противны никому из ученых людей, кои еще и поныне живы. Паче думать надлежит, что всякой сочинения сии примет с благодарностию, потому что намерение при том клонится к общей пользе, и сим откроется всем ученым в Европе людям свет в рассуждении Российскаго государства, которое чужестранным, хотя они многие годы в России и обретались, и поныне по большей части неизвестно.

Нижеследующия поправки погрешностей, господином де Буфоном в Натуральной его истории о географии Российской империи учиненных, хотя и не касаются до писателя, бывшего самаго в России, или с особливим прилежанием о России писавшаго, однако для других превосходств книга его почитаема быть может главнейшею в своем роде, и остроумнаго своего сочинителя, чаятельно, у потомков будет прославлять. К тому ж он, предлагая множество новаго, приводит также в некоторых случаях, принадлежащих до описания народов, разные обстоятельства, сообщенныя ему от ученых людей, в России бывших, почему можно бы было думать, что географическия его известия от таких же источников произошли, и, следовательно, за достоверным почтены быть имеют. А инде он преподает свои догадки, кои не могут подтверждены или опровержены быть иным чем, как точным знанием стран, у него объявленных. Того ради, учиненныя им, как в самых известиях, так и в произведенных из них заключениях, погрешности здесь объявляются, в той надежде, что славный господин сочинитель поправки сие примет благосклонно, а свое сочинение при новом его издании по сему поправит и тем приведет оное в большее совершенство.

Ньюто́н — историк древности

I

Все серьезные курсы истории древности обычно содержат историографический обзор; прежде чем излагать основы науки, читателю сообщают, кто эту науку создал. Как правило, эти обзоры начинаются с Августа Вольфа, Шамполиона, Бека и Нибура, т. е. с самого конца XVIII и начала XIX вв. У читателя получается впечатление, что до этого времени историей древности никто не занимался. Другое дело — классическая филология; здесь уже, во всяком случае с конца XVI в., идет оживленная работа, заложившая фундамент нынешней науки. Всякому филологу известны имена Скалигера, Анри Этьенна (Stephanus), Меурсиуса, иезуита Петавиуса, Фабрициуса и др. Большой словарь греческого языка, так называемый *Thesaurus linguae graecae*, составленный Анри Этьенном и вышедший первым изданием еще в XVII в., до сих пор не имеет соперников и является необходимым пособием для каждого серьезного филолога; еще до сих пор подчас приходится обращаться к *Bibliotheca Graeca* Фабрициуса, этой 14-томной энциклопедии греческой литературы.

Обычно картина развития науки о классической древности представляется такой. В XVII и XVIII вв. ученые, стоя еще всецело на позициях античной науки, занимаются только приведением в порядок античного наследства: они издают критически проверенные тексты древних авторов, пишут комментарии к ним, составляют словари и грамматики, собирают разбросанный материал о каждом из великих деятелей античности и пишут курсы так называемых древностей, т. е. изучают быт, государственное и частное право и т. д. В XIX в. начинается уже критический анализ этого материала и пишутся первые научные курсы античной истории.

Эта картина не верна уже потому, что выражение «стоять на позициях античной науки» вообще не имеет смысла. Любознательность и даровитость греков, с одной стороны, и господствовавшая

* Печатается по: Лурье С.Я. Исаак Ньютон 1643/1727 // Сборник статей к трехсотлетию со дня рождения / Под. ред. академика С.И.Вавилова. — М.—Л.: Изд. АН СССР, 1943.

в эпоху расцвета Эллады широкая свобода слова – с другой, приводили к тому, что уже в древности существовали резко различающиеся между собой и подчас противоречащие друг другу взгляды на методы, задачи и структуру исторической науки.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить между собой точки зрения Геродота, Фукидида, Феопомпа, Гекатея с Евгемером и, наконец, Флавия Иосифа и его последователей – христианских апологетов. Нельзя ограничиваться утверждением, что ученые XVII–XVIII вв. стояли «на позициях античной науки», надо еще показать, на позициях какой именно из этих групп античных ученых они стояли. Ознакомление с наукой XVII–XVIII вв. показывает, что различные ученые этой эпохи примыкали к различным направлениям античности и что между различными направлениями в эту эпоху шла оживленная борьба. Если обо всей этой борьбе не упоминается в историографических обзорах нынешних курсов античной истории, то причина этого вполне понятна: с расшифровкой иероглифов и клинописи, с открытием огромного количества греческих надписей и папирусов, в частности «Афинской политики» Аристотеля, все эти исторические исследования сразу же устарели, тогда как филологические работы XVII–XVIII вв. не утратили интереса и поныне.

Другая причина заключается в том, что ученые этих веков мало и неохотно занимались той эпохой древности, изучение которой базировалось на достоверных показаниях современников, т. е. эпохой после Греко-персидских войн в Греции, после Пунических – в Риме. Как это бывает на первых шагах любой науки, ученые сперва берутся как раз за наиболее трудные и наименее разработанные вопросы, открывающие наибольший простор для творческой фантазии. Такими вопросами в древней истории были: история Востока, история Греции до начала Олимпиад, история Рима эпохи царей. Не только дошедшие до нас сообщения из истории Греции и Рима в указанные периоды по существу относятся не к области истории, а к области мифологии, но такой же характер носила и вся история древнего Востока до расшифровки иероглифов и клинописи.

Поэтому, прежде чем перейти непосредственно к труду Ньютона, необходимо сказать несколько слов о тех течениях исторической мысли в античности, которые оказали наибольшее влияние на XVII и XVIII вв. Уже с конца VI в., с появления первого большого исторического труда на греческом языке Гекатея Милетского, наиболее передовым «освободительным» методом при толковании мифов считалась их *рационалистическая интерпретация*. Этот же прием

широко был использован и в середине V в. Геродотом. Миф как целое рассматривался как *исторический рассказ*. Задачей историка было только перетолковать, а в случае невозможности – устранить все то, что противоречит естественному ходу вещей в природе. Так например, если миф сообщал, что в Додону прилетели черные голубки и вдруг заговорили человеческим голосом, то Геродот перетолковывал это в том смысле, что в Додону прибыли черные египетские жрицы и затем научились говорить по-гречески. Этот метод был широко распространен во всей античности, и только гениальный Фукидид им принципиально пренебрег. В действительности же в мифе, как и в сказке, фабула, с одной стороны, и собственные имена и обстановка, с другой – восходят к совсем различным средам и эпохам, фабула обычно дает поэтическую трактовку общественных отношений самых отдаленных доисторических эпох или даже природных явлений (борьбы лета с зимой, дождя с засухой и т. д.); имена и историческая обстановка к ней прибавляются случайно, часто одна и та же фабула проецируется в самые различные исторические эпохи; герои ее носят в различных версиях самые различные имена; эти имена часто вставляются просто в угоду тому или иному знатному роду (имя родоначальника). Но более того: часто в одном и том же мифе или сказке можно усмотреть наложения самых различных эпох. Иногда миф оказывается придуманным в сравнительно позднюю эпоху как объяснение происхождения обычной или религиозного обряда. Вот почему объяснение мифа даже при нынешних средствах, при наличии огромного этнологического материала, собранного среди первобытных народов нашего времени, очень трудная задача. Прямойлинейное рационалистическое перетолкование мифа принесит только вред науке.

Другой прием перетолкования применялся также уже со времен Геродота для устранения противоречий в исторических и мнимоисторических рассказах. Это – *синкретизм* и его антипод – *дубликация*. Как я говорил уже, наиболее постоянной и древней частью мифа была его *основная фабула*. Таких фабул сравнительно немного, и они в большинстве случаев одинаковы у всех народов Европы, Передней Азии и Северной Африки. Естественно, что греки, знакомясь с «историей» других греческих же городов, а также с «историей» Египта, Вавилона и т. д., находили здесь уже известные им рассказы, но с другими собственными именами; особенно много сходства было в рассказах о богах и героях, где рассказчик почти не привносил настоящих исторических реминисценций. Понятно, что исследователь, слушая эти рассказы, приходил к мысли, что речь идет о тех же лицах, но только *называют их по-разному*:

например, спартанская Халькиойкос и Сововидная Дева Афинская – одна и та же богиня, тождественная с гомеровской Афиной, Осирис – это Дионис, римский Марс – это Арес и т. д. Наоборот, если об одном и том же герое сообщались факты, противоречащие друг другу, то прибегали к удвоению: из одного Геракла делали двух, из одной Ариадны – двух; сын Одиссея Телемах раздробился в двух сыновей – Телемаха и Телегона.

Третьим приемом, применявшимся уже в древнейшие времена, от которых не осталось никаких памятников письменности, была *секуляризация* богов. Когда боги различных греческих городов были объединены в один пантеон и между ними была установлена родственная связь и иерархия, для верховных богов многих небольших городков и деревень не оказалось места в этом пантеоне, и они были разжалованы из богов в смертные. Так верховный бог беотийского города Акрефии Амфиарай был либо отождествлен с Зевсом (в этом случае имя «Амфиарай» стало лишь эпитетом Зевса), либо превращен в простого смертного, участника похода семи против Фив. То же произошло с Агамемноном (Зевс-Агамемнон), Еленой и т. д.

Своеобразный прием применялся при изложении фактов историко-культурного характера: вместо развития культуры, говорили о ее «изобретателях» (ευρηται). Каждое завоевание культуры по этой теории было открытием отдельного лица – бога, героя или человека. Разведение хлебных злаков «изобрела» богиня Деметра или смертный Триптолем; разведение винограда – Дионис, огонь – Прометей, ремесла – Гефест, буквы – Паламед и т. д. Дело историка культуры только назвать на своем хронологическом месте этого изобретателя.

Наконец, для хронологической фиксации в тех случаях, когда точная дата не могла быть установлена документально (а для древнейшей эпохи так обстояло всегда), применялись метод *поколений* и метод *синхронизмов*. Каждый царский и вообще знатный род имел свою родословную таблицу, которой он гордился. В этих таблицах только последние имена были историческими; выше шел ряд мифических героев, и родоначальником обычно оказывался тот или иной бог. Для определения даты того или иного мифологического события находили имя одного из его участников в той или иной из родословных таблиц, а затем рассчитывали время жизни этого участника по принципу: три поколения в 100 лет.

Таковы были наиболее своеобразные приемы исторической методологии в эпоху расцвета Греции, т. е. в V и IV вв. Прежде чем перейти к изложению методологических приемов, характеризую-

щих следующую, эллинистическую эпоху, нам придется несколько подробнее остановиться на «Египетской истории» (Αἴγυπτιακά) Геродота, составляющей ныне II книгу его исторического труда. Это необходимо сделать потому, что Ньютон в своей трактовке истории Египта отдал решительное предпочтение Геродоту перед Диодором, Иосифом Флавием и Евсевием, имеющими основным источником Манефона, египетского историка, жившего в эллинистическую эпоху и писавшего на греческом языке. В принципе метод Ньютона, конечно, правилен – более древний источник заслуживает предпочтения перед более поздним; но в данном случае он попал впросак, так как Манефон базировался на письменных источниках (хотя часто и извращал их), а Геродот имел источником устную, полусказочную традицию малограмотных египетских проводников. Найденные впоследствии египетские хроники показали, что схема Манефона в основном правильная.

Схема рассказа Геродота такова: египетская держава существует уже более 15000 лет от Диониса до Амасиса. В основу этой преувеличенной цифры положен счет по поколениям: правление смертного царя принимается равным человеческому поколению (II, 100: γενεαὶ ἀνθρώπων), т. е. 33 1/3 года; правление бога на земле принимается гораздо более длительным. Сначала Египтом правили боги; первым царем-богом был Пан. В каждом поколении богов было 12 царей; наиболее известен первый царь третьего поколения Осирис, «имя которого в переводе на греческий язык – Дионис» (Ὀσίρις δὲ ἐπὶ Διόνυσος κατὰ Ἑλλάδα ὕλωσσαν, II, 144). Мифы об Осирисе и Дионисе действительно сходны – здесь мы имеем древнейший классический образец синкретизма. Геродот отдает решительное предпочтение длинной египетской хронологии перед короткой греческой: он считает, что правы египтяне, помещая Диониса за 15000 лет до его времени, а Геракла – еще раньше, а не греки, по мнению которых Дионис жил на земле за 1600 лет, а Геракл – за 900 лет до его времени. Грекам известен лишь небольшой отрезок времени, и в этот отрезок они втискивают все прошлое¹. Геродот – верующий человек; с большим благоговением он относится не только к греческой, но и к египетской религии. В то, что египетские боги некогда правили на земле, он свято верит и протестует против попыток тех ученых (быть может, Гекатея Милетского), которые, применяя метод дубликации, отличали небесных египетских богов от земных царей, случайно носивших те же имена и потому смешанных с богами².

Из смертных царей Геродот первым считает Минаса (II, 99). Затем следует 330 царей, не совершивших ничего особенно заме-

чательного, поэтому на них можно и не останавливаться (II, 102: *παρὰμειψάμενος ὡν τούτους*); в числе их была одна женщина – Нитокрис (I, 100). Последним из этих царей был Мерид (Μοίρις), выкопавший знаменитое Меридово (впоследствии Фаюмское) озеро и построивший пирамиду (II, 101). Далее следует самый замечательный, по мнению Геродота, из всех фараонов – Сесострис (II, 102–110). Он был великим завоевателем: покорил побережье Красного моря, прошел всю Азию, перешел в Европу, где покорил скифов и фракийцев. Покорил он и восточное побережье Черного моря (Колхиду), где оставил колонистов. Любопытен метод, при помощи которого Геродот определяет размеры завоеваний Сесостриса. В различных местах Европы и Азии в эпоху Геродота стояли поставленные первобытными людьми столбы (στῆλαι). Такие столбы сохранились кое-где и до нашего времени; мы называем их *дальменами*. Древние считали, что эти столбы поставлены различными богами и героями, например Дионисом или Гераклом. Геродот придерживается традиции, по которой эти столбы поставлены фараоном Сесострисом, поэтому все те области, где стоят такие столбы, он считает завоеванными Сесострисом. С другой стороны, у египтян было принято обрезание; обрезание совершали также колхи (жители Колхиды) и евреи. Поэтому колхов и евреев Геродот считает египетскими колонистами, выведенными Сесострисом. Сесострис прокопал ряд оросительных каналов в Египте; отсюда и берет свое начало геометрия; что же касается астрономии, то ей египтяне научились у вавилонян. Сесострис был убит своим братом. После Сесостриса цари Египта следуют у Геродота в таком порядке: Ферон, Протей, сказочный царь Египта, заимствованный из греческой мифологии, – он современник Троянской войны (следовательно, примерно XII в.); затем Рампсинит (т. е. исторический Рамсес II, живший в XIII в.), затем исторические фараоны Хеопс, Хефрен и Микерин (жившие за 3 тыс. лет до н. э.), затем Анисис, упоминаемый лишь по имени. Этот Анисис, по-видимому, тождественен с Сесонхисом или библейским Сусаком (Сесак) – исторический фараон 22-й династии (X в.); на нем нам придется еще не раз останавливаться. Из дат, поставленных в скобках, мы видим, насколько нелепой оказалась в свете египетских текстов таблица царей Геродота, усвоенная в основном Ньютоном. Что же касается Сесостриса, то такого царя вообще никогда не существовало: это – свднный образ, составленный из царя Сенусерта 12-й династии (около 2000 л. до н. э., к 12-й династии относил Сесостриса Манефон) и из знаменитого завоевателя Рамсеса II с преобладанием, однако, трафаретных, чисто мифологических мотивов.

Подход величайшего из историков древности, Фукидида, к мифологической традиции был совсем иной. Он в *принципе* не доверял ей, а для восстановления древнейшей истории Греции применял метод обратных умозаключений из пережитков, сохранившихся в последующие эпохи. Это – единственно возможный метод. Если бы ученые XVII–XVIII вв. пошли по пути Фукидида, то многие из открытий XIX в. были бы сделаны гораздо раньше. Но это было невозможно: с одной стороны, вера в непререкаемость священного писания была слишком велика, с другой стороны, еще не были сделаны те замечательные открытия (расшифровка иероглифов, клинописи и т. д.), которые показали, что легендарная история древнего Востока и древнейшей Греции базой для научной работы вообще служить не может.

Ученые XVII–XVIII вв. предпочли в основном следовать за исторической наукой *эллинистической эпохи*. В чем состояли ее методы? Отношение образованного общества к богам гомеровской религии становилось все более скептическим; наоборот, примитивные народные верования и обряды, поощряемые правительственными кругами и частью реакционных философов, завоевывали себе все больше поклонников (мистерии, оргиастические обряды и т. д.). Широко распространялись в Греции восточные обряды. С другой стороны, образование огромных эллинистических монархий на основе восточных государств и проникновение восточной культуры в Грецию вели к *дальнейшему пышному развитию синкретизма*. Такой синкретизм, в конечном результате приводивший к монотеизму, был на руку эллинистическим правительствам, так как эта новая религия отображала на небо власть единого земного правителя, повелевавшего и греками, и варварами. Так, до нас дошли, например, гимны в честь Исиды, в которых все остальные боги представлены лишь различными образами («ипостасями») этой богини. С другой стороны, скептическое отношение к «безнравственной» олимпийской религии вело к дальнейшему росту *рационализма*, последней ступенью которого и был характерный для эллинистической историографии *евгемеризм*. С точки зрения исторической науки и синкретизм, и евгемеризм – лишь признаки упадка и одряхления науки, достигшей удивительной высоты в труде Фукидида.

Евгемеризм назван так по Евгемеру, писателю конца III в., написавшему наделавшую много шума историю государства Панхеи. Фактически эта история была выдумана им. Никакого такого государства не существовало, и мы имеем здесь дело с *историческим романом*. Из приводившейся Евгемером старинной надписи, поставленной Зевсом, выяснялось, что никаких богов не существовало;

боги – это древние цари, оказавшие много благодеяний своим народам и установившие для себя еще при жизни божеские почести; отсюда и появилась вера в богов. Эта теория развилась из широко применявшегося Александром Македонским и его преемниками *обожествления при жизни*. Но в более широком смысле слова евгемеризмом называют учение, которое вовсе не отрицает веры в небесных богов: сторонники этого направления утверждали только, что многие из чтимых впоследствии богов первоначально были царями на земле, а затем в награду за «их благодеяния при жизни или после смерти были удостоены божеских почестей. Этот «евгемеризм» древнее Евгемера. Древнейшим историком этого направления считается Леонт из Пеллы, написавший «Священную историю» (ἱερός λογός), в которой он, на основании египетской традиции, доказывал, что Исида, Осирис и их предки были не богами, а обоготворенными древнейшими царями³. Впрочем, об этом Леонте нам почти ничего неизвестно. Зато нам хорошо известна «Египетская история» Гекатея Абдерского, последователя Демокрита, который был основным источником книги Евгемера⁴. Пересказ книги Гекатея дан в I книге «Библиотеки» Диодора; другие цитаты из него содержатся у Флавия Иосифа и христианских писателей. Ньютон сам указывает, что важнейшими его источниками, кроме Геродота и собраний греческих мифов, были Диодор, Иосиф и христианские писатели; не удивительно поэтому, что он находится всецело в плену у евгемеризма. Поэтому нам необходимо несколько подробнее остановиться на Гекатее Абдерском.

Его книга была в свое время последним криком моды, так как в это время был особенно большой спрос на исторические труды этнографического типа. Из ряда других подобных же псевдоисторических трудов, на которые ссылается Диодор (Динарх, Дионисий Скитобрахион, Филон из Библа), мы видим, что все эти труды изготовлены по одному шаблону, только имя бога каждый раз меняется: то это Дионис, то Аммон, то Осирис и т. д.⁵. Особенную популярность эта новомодная литература имела среди эллинизированных евреев, так как она давала им лишний козырь для пропаганды своей религии и для борьбы против «язычества», а также и потому, что Гекатей был первым греческим историком, говорившим довольно подробно о евреях. Влияние Гекатея и вообще евгемеризма можно обнаружить уже в так называемой еврейской Сивилле, псевдоэпиграфическом собрании оракулов, составленном под еврейским влиянием, в трагедии «Исход», написанной в стиле Еврипида на греческом языке евреем Езекиелем, но больше всего в «Древностях» и сочинении против Апиона Флавия Иосифа.

Гекатей становится как раз на ту точку зрения, которую, как мы видели, отвергал Геродот: древнейшие земные цари Египта были, по его мнению, только одноименны с небесными богами. Настоящими бессмертными небесными богами являются только спекулятивные боги философов – мужское и женское начало в природе, Осирис и Исида, и пять стихий – пневма, огонь, воздух, вода и земля. Все же прочие боги египетской религии были смертными, а стали богами только в евгемеристском смысле: «После этих пришли к власти земные боги, которые сначала были смертными, а затем за разум и за благодеяния для всего человеческого общества удостоились бессмертия; некоторые из них были царями в Египте». Так, Гефест стал богом за то, что изобрел огонь; Зевс – это то же, что Аммон; Осирис II – то же, что Дионис; Исида II – Деметра. Осирис и Исида положили конец прежнему образу жизни, основанному на пожирании друг друга (ἀλλήλοφαγία); Исида открыла зерна пшеницы и ячменя. Они же изобрели справедливость и законы. Они построили города и научили людей строить храмы; в этих храмах люди должны были воздавать почести родителям Осириса и Исиды. Большой храм построен был в честь небесного Зевса, меньший в честь их отца, бывшего царя того же имени, которого некоторые называют также Аммоном. Осирис и Исида заставили также воздавать божеские почести изобретателям искусств и вообще всего полезного для жизни (Диодор, I, 13–15), особенно Гермесу, который изобрел членораздельную речь, письмо, музыку и оливу, изобретение которой греки неправильно приписывают Афине.

Далее (гл. 17–20) Диодор (resp. Гекатей) рассказывает подробно о походе Осириса (Геродоту об этом еще ничего не было известно). Поход этот Осирис предпринял, стремясь заработать бессмертие; целью похода было просвещение человечества, но также и взимание дани (sic! I, 18). Он привел в порядок дела в Египте, передал все управление Исиде, приставив к ней в качестве советника Гермеса, начальником войска оставил Геракла; своими наместниками он назначил в приморских областях и Финикии – Бусириса, в Эфиопии и Ливии – Антея; сам же двинулся в путь с братом, которого греки называют Аполлоном. Он вывез с собой и труппу музыкантов (περιαγεσθαι – характерный глагол для сопровождающих влиятельных лиц актеров, маркитантов, проституток и т. д.), в числе которых было девять девушек, умеющих петь и наученных разным другим вещам; греки называют их музами. Капельмейстером этого хора был Аполлон. Обратим внимание на эту повторенную впоследствии Ньютоном крайнюю рационалистическую пере-

работку мифа с неограниченным применением синкретизма греческих и египетских мифов; – это исторический роман, подчас производящий даже впечатление пародии; так, рассказ об Аполлоне и музах невольно напоминает пародическое стихотворение Гейне «Der Apollgott».

В то время как Осирис со своим отрядом подошел к Нилу, Нил разлился, затопив значительную часть той области, губернатором которой был Прометей. Прометей чуть не покончил с горя самоубийством. Река Нил, вследствие бурного напора волн, была названа Орлом (Αετος); великодушный Геракл помог Прометею справиться с последствиями наводнения; отсюда миф об орле, терзавшем Прометея, и о Геракле, убившем орла. Еще один характерный образчик рационалистического перетолкования! Другое сходное рационалистическое перетолкование мифа о Прометее даст впоследствии Ньютон.

Далее описывается маршрут похода Осириса: он покоряет побережье Красного моря и Аравию, идет через Переднюю Азию в Индию и доходит до конца мира; на всем пути своего похода он ставит столбы (στηλοι). Покорив всю Азию, он переходит через Геллеспонт и проходит во Фракию. Его сын Македон воцаряется в Македонии; Триглолема он оставляет в Аггике для организации здесь сельского хозяйства. Покорив весь мир, Осирис вернулся в Египет и по общему приговору получил бессмертие и равный с небесными богами почет. Этот Осирис тождественен с Дионисом, и если греки рассказывают, будто Дионис родился в Греции, в Фивах, то это выдумка, имеющая целью прославить греческую древность. Осирис был убит своим братом Тифоном (I, 21). От Осириса до Александра Македонского прошло, по мнению одних, 10 тысяч лет, по мнению других, 23 тысячи (I, 23). Далее рассказывается о походах египтянина Геракла; он тоже обошел весь мир, тоже ставил всюду столбы (I, 24). Уже в эпоху Осириса и Геракла были основаны египтянами во всех странах мира (I, 28) колонии. Так, египетский полководец Бэл основал Вавилон, халдеи – египетские переселенцы, и они принесли в Вавилон астрономию (I, 28, 81); это – явная полемика с Геродотом, который, как мы видели, считал, что астрономии египтяне научились у вавилонян. В эту же эпоху выведены колонии в Колхиду и Иудею; колхи и евреи – египетские колонисты, так как они, подобно египтянам, совершают обрезание. Афиняне – также колонисты из египетского Саиса; отец афинского царя Менесфея был египтянином (гл. 28). Египтянином же был и афинский царь Эрехфей: когда во всем мире, кроме Египта, случилась засуха и неурожай,

Эрехфею в виду его родственных отношений с египтянами удалось получить большое количество хлеба для Афин; за это благодетельствованные им сограждане сделали его своим царем-благодетелем (εὐεργετην).

Это очень любопытный анахронизм, тем более что он заинтересовал Ньютона, который повторяет слова Диодора дословно: в V и последующих веках афиняне действительно нередко получали большие партии хлеба из Египта, а люди, снабжавшие Афины хлебом, получали титул «благодетеля» (εὐεργετης). Это положение вещей перенесено в эпоху Осириса. Обратим попутно внимание на то, что Осирис здесь, как уже у Геродота, отождествлен с Дионисом; более того, здесь взяты отдельные черты из египетского мифа об Осирисе и из греческого о Дионисе и слиты в одно целое (например, Фракия взята из греческого мифа). Отождествление Осириса с Дионисом к этому времени стало общим местом в греческой науке (см., например, трактат Плутарха «Об Осирисе и Исиде»). На это обратил внимание уже Ньютон (с. 143, 11, 3 по изд. Horsley 1785 г.).

Затем Диодор переходит к смертным царям Египта. На его рассказе мы останавливаться не будем, так как в этом случае Ньютон следует не Диодору, а Геродоту. Перейдем прямо к гл. 55, где рассказывается о походе Сесостриса, которого Диодор называет Сесоосисом (и здесь Ньютон сохраняет имя, данное Геродотом). Сесоосис – величайший из царей Египта; он покорил Эфиопию, затем побережье Красного моря, *дошел до Индии* и покорил всю Азию до Океана, т. е. до пределов мира. Отметим попутно, что Геродот еще ничего не говорил о покорении Сесострисом Индии; здесь несомненно влияние походов Александра. В этом случае Ньютон следует не за Геродотом, а за Гекатеем-Диодором; почему – увидим ниже. Затем Сесоосис покоряет скифов и доходит до Колхиды, *здесь он оставляет колонистов-колхов, которые, как и евреи в Палестине, совершают подобно египтянам обрезание*. Очевидно, либо Гекатей забыл, что эти колонии были выведены уже в эпоху Осириса, и рассказывает о том же вторично, говоря уже о времени Сесоосиса, либо это место вставлено самим Диодором из Геродота. Покорив всю Азию и большую часть Кикладских островов, Сесоосис перешел в Европу и прошел через всю Фракию; дальше он не мог двигаться, так как у него не хватило припасов.

Этими извлечениями из Диодора мы ограничимся. Во всем прочем Ньютон, как мы уже сказали, руководствуется схемой Геродота. Только рассказ Манефона о захвате Египта нечистыми он включает в свою схему, несмотря на отсутствие его у Геродота; так

как соответствующее место Диодора в его «Библиотеке» утрачено, Ньютон заимствует этот рассказ из ссылки на Диодора у патриарха Фотия (см. Ньютон, с. 54, 1, 20; с. 151–152, II, 9), а также из Иосифа Флавия и христианских писателей.

Как мы убедились, для рассказа Гекатея характерны две черты: чрезвычайно далеко идущий рационализм и преклонение перед Египтом и его культурой. Все египетское истинно, безупречно и достойно подражания. То уважение, с которым ионийские историки VI–V вв. относились к древней культуре Египта, здесь выродилось в слепое восхищение всем египетским вообще, в настоящую египтоманию, «панегиптизм». Все, что имеют греки, начиная от государственных учреждений и науки и кончая членораздельной речью, заимствовано ими у египтян; и греческие поэты, начиная от Орфея и Гомера, и греческие ученые вплоть до Евдокса ходили учиться в Египет. Все это Гекатей якобы почерпал из египетских священных книг. В результате всего этого он приходит (I, 96) к выводу: «Все то, чем прославлены афиняне среди эллинов, перенесено ими из Египта»⁶.

Мы уже указали выше, насколько выгодна была для еврейской пропаганды теория, выставленная Гекатеем и Евгемером. Книги еврейского историка Флавия Иосифа «Против Апиона о древности еврейского народа» и «Древности иудейские» были, как мы видим из ссылок Ньютона, одним из главных его источников. Поэтому необходимо остановиться на цели и содержании первого из этих произведений.

Иосиф начинает с утверждения, что евреи – древнейший в мире народ. Как видно из Библии, евреи существуют уже 5000 лет; те, кто отрицает это, либо невежды, либо завистники (гл. I). Возмутительно, что доверяют только эллинским писателям, а сообщениям евреев и других народов Востока не доверяют. У греков все – недавнее и свежее испеченное⁷. Сама историография их очень молода. Греки сами соглашались, что их мудрость заимствована ими у египтян, халдеев и финикийцев; что эти народы сохранили память о более древних временах, чем греки. Даже письменность греки усвоили в очень позднее время от финикийцев. Например, от времени Троянской войны не дошло ни одного памятника. Если бы греки уже тогда имели письменность, то не могло бы существовать столько разногласий по поводу этой войны. Историки появились в Греции незадолго до Персидских войн, а греческие философы Ферекид, Пифагор и Фалес, по единогласному мнению самих греков, были учениками халдеев и египтян (гл. 2). Поэтому нельзя не удивляться претензии греков на знание того, что было в древ-

нейшие времена. Действительно, ознакомление с греческой исторической наукой убеждает, что греки ничего точно не знают, а говорят то, что каждому кажется наиболее правильным. Они, не задумываясь, противоречат друг другу, спорят друг с другом, обвиняют друг друга в ошибках; так, все эти ученые обвиняют в ошибках Геродота. Спорят даже о столь недавних событиях, как Греко-персидские войны; обвиняют в ошибках даже Фукидида, который считается у них самым точным из историков (гл. 3). Причина этого в том, что историография здесь – частное дело, не регулируемое государством, главным же доказательством исторической достоверности служит то, что все пишут об одном и том же одно и то же (гл. 4).

Этот выпад чрезвычайно любопытен. Автор, живущий в среде, где вся история канонизирована, стандартизирована и освящена авторитетом религии, где все обязаны верить каждому слову священного писания, как бы нелепо оно ни было, с высокомерным самодовольством и полным непониманием относится к науке, основанной на свободном, критическом исследовании, где по каждому вопросу допускаются и существуют самые различные взгляды. Эта точка зрения на непререкаемость священного писания во всех решительно мелочах пройдет красной нитью через всю христианскую историографию и останется той основой, на которой будет строить свою историческую систему Ньютон.

Цель работы Иосифа – собрать все высказывания греческих и восточных народов о евреях и тем доказать древность и большую историческую роль этого народа. К сожалению, таких свидетельств немного, и почти все они не древнее эллинистического времени; Иосифу приходится цепляться за каждое указание, даже враждебное евреям. Именно благодаря этой тенденции Иосиф и сохранил нам отрывок из Манефона о нашествии пастухов-гиксосов на Египет: александрийские антисемиты сблизили этот рассказ с библейским рассказом о пребывании евреев в Египте, отождествив таким образом евреев с проклятыми безбожниками гиксосами. Для нашей цели в этом рассказе важно лишь следующее: азиаты вторгаются в Египет из Азии, покоряют Египет и водворяются в Нижнем Египте, в долине Нила, где строят город Аварис. Они подвергают Египет всяческому насилию, пока, наконец, фараону Верхнего Египта Амасису не удастся их изгнать. Они бегут в Азию, захватывают Иудею и основывают Иерусалим. Иосиф не возражает против отождествления гиксосов с евреями, но дает всему рассказу другое, благоприятное для пришельцев освещение, руководствуясь рассказом Библии.

Для нашей цели интересно одно место из I главы этого сочинения. Стремясь доказать, что вся греческая культура заимствована, и в довольно позднее время, из Египта, Иосиф (или его источник) отождествляет Даная греческой мифологии с фараоном Армаисом, а его брата Египта – с Сетосисом. По этому мифу Данай с пятьюдесятью дочерьми бежал из Египта в Аргос, так как его брат Египет требовал, чтобы пятьдесят дочерей Даная вышли замуж за пятьдесят сыновей Египта (по мнению этнологов, это – этнологический миф, имеющий целью объяснить исчезновение института группового брака *rupalua*. Фараоны конца XVIII в. Армаис и Сетосис выбраны для отождествления с Данаем и Египтом потому, что они царствовали примерно в XVIII в., когда, по расчетам греков, Данай пришел в Грецию и воцарился в Аргосе). По имени Даная греки и носят название «данайцев», как их часто называет Гомер⁸.

Из другого сочинения Иосифа, из «Древностей иудейских», для нас интересно только одно место (VI 11, 10, 2). При сыне Соломона Ровоаме Иудея была покорена египетским фараоном 22-й бубастской династии Шешонком или, как его называли евреи, Сесаком или Сусаком. Это было уже в эпоху глубокого упадка Египта, и фараоны этой династии никак не могли в каком-либо отношении равняться с великими фараонами старого времени Яхмосом, Тутмосом или Рамсесом. Покорение маленькой Иудеи, конечно, было победой не мирового, а местного значения. Но на евреев колоссальная и импозантная армия египтян, конечно, не могла не произвести потрясающего впечатления. Покорение Палестины им не могло не представиться величайшим фактом мировой истории, а сам Шешонк (по принципу «силньсс кошки зверя нет») величайшим завоевателем. Вот почему, когда Иосиф прочитал у Геродота о великих завоеваниях Сесостриса, он не мог не вспомнить о Сесаке, единственном великом завоевателе-фараоне, упомянутом в Библии. Ему не могла не прийти в голову мысль, что Сесострис это и есть Сесак, тем более что и имена очень схожи. В доказательство этого отождествления Иосиф приводит следующее соображение: Геродот говорит, что в тех странах, которые сдавались Сесострису без боя (*αμαχητι*), он ставил столб с изображением женских половых органов. Такой столб, говорит Геродот, был поставлен и в Сирии, причем в этой завоеванной Египтом области было введено обрезание. Из всех жителей Сирии обрезание совершают только евреи; Библия сообщает, что Ровоам действительно сдался Сесаку без боя. Следовательно, и у Геродота как раз речь идет о походе Сесака на Иудею; он только спутал имя фараона. «Геродот ошибочно приписал Сесострису дела Сусака... Геродот ошибся только в имени»⁹.

Догматическая точка зрения осталась обязательной и для христианской апологетики. Ньютон хорошо знал эту литературу, хотя и не находит нужным останавливаться подробно на ней, так как выдвинутые ею установки остались общепринятыми и в его эпоху. Он ссылается на целый ряд христианских писателей: на Августина, Арнобия, Киприана, Климента Александрийского, Евсевия, Исидора, Макробия, Орозия, Татиана, Тертуллиана. Эти произведения в значительной мере направлены против эллинской «языческой» мудрости, прежде всего религии, а также мифологии и отчасти истории. Значительная часть этих сочинений носит название «Contra gentes», «Adversus paganos», «De idololatria».

Наиболее важное из них – часто цитируемая Ньютоном хроника Евсевия, давшего на основании Манефона и греческих историков связную хронологию библейской, древневосточной и греческой истории. Его целью было привести в гармонию библейскую и «языческую» хронологии; но, к нашему счастью, он в принципе только механически соединял ту и другую хронологии, где это только возможно было, не противореча прямо библейским свидетельствам. Вот почему хроника Евсевия, за утратой многих более древних источников (например, Манефона) остается весьма важным хронологическим источником до наших дней. Что касается остальных христианских писателей, то нет нужды останавливаться на каждом из них; это серое однообразное бездарное чтиво, с одними и теми же общими установками:

1. Все, что сказано в Библии, включая и мелочи, – святая непрекаемая истина. Из языческой мудрости можно сохранить только то, что не противоречит Библии и Евангелию; все остальное – от лукавого;

2. Первоначально все люди инстинктивно чтили единого истинного Бога и руководились его заветами, вложенными в душу от рождения, по наущению дьявола, человек впадает в языческую мерзость и начинает поклоняться идолам. Эти языческие боги – либо черти, злые губительные духи, враги рода человеческого, которых надо искоренять, либо праздное измышление.

Не удивительно, что Евгемер и евгемеризм вообще были весьма на руку христианским писателям: ведь он на основании подлинного документа – стелы, поставленной Зевсом в Панхасе, доказал, что Зевс был только царем, добившимся божеских почестей. Правда, уже в древности поняли, что сочинение Евгемера – только литературная фикция, политический роман; но это прошло мимо ушей христианских писателей, которые уже не были в состоянии разбираться в таких тонкостях, тем более что и Диодор (VI, I, 9) прини-

мал рассказ Евгемера за историческую истину. Если древние справедливо обвиняли Евгемера в безбожии, то это с точки зрения христианских писателей было лучшим комплиментом для него – ведь он отрицал существование «языческих» богов, сиречь дьяволов. Христианские писатели награждают Евгемера почетным названием историкос¹⁰ и широко применяют в своей аргументации сообщенные им «факты». Так Лактанций (de ira, 9, inst. I, 2), переписывая из Цицерона список безбожников (αθεοι), вычеркивает из него без всяких оговорок Евгемера, а Климент Александрийский (Protrepticus, II, 24) характеризует Евгемера как «человека добродетельной жизни» (σωφρονως βεβιωκως) и видит в нем предшественника «истинного знания»¹¹.

Таковы были предпосылки науки о древней истории в XVII и XVIII веках.

Эпиграмма

Историк

II

XVII и XVIII века характеризуются появлением целого ряда трудов по древней мифологии, хронологии и истории. Мы уже говорили выше о тех причинах, которые делают эти труды устаревшими и ненужными для научной работы в наше время. Но если из этих работ можно почерпнуть лишь очень немного для изучения древности, то они очень важны как подготовительная стадия для того переворота, который был произведен в науке в начале XIX века.

Античные мифология и история в эту эпоху рассматривались почти исключительно как вспомогательная богословская дисциплина, нужная для того, чтобы лучше понять свидетельства Библии и Евангелия. Уже в это время, главным образом на континенте, были люди, которые относились скептически к библейским и евангельским чудесам, так называемые деисты; против них направлены полемические стрелы ряда писателей того времени, в том числе и Ньютона. Но в основном авторитет священного писания еще не подвергался никакому сомнению; вопрос шел только о его истолковании, а здесь спор шел по линии борьбы *католичества с протестантизмом*. С ортодоксальной католической точки зрения Бетхий Завет для христианина – вещь второстепенная, устаревшая с появлением Нового Завета. Постановления соборов и папские буллы – это главный источник истины; Библия есть непререкаемый источник лишь постольку, поскольку он не противоречит «Новому завету». Наоборот, лозунгом протестантов было: «Назад к Библии!»;

изучение Библии, этой данной Богом Моисею книги, – основное богоугодное дело христианина. Только слова иудейских пророков и христианских апостолов представляют собой божественные откровения; постановления соборов и пап исходят от таких же людей, как все другие люди, и с ними надо считаться лишь постольку, поскольку они правильно толкуют божественные откровения. Радикальное протестантство этого времени было весьма близко к еврейскому правоверию, к правоверию фарисеев. Библия богооткровенна, и, значит, в ней каждое слово истинно: это – аксиома, не нуждающаяся в доказательстве. Библия была таким образом превращена в пробный камень, при помощи которого производилась оценка всех сообщений древневосточной и раннегреческой истории.

К сожалению, по условиям военного времени я лишен возможности даже просмотреть эту литературу и дать здесь ее аутентичную характеристику; я вынужден в основном довольствоваться сведениями, приводимыми в книгах Авг. Бека, основоположника и патриарха науки XIX в., и в новой работе П.Азара¹².

События из мифологической истории Греции во всех этих книгах излагаются, как исторические факты, – авторы довольствуются лишь небольшими рационалистическими исправлениями. Евгемеризм был впервые широко применен при толковании античных мифов Леклерком (Jean Leclerc = Joannes Clericus) в его работе по методологии филологической науки уже в 1696 г.¹³ и оставался в моде, главным образом, во Франции вплоть до середины XVIII в. Курс мифологии, написанный в 1739–1740 гг. Банье¹⁴ и бывший в то время настольной книгой по этому вопросу, всецело стоит на той точке зрения, что мифы – это своеобразно искаженная история.

Другой характерной чертой всей этой литературы было стремление, выделив из всех «языческих» религий поздние добавления и искажения, обнаружить в них подлинное монотеистическое ядро. Эта теория вполне совпадала с библейским рассказом, по которому до Ноя все человечество составляло единую семью, говорившую на одном и том же языке и усвоившую себе путем божественного внушения общечеловеческие принципы и заповеди еврейской религии. Многобожие же было, по мнению этих ученых, поздним видоизменением монотеистической религии, дьявольским наваждением¹⁵. Характерно, что и сам знаменитый Авг. Бек, с презрением отмечающий эту ненаучную теорию, в сущности очень недалеко от нее ушел. Вся разница между ним и его предшественниками в сущности лишь в том, что он считает первичный монотеизм характерным лишь для индоевропейских, арийских народов, а остальные народы оставляет погрязать в идолопоклонничестве с самого

их появления на свет: богоизбранничество евреев здесь заменено богоизбранничеством «арийцев»¹⁶.

Третьей характерной чертой этой литературы была попытка обосновать ряд положений лингвистическими спекуляциями, прежде всего толкованием собственных имен. При этом материал брался, главным образом, из малоизвестных языков, благодаря чему возможны были самые смелые сопоставления и комбинации. Больше всего злоупотреблял этим приемом Бохарт – один из главных авторитетов для Ньютона, Ньютон цитирует его шесть раз¹⁷.

Наконец, наиболее характерной чертой для разбираемой нами литературы был повышенный интерес к хронологии. Этот интерес также объяснялся, главным образом, богословскими соображениями: было очень трудно увязать сообщения Библии с античной хронологией; выходило, что египтяне и вавилоняне много древнее евреев и что библейская датировка сотворения мира, разделения языков и потопа противоречит действительности. Необходимо было найти противоречия и ошибки в датировке, принятой у античных писателей – у Геродота, Манефона, Беросса, Диодора, – и доказать, что евреи действительно самый древний народ в мире; для этого надо было по возможности сократить древневосточную, прежде всего египетскую, хронологию. Ньютон цитирует целый ряд хронологических трудов: Маршэма¹⁸, Петавия¹⁹, Скалигера²⁰, Вазея²¹. Кроме этих, существовал еще целый ряд хронологических трудов, которые были очень популярны во время Ньютона и которые, как указывает его комментатор Горслей, были частично привлечены им, хотя он и не находил нужным на них ссылаться; таковы работы Конрингия²², Додуэлла²³, Тэля²⁴, Джексона²⁵, Перизония²⁶, Торнелля, Упера²⁷. Все эти работы основаны на предпосылке о непрерывности библейской хронологии. Даже Перизоний, который в области древнейшей римской истории произвел настоящую революцию²⁸, подвергнув критическому разбору и отвергнув ряд мифологических рассказов о древнейшей истории Рима²⁹, в своей книге о Египте и Вавилонии в общем идет теми же путями, что и его современники. Необходимость сокращения египетской хронологии диктовалась такими соображениями. Фараоны до саисского времени были распределены у Манефона (как это было известно из Евсевия) на 25 династий; для каждой династии было указано число фараонов и число лет правления. Даже если откинуть фараонов-богов, получалось, что первые смертные фараоны правили много раньше, чем был, согласно Библии, создан мир. Чтобы выйти из этого затруднения, прибегали к различным способам. Одни, например Дж.Маршэм, утверждали, что многие из этих династий пра-

вили не одна за другой, а одновременно, в разных частях Египта; таким путем достигалось большое сокращение. Другим путем, примененным уже в древности, было отождествление» разных фараонов и выбрасывание промежуточных фараонов, как выдуманных из национального тщеславия с целью удлинить хронологию. Мы видели, что уже Иосиф отождествил Сесостриса с Шептонком; из ученых XVII в. по этому пути пошли Конрингий, Торнелий и тот же Маршэм в уже указанных выше трудах. Ньютон на с. 55 (I, 20) для придания большего веса своим выкладкам ссылается на Маршэма, как на своего предшественника «Our great chronologer, sir John Marsham, was also of opinion that Sesostris was Sesac». Маршэм был первоклассной знаменитостью в его время; потомство оценило Маршэма иначе, и его имени даже нет в «Британской энциклопедии».

Прежде чем перейти непосредственно к Ньютону, скажем еще о попытках обосновать библейскую хронологию *астрономическими соображениями*. Здесь Ньютон также не был пионером: уже иезуит Петавий в его указанной выше книге «De doctrina temporum», трижды цитированной Ньютоном, относил, на основании астрономических соображений, поход аргонавтов к 37-му году после смерти царя Соломона; другой труд того же автора, вышедший в 1633 г., «Rationarium temporum» имеет яркую иезуитскую окраску, обнаруживая истинные цели научной работы Петавия.

Любопытно, что попыток написать связную историю древности с точки зрения этих установок сделано не было. Мне известен по названию только один такой труд – это книга Стэнъена³⁰, оставшаяся для меня, к сожалению, недоступной.

Из сказанного, конечно, не следует, что во времена Ньютона в Англии вовсе не было людей, начисто отрицавших все чудесное и сверхъестественное как в греческой и египетской мифологии, так и в Библии и Евангелии. Мы уже говорили о французских деистах. На такой же точке зрения стояли и в Англии некоторые люди, например, автор памфлета, выпущенного в 1695 г. в Лондоне, под псевдонимом «магистр искусств L.P.». Здесь автор указывает на целый ряд ошибок, нелепостей и противоречий в книге Бытия (например, Каин говорит: «Меня может убить всякий, кто меня встретит», – значит, тогда существовали уже какие-то люди, а между тем, по Библии, существовали только Адам и его сыновья) и приходит к выводу: «История переев, милян и ассириян – это нагромождение нелепостей; такова же и Библия». Ее надо относить ...«к восточным сказкам»^{30а}. Одной из основных задач книги Ньютона и была борьба с этими неверующими: путем устранения противоре-

чий в древней истории и нового толкования отдельных мест Ньютона (как и Локк) хотел спасти веру в божественное откровение и библейские чудеса в непререкаемость Библии в целом³¹. Однако в исторической литературе того времени атеисты и дейсты не оставили и по цензурным условиям не могли оставить сколько-нибудь значительного следа. Интересно отметить, что церковь считала религиозных реформаторов гораздо более вредными, чем прямых атеистов³². Галлею, несмотря на его открытый атеизм, в конце концов дали кафедру в Оксфорде, не потребовав от него отречения от заблуждений. Наоборот, когда горячий поклонник системы Ньютона, математик Уистон (Whiston) открыто и публично выступил с пропагандой возвращения к первобытному христианству и с отрицанием догмата триединства божества, он был изгнан из Кембриджского университета как «неисправимый еретик». Характерно, что этот протест против «новшества христианской церкви у Уистона (как и у Ньютона) шел рука об руку со слепой верой в непререкаемость Библии. Уистон выпустил книгу под заголовком: «Новая теория земли, от ее начала до конечного уничтожения всех вещей, в коей доказывается, что сотворение мира в шесть дней, всемирный потоп и всемирный пожар (в конце мира), как все это изложено в священном писании, вполне согласуется с разумом и философией»³³.

III

Ньютон, как и Уистон, был теснейшим образом связан с учеными этого протестантского направления; он был одним из их среды³⁴. В детстве Ньютон воспитывался в религиозной атмосфере; когда он вырос, он решил посвятить себя священнической деятельности³⁵. И впоследствии, когда он писал свои «Principia» и «Оптику», он вовсе не имел в виду доказать, что в мире господствует механическая закономерность: наоборот, он хотел раскрыть природу Бога и показать, как мудро устроил Бог мир, сделав излишним свое непрерывное вмешательство в ход вещей³⁶. Ньютон не только не думал отрицать возможность чудес и пророчеств, но считал, что на первой стадии мировой истории Бог постоянно должен был прибегать к чудесам и приостанавливать действие законов природы, чтобы демонстрировать людям свое всемогущество, тогда как в наше время это излишне. Итак, «Principia» и «Оптику» Ньютон посвятил изучению законов, на основании которых Бог управлял уже готовым миром. Хронологический же его труд должен был показать, как создавалось человеческое общество в ту эпоху, когда Бог

еще приходил в тесное соприкосновение с людьми, открываясь им в чудесах и пророчествах: отдельных людей он одарял чудесной силой, при помощи которой эти люди могли изменять движение светил и приостанавливать действие естественных законов. Эта сила была отнята у людей, после того как откровение было дано людям полностью через смерть и воскресение помазанника Божия³⁷. Итак, люди действительно когда-то обладали даром пророчества; когда-то в мире действительно происходили чудеса, нарушавшие естественные законы. Поэтому ничто не препятствует тому, чтобы в Библии все с начала до конца было истиной. Подобно тому, как в основу своих «Principia» Ньютон кладет как аксиому закон инерции, так в его историческом труде такой же исходной аксиомой является непререкаемость Библии. Задача историка состоит в том, чтобы привести всю гражданскую историю в согласие с историей священной³⁸.

Но признавать непререкаемость Библии еще не значит признавать непререкаемость дошедшего до нас текста Библии. Священен лишь текст, написанный в ту эпоху, когда Бог еще открывался непосредственно людям; изменения, внесенные в этот текст, в более позднюю эпоху, от кого бы они ни исходили, есть лишь человеческие изменения, а не Божие откровения. Поэтому задача серьезного историка и верующего христианина – одна и та же: восстановить Библию в том виде, какой она имела в ту эпоху, когда она была дана людям как откровение.

Любя человечество, Бог не стал бы открываться людям в туманных, запутанных и спорных выражениях: слово Божие может поражать нас своей чудесностью и сверхъестественностью, но оно не может не быть ясным. Эту мысль Спинозы проповедует и Ньютон. То, что не ясно, запутано, что не может быть понято разумом, то не от Бога. Так, по поводу стиха 7 «Послания апостола Иоанна», который Ньютон справедливо считает подложным (см. ниже, с. 288), он говорит: «Пусть тот, кому это по силам, найдет здесь логический смысл. Я этого сделать не умею. Говорят, что наш собственный разум не в состоянии определить, что есть священное писание, а что не является им. *Что касается мест, не вызывающих никаких споров, я согласен с этим*; но в спорных местах я предпочел бы ограничиться тем, что я могу уразуметь. Для взбалмошной и суеверной части человечества характерна как раз страсть ко всему таинственному и непонятному, и поэтому этим людям нравится больше всего то, что они меньше всего понимают»³⁹. Все это – те принципы, которые легли в основу протестантского движения, те принципы, с которыми ожесточенно боролась католическая цер-

ковь. Не удивительно, что Ньютон теряет спокойствие и уравновешенность ученого, когда говорит о католической церкви: он пылает негодованием и возмущением. Цель разбираемой здесь его работы поэтому не только борьба со скептиками, которые в его время начали уже сомневаться в чудесах и пророчествах Библии, но и замена авторитета римской церкви авторитетом *подлинного текста Библии*⁴⁰.

Если Ньютон однажды сказал, что историей он занимается в часы отдыха от работ по математике и физике, то этих его слов, как давно уже указали исследователи, нельзя принимать всерьез. Своей хронологией он начал заниматься много ранее 1690 г., когда его труд был в основном готов⁴¹, и занимался им до самой своей смерти. Прежде чем приступить к этому труду, Ньютон проделал огромную предварительную работу. Достаточно просмотреть цитаты, ссылки и полемику, содержащуюся в его труде, чтобы убедиться, что он был глубоко начитан и в Библии, и в христианской литературе, и в античных авторах; каталог его библиотеки содержит большое количество книг классических и богословских. «Можно не сомневаться, — замечает Мор⁴², — что он приобретал эти книги для того, чтобы изучать их: на него не походило, чтобы он стал тратить деньги на книги только для показа». В течение всей своей жизни Ньютон непрерывно читал книги по истории и филологии и постоянно делал себе заметки и выписки: он оставил множество листов бумаги с материалами по этому вопросу⁴³. И тем не менее, он все время считал, что его труд еще не готов, что это только предварительный набросок. Только краткий экскерпт своей работы «Краткую хронику первых событий в Европе, о которых сохранились воспоминания, до завоевания Персии Александром Великим»⁴⁴, он по просьбе принцессы Уэльской дал в пользование Конти, благодаря нескромности которого это произведение с примечаниями и полемическими замечаниями Фрере (Feret) было опубликовано во французском переводе⁴⁵. Ньютон, возмущенный этим, опубликовал в том же году резкий полемический ответ на замечания Фрере⁴⁶, а сам продолжал неустанно работать над своей «Хронологией». Перед самой смертью, имея 81 год от роду, он три года, не отрываясь, сидел и неустанно переделывал свою «Хронологию», пока не придал ей исправный, по его мнению, вид; однако она увидела свет только после его смерти⁴⁷.

Как мы говорили уже, Ньютон с энтузиазмом примкнул к протестантскому движению. Борьба с римской церковью – одна из основных целей его работы: «хронологические и богословские произведения Ньютона были одной из главных движущих сил в ост-

ром конфликте между протестантизмом и романизмом (католицизмом) в Англии»⁴⁸. Он стремится показать, что власть, доставшаяся в удел римской церкви, не дана ей Богом, а узурпирована ею. Мы говорили уже, что эпоха чудес и пророчеств окончилась, по мнению Ньютона, с нисхождением на землю Христа. Поэтому постановления соборов и папские буллы имеют для верующего человека не большее значение, чем постановление всяких иных земных властей. «Слово императоров, королей и князей – от людей. Слово соборов, епископов и священников – от людей. Слово пророков – от Бога, и в нем заключена вся религия, причем Моисей и апостолов я тоже считаю пророками. Но если ангел придет с неба, чтобы проповедывать какое-либо иное Евангелие, чем то, что нам дали пророки, то пусть он будет проклят».

Показательно, что в четвертом звере пророчества Даниила Ньютон видит Римскую империю, а в малом роге этого четвертого зверя предсказание о римской церкви⁴⁹.

Все ужасы, которые рассказаны об этом «малом роге» в пророчестве Даниила, Ньютон относит к римской церкви и для этой цели дает подробный, обзор ранней истории церкви и ее отношений со светской властью, причем проявляет поразительную эрудицию в этих вопросах. Но основная его задача – показать, что уже Даниилом было предсказано крушение папской власти и грядущее господство святых на земле⁵⁰. В самом начале трактата «О двух замечательных искажениях текста священного писания»⁵¹ мы читаем такие замечательные слова о практиковавшихся римской церковью с благочестивой целью подделках текста Библии: «Для вас, хорошо знающего те многочисленные злоупотребления, которые применяли господа из римской церкви, вряд ли будет лишним убедиться еще на одном примере в том, что общеизвестно... Если мы выступаем с протестом против благочестивой лжи (pia fraus) Римской церкви и считаем своим религиозным долгом презирать и отвергать все подобные приемы, то мы должны признать, что попустительством таким приемам с нашей стороны является еще большим преступлением, чем со стороны папистов, которых мы так ругаем за это; поступая так, они действуют согласно своим религиозным взглядам, а мы – вопреки нашим взглядам».⁵² Не удивительно поэтому, что Ньютон уделяет много внимания истории Никейского собора, постановления которого имели первенствующее значение для формирования католической религии. Он показывает, что постановления этого собора были приняты под давлением императора и благодаря коварным махинациям Афанасия; поэтому авторитет его у католиков совершенно незаслуженный⁵³.

Ньютон не только принадлежал к протестантской оппозиции против католической опасности: он принадлежал к крайнему, радикальному крылу этой оппозиции. Мор окончательно и с несомненностью показал⁵⁴, что Ньютон был близок к так называемой арианской ереси, он был *унитаристом*, отрицающий основной христианский догмат *триединства божества*. Таким образом, он был единомышленником Уистона (выше, с. 284); но в то время как Уистон открыто проповедывал свои взгляды, желая принять мученическую кончину, Ньютон искусно вуалировал их, делая упор на научную, филологическую сторону вопроса. Он делал это отчасти из отвращения к полемике и к научным спорам, отчасти же просто из боязни, не желая подвергнуться участи Уистона, тем более что по закону за упорствование в унитаризме грозило еще более строгое наказание – тюремное заключение⁵⁵.

Отрицание триединства божества Ньютон обосновывал филологическими и логическими соображениями:

1). Он доказывал в уже цитированной статье «О двух замечательных искажениях текста Писания», что стих 7 «Послания апостола Иоанна» – поздняя поправка – факт, ставший теперь прочным достоянием науки (см. ниже, с. 288), что в стих 16 «Послания Тимофея» внесено сторонниками триединства божества небольшое изменение в одном слове (в этой аргументации Ньютон имел предшественником Симона: см. ниже, там же). А эти места являются единственными в «Евангелии», содержащими догмат триединства⁵⁶,

2). В неопубликованной до сих пор, но известной мне по цитатам в книге Мора рукописи Ньютона приводятся и *логические* возражения против триединства: «Сын назван «словом», значит он не Бог, а только как бы рупор Бога, через который Бог обращается со своим словом к людям; так как Иисус был зачат Богом, то он не мог существовать до зачатия, а следовательно, не извечен, подобно Богу; так как сказано, что отец превыше сына; так как сказано, что сын не знал своего последнего часа; так как сын получил все от отца; так как сын мог быть облечен в брэнную плоть»⁵⁷.

На основании всех этих соображений Ньютон приходит к выводу, что Иисус – один из пророков Божьих, пророк, наиболее любимый Богом и обладающий наибольшей духовной силой и наибольшим пророческим даром. В той же неопубликованной рукописи Ньютон писал: «Иисус Христос – это пророк; единственный из пророков, которому Бог открылся сразу и который поэтому и называется Словом Бога... Поэтому он *в смысле, употребляемом в писании*⁵⁸, называл себя Богом, не совершая этим богохульства; тем более он имел право называть себя сыном Божиим»⁵⁹.

Существование святого духа как особой отделенной от Бога ипостаси Ньютон отрицал совершенно, а в Иисусе видел только одного из пророков. В связи с этим Ньютон категорически отрицал, что в книге Даниила содержится предсказание пришествия Христа⁶⁰.

Издание полного собрания сочинений Ньютона было поручено епископу Горслею, который и выпустил Opera omnia в 1785 г. (по этому изданию мы и цитируем Ньютона), с обширными подстрочными примечаниями. Горслей не мог не включить сочинения «О двух искажениях текста Писания», так как оно уже получило широкое распространение в рукописном виде. Но в комментарии он пишет с возмущением: «Содержащуюся здесь инсинуацию, будто учение о триединстве не вытекает непосредственно из слов, предписанных обрядом крещения, мы не ожидали бы найти у писателя, который не был социнианцем» (социнианцы – унитаристская ересь, считавшаяся еще более вредной, чем арианство). Что же касается других рукописей Ньютона, где учение унитаристов аргументировано еще более открыто, то Горслей вовсе не нашел нужным включить их в полное собрание сочинений Ньютона; они впервые опубликованы в выдержках Мором⁶¹. Как указывает Мор (с. 641–642) еще в середине XIX в. церковь (в лице епископа солсберрийского) позволяла себе вмешиваться в вопросы издания биографии Ньютона, препятствуя опубликованию фактов, доказывающих, что Ньютон не принимал догмата триединства⁶².

Вследствие отрицания основных догматов христианской веры точка зрения Ньютона (как и многих других протестантов) оказывается более близкой к точке зрения еврейских раввинов, чем католических богословов, почему не удивительно, что для него по существу основной священной книгой было не Евангелие, а Библия. Вот почему реабилитация Библии, доказательство ее непогрешимости стало для Ньютона основной задачей. Вот почему он неустанно трудился всю вторую половину своей жизни над трудом по древней хронологии. «Из случайных упоминаний о нееврейских государствах, вкрапленных в еврейскую историю, из тщательного изучения классических авторов и туманных астрономических указаний древних Ньютон нашел возможность, проверяя их путем перекрестного опроса, построить связную хронологию других великих государств, и эта хронология была, по его мнению, вполне точной»⁶³.

Ньютон умирал в твердой уверенности, что и в области древней хронологии он достиг таких же точных и обоснованных результатов, как в механике. На чем основывается эта уверенность и в чем

причина его ошибок, мы скажем в конце следующей главы, а сейчас остановимся еще на *критике античных текстов* у Ньютона.

Мы видели уже, что словом Божиим Ньютон считал священное писание лишь в том виде, в каком оно было изречено Богом. Он знал, что в это слово Божие впоследствии людьми, не бывшими пророками Божиими, были внесены, иногда недобросовестно, изменения. *Поэтому критика текста писания была для него, как мы уже говорили, вопросом не только научной, но и религиозной совести.*

В этом случае Ньютон был прямым продолжателем первых кригиков библейского текста, знаменитых вольнодумцев Спинозы и Р.Симона. Спиноза в своем Tractatus theologico-politicus ставил критике библейских книг как раз те же задачи, которые филологи тогда ставили критике текста «языческих» авторов; кроме того, он требовал, чтобы были выяснены условия творчества автора каждой библейской книги и политическая роль его, – по какому случаю и для кого он ее писал и как отдельные книги были собраны в единый корпус. Это, впрочем, были лишь добрые пожелания; осуществил их правоверный католик Р.Симон (1638–1712). На основании детального филологического изучения он пришел к выводу, что Моисей был автором только законов и заповедей; все остальное – оформление, добавления, сокращения и т. д. – дело рук ряда поколений ученых-пророков. В течение долгого времени листы рукописей библейских книг перепутались, при переписке вкрались опечатки и нелепости, различия в языке и стиле, повторения, противоречия, неудачные попытки согласования и т. д. Впрочем, речь идет только о мелочах: *все эти ученые-пророки писали, как и Моисей, под непосредственным наитием духа Божия; поэтому Библия в целом содержит лишь святую истину.* Симону пришлось сжечь все свои рукописи; его книга еще до выхода была осуждена и внесена церковью в Index librorum prohibitorum. В 1678 г. все издание было в Париже изъято и уничтожено; но в библиотеке Ньютона имелся экземпляр второго роттердамского издания.

Знакомясь с ньютоновым разбором истории текста двух мест из «Посланий апостольских», мы убеждаемся, что и Ньютон вполне владеет приемами научной *филологической критики текста.* Стих 7 «Послания Иоанна» он считает, как и Симон, позднейшей вставкой из следующих соображений: он указывает, что этот стих не встречается в текстах, более древних, чем 385 год, и никогда не цитируется у более ранних христианских писателей, хотя мы и ожидали бы в ряде мест такой цитаты. Но наиболее важный довод: во время дебатов на Никейском соборе в 325 г. между сторонни-

ками и противниками триединства первые ни разу не ссылаются на этот стих, хотя он сразу же положил бы конец спорам, ибо здесь черным по белому сказано: «Ибо есть трое единомышленных в небе: отец, слово и святой дух, и эти трое суть одно». Очевидно, в 325 г. этот стих еще не читался в Евангелии, а был подделан после этого года тринитариянцами, чтобы обосновать их новый догмат текстом священного писания. В стих 16 «Послания Тимофея» было, по мнению Ньютона, внесено лишь небольшое изменение: вместо «о» написали «θ», что является сокращением слова θεος и дает нужный для сторонников доктрины триединства текст; но все тексты и цитаты ранс V в. дают чтение «о»⁶⁵.

Ньютон прекрасно понимал, таким образом, как ведется критика текста. К сожалению, он плохо знал, как указывает и Мор, греческий язык; обычно он пользовался латинским переводом, обращаясь к греческому тексту только в сомнительных случаях. С другой стороны, он так увлеклся своей теорией, что из всех разночтений и толкований склонен был, не задумываясь, отдать предпочтение тому, которое наиболее соответствовало его теории.

Вот примеры недостаточного знания языка. У Павсания (V, 18, 7) в рукописях читается: Κυσηλω και τοις προγονοις εκτων ην γενοσ εξ αρχης Γονουσης της Σικυωνος. Ньютон (с. 47; I, 14), не задумываясь, переводит это место так: «При Кипселе и предках было шестое поколение от начала, от Гонуссы, дочери Сикиона». Такой перевод, однако, невозможен, ибо γενοσ никогда не означает «поколение», а «род» в целом; Гонусса – это не женщина, а название города. Однако данный Ньютоном перевод был очень удобен для его теории, ибо, приняв, что Кипсел правил около 654 г. и прибавив сюда на 6 поколений 180 лет, он получал для Гонуссы и ее отца Сикиона 834 год, что вполне подтверждало его теорию. В действительности текст этот в дошедшем до нас виде вообще смысла не дает^{65а}.

Тем же недостаточным знакомством с греческим языком обусловлено у Ньютона следующее недоразумение (с. 65, I, 30). Он утверждает, что керкирцы приписывали изобретение астрономического глобуса Навсикае, ссылаясь при этом на Свиду (s. v. Αναγαλλις). Ему, очевидно, не известно, что слово sfaira, кроме смысла «сфера, небесный глобус», имеет еще гораздо более простой и употребительный смысл «мяч», гораздо более подходящий для юной царевны феаков, чем занятие астрономией. Как известно, Навсикая была выведена Гомером и Софоклом играющей в мяч. Приводимое Ньютоном место Свиды другого толкования, впрочем, и не допускает: «У Гомера выводятся пляски – и пляски жонглеров, и пляски с мячом (δια της σφαιρας) ...изобретение мяча керкирская

женщина-грамматик Анагаллида приписывает Навсикае... ибо ее одну из всех героинь Гомер выводит играющей в мяч (σφαίριζουσαν)». Не понятно, как можно получить какой-либо смысл в этой фразе, если переводить σφαίρα – «астрономический глобус». Но Ньютону такой перевод был необходим, чтобы показать, что расцвет занятий астрономией в Греции относится ко времени похода аргонавтов.

В других случаях конъектуры Ньютона безукоризненны с языковой стороны, но произвольны и предлагаются только с целью дать лишнее подтверждение принятой Ньютоном хронологии. Так, Геродот (II, 99) называет фараона, построившего пирамиды Εγεφης. Ньютон (с. 173, II, 35) предполагает, что левый край рукописи истлел или стерся, благодаря чему первая одна или первые две буквы исчезли. Вначале читалось: Αγεγεφης или Μεγεφεης); когда стерлись первые буквы, стало Εεγεφης. Это очень остроумное предположение, но оно совершенно излишне; нужно оно Ньютону только для того, чтобы найти лишнее подтверждение его теории.

Вот еще пример. Во всех рукописях 13 гл. 1 книги Фукидида говорится, что Ликург жил за 400 лет до конца Пелопонесской войны; это противоречит хронологической схеме Ньютона; Ньютона устроило бы, если бы здесь читалось: «за 300 лет». И вот он обнаруживает, что в латинском переводе Анри Этьенна вместо 400 действительно читается «300 лет». Ньютон (с. 44, I, 11), не задумываясь, считает это чтение правильным, полагая, что Этьенн руководствовался соответствующей рукописной традицией, сохранившейся в каком-то греческом подлиннике, бывшем в распоряжении Этьенна. Между тем, в действительности тот же Этьенн в изданном им греческом тексте Фукидида дает цифру «400»; очевидно «300» – простая опечатка, с которой вовсе не следовало считаться. Так же поступает Ньютон при выборе одной из нескольких исторических версий: он выбирает ту, которая больше подходит к его схеме, ибо достоверность этой схемы ему а priori кажется несомненной. Так, Ньютону очень важно установить, что Данай пришел в Грецию за одно поколение до аргонавтов. У Гигина (14) он нашел среди многих других генеалогий и такую («по другим»), по которой участник похода аргонавтов Аргос – сын Даная. Он сразу же (с. 52, I, 19), не задумываясь и ничем этого не обосновывая, отдает предпочтение этой версии перед всеми другими. Поэтому, издатель Ньютона, архиепископ Горслей, прав, когда, по другому поводу, замечает: «Сэр Исаак Ньютон отдает всегда предпочтение той версии, которая наиболее выгодна для теории, за которую он борется».

IV

После того как мы в первых двух главах в основном познакомились с достижениями предшественников Ньютона в изучении истории древности как античных, так и современных ему, мы сможем установить, что было сделано самим Ньютоном в исследованной им области.

Мы видели уже, что задача Ньютона – доказать непрерываемость авторитета Библии и что в известном отношении, в плоскости спора между католиками и протестантами, эта тенденция была боевой и прогрессивной. Первоначальный монотеизм человечества представляется Ньютону несомненным: «Прежде чем финикияне ввели обожествление покойников, греки имели в каждом городе совет старейшин, управлявших общиной, и место, где старейшины читали *своего* (мой курсив) бога жертвоприношениями» (с. 131, кн. I, гл. 87). Доказательства этого положения Ньютон не приводит, но это не значит, что он его не имел: целый ряд таких доказательств он мог почерпнуть и из Библии, и из греческой литературы: действительно, жители городов Средиземноморского побережья в древности читали одного бога, но *каждый город своего бога*. Люди не отрицали в это время существования других могущественных богов, но, поскольку эти боги были «хозяевами» («Ваалами») и покровителями других городов, а все города были в принципе в состоянии войны друг с другом, они обязаны были чтить только своего бога и ненавидеть всех чужих богов: всякое другое поведение было бы изменой родине. Это не *монотеизм* (единобожие), а *генотеизм* (однобожие). Еврейский монотеизм несомненно развился из этого генотеизма, но это не тот монотеизм, которого искал Ньютон; однако при предубеждениях Ньютона эта ошибка вполне понятна. Несомненно также, что и ряд альтруистических инстинктов появился у человека уже в очень раннее время; но видеть в этом доказательство непрерываемости Библии можно, только приняв библейское же положение о том, что все эти инстинкты переданы людям в виде приказа («заповеди») Бога, а это *circulus vitiosus*. С другой стороны, наряду с этим культом городского бога уже с древнейших времен у всех средиземноморских народов существовало почитание божеств второго ранга – колдунов, животных, фетишей, духов предков. Если Ньютон, чтобы опровергнуть эти факты, утверждает, что он «не встречал ни одного случая обоготворения покойников в Греции до прибытия Кадма в Европу» (с. 120, I, 74), то это весьма наивно: вообще греческая традиция сохранила очень мало рассказов из жизни смертных до Кадма, а после того как

Ньютон путем хронологических манипуляций, о которых мы скажем ниже, превратил греческих богов и героев в обожествленных после смерти земных царей, правивших после Кадма, никакого материала, который можно было бы отнести ко времени до Кадма, у него не могло остаться. Поэтому получался опять же *circulus vitiosus*: для доказательства исконности монотеизма Ньютон хочет базироваться на небиблейском материале, но, в конце концов, его окончательный вывод (с. 141, I, 99) основан только на тенденциозной библейской мифологии, на которую он, в конце концов, и ссылается: «Итак, вера в то, что мир создан верховным Богом и им же управляется; любовь к нему и почитание его; почет, воздаваемый родителям; завет любить ближнего, как самого себя, сострадание даже к диким зверям – вот древнейшая из всех религий». Когда же, наоборот, Ньютон встречается после Кадма с философской монотеистической религией у народа, не имевшего ничего общего с евреями, он вынужден тем или иным способом доказать, что этот народ – отпрыск древнейших евреев. Так он поступает с индийскими брахманами. Здесь на помощь приходит «лингвистика»: сыновья Авраама, рожденные от второго брака с Кeturой, назывались якобы *Abrahamani*. Отсюда получилось *Brahmani*. Эти сыновья Авраама были воспитаны отцом в единобожии и потому чуждались культа идолов (с. 247, VI, 2).

Многобожие появляется у египтян и греков, по мнению Ньютона, только после прибытия к ним финикийян, эдомитов и т. д., изгнанных из Палестины Иисусом Навином и его преемниками (с. 120, I, 74; с. 131, I, 87). Это, разумеется, противоречит указаниям самой Библии, где не только говорится о языческих культах до возвращения евреев из Египта, но в некоторых местах и прямо принимается существование других, враждебных Иагве богов («Исход»: «И над богами Египта учинил суд Иагве»; «Бытие»: «Чтобы люди не стали как один из нас [богов!]»). Но эти места равнины перетолковали в духе единобожия; Ньютон, не знавший еврейского языка, не мог не следовать этим толкованиям.

Для объяснения, почему появилось многобожие, Ньютон, как и большинство его современников, становится на точку зрения античного евгемеризма: могущественные цари либо сами еще при жизни потребовали, чтобы их обоготворяли, либо это обожествление было предоставлено им постановлением надлежащих властей после смерти. Разумеется, ни собственный приказ царя, ни постановления властей после смерти не могут фактически превратить смертного в бога; значит, это не боги, а лжебоги, что и требовалось доказать в интересах торжества христианства.

Античные евгемеристы при этом проецировали в прошлое прижизненный культ великих монархов, главным образом египетских фараонов и эллинистических царей, начиная с Александра Великого. Ньютон и здесь подходит к вопросу значительно глубже. Интерпретируя замечание Диодора (I, 15), согласно которому лишь Осирис и Исида научили египтян впервые строить храмы, он справедливо указывает, что и вообще сооружение великолепных храмов – сравнительно позднее нововведение; что первоначально в честь богов ставились лишь алтари на так называемых «высотах»⁶⁶. Но именно на таких высотах греки сооружали и алтари в честь своих предков, устраивали в честь их поминальные обряды (κτερί-ζειν), особые праздники, приносили им жертвы. По мере развития роскоши в крупных богатых общинах чувствуют людей, пользовавшихся почитанием целой общины, великолепными могилами в форме храмов с алтарями и статуями, по образу первого храма, воздвигнутого истинному Богу царем Соломоном. В честь их совершаются публичные жертвы и моления. «То, что отдельные люди делали по отношению к своим предкам, то теперь целые города делают по отношению к своим знаменитым героям» (с. 120, I, 75). Это – в основном совершенно правильные наблюдения (если исключить замечание о храме Соломона); в древнейшее время действительно не было резкой границы между человеком, одаренным сверхъестественной силой (mana, orenda), и божеством; культ покойников сыграл действительно большую роль в формировании религии (образцов такого рода научного «евгемеризма» читатель найдет много в классической книге Фрэзера «Золотая ветвь») Ньютон (с. 163, II, 21) вслед за Иосифом Флавием («Древности», IX, 4, с. 404) указывает на пример такого обожествления земных царей: «И Бог в течение всех дней (царя Иоахаза) отдал Израиль в руки Газаэля, царя Сирии, и Бен-Алада, его сына». Иосиф замечает: «Сирийцы до нынешнего дня почитали и Адара, т. е. Алада или Бен-Алада, и Газаэля как богов за их благодеяния и за их постройки храмов, которыми они украсили город Дамаск». Пример этот, однако, не очень убедителен: дело могло обстоять как раз наоборот: оба царя (и Бен-Алад, и Газаэль) могли носить теофорные имена, т. е. имена уже чтившихся в их время богов (так обстояло дело, несомненно, с Бен-Аладом). Впрочем случаев обожествления отдельных смертных и в до-эллинистическую эпоху было не мало (например, Софокл был героизован после смерти). Но это обожествление обычно совершалось таким образом, что царь отождествлялся с уже почитавшимся небесным богом (например, египетские фараоны с Ра или Аммоном). Сам Ньютон высказывает правдоподобное

и остроумное предположение, что некогда каждый греческий царь отождествлялся с Зевсом (Юпитером). «Поэтому, – говорит он, – нет ничего удивительного, что в некоторых мифах Минос смешивается с Зевсом (мать Миноса называется Реей; на Крите есть гробница Зевса), а в других он назван сыном Зевса: «Both Minos and his father were Jupiters» (с. 115). Это, если угодно, предвосхищение нынешних взглядов, но примеры такого обожествления не убедительны для вопроса возникновения культа Рогов. В тех же случаях, когда божество носит и имя покойника, обычно этот культ, как указывал уже Плутарх, не держится дольше 2–3 поколений.

Выведение религии из культа покойников несомненно интересная и правильная мысль, хотя и взятая Ньютоном очень односторонне. И здесь, как и в вопросе о единобожии, Ньютон мог бы прийти к интересным выводам и предвосхитить науку XIX в., если бы он не связал себя авторитетом Библии. В угоду Библии ему и приходилось считать, что этот культ покойников и сильных людей существовал первоначально только у хананейцев; это они, будучи изгнаны из Палестины, разнесли его по всему миру. Все, что привнесли египтяне, а вслед за ними греки в этот культ, сводилось к тому, что они упразднили финикийские (ханаанейские) человеческие жертвоприношения в честь покойников и вместо предков отдельных родов «стали обоготворять своих собственных царей, основателей новой державы, начиная историю страны правлением и великими делами своих богов и героев» (с. 120, I, 74; с. 199, II, 6). Точно так же, мысль о сравнительно позднем возникновении пышных храмов совершенно правильная, но Ньютон полемизирует с Маршэмом и Спенсером, утверждавшими, что евреи научились сооружению храмов у египтян, и доказывает это тем, что «он нигде не встречал пышных храмов ранее дней Соломона» (с. 162, II, 20); поэтому он считает храм Соломона прототипом всех храмов мира⁶⁷. Здесь мы имеем ошибку, основанную, с одной стороны, на преувеличенной вере в авторитет Библии, а с другой – на его сокращенной хронологии (см. ниже, с. 295 и сл.), основанной опять же на вере в непререкаемость Библии. С этим сопоставим приведенную у Мора, ук. соч., с. 621, беседу Стеклея с Ньютоном. Ньютон говорил: «Храм Соломона самый древний из больших храмов. По его образцу Сесострис построил свои храмы в Египте, и отсюда греки заимствовали свою архитектуру и религию» (sic!).

Это не единичные случаи. Мы можем привести и ряд других примеров, когда гениальные предвосхищения Ньютоном науки XIX в. оказываются бесплодными вследствие убеждения в непререкаемости Библии. Так, на с. 157 (II, 15) содержится воистину ге-

ниальная мысль: «По-видимому, письмо и астрономия, и плотничье ремесло были изобретены купцами... для записывания их товаров и расчетов, для ведения судов ночью по звездам и для постройки кораблей». Возникновение удобного и практичного финикийского алфавита действительно необходимо объяснять только таким путем. Ньютону логически приходится считать, что письмо изобретено финикийцами; он и допускает это, считая, что финикийские купцы занесли письмо в Азию и Европу. Но... евреи оказываются здесь исключением: их письмо изобретено самим Господом Богом и передано сначала Аврааму, а затем Моисею в виде написанных законов (II, 13)! Однако «никто, кроме потомства Авраама, не владел этими письменами», ибо «до дней Давида мы ничего не слышим о письме, исключая потомство Авраама... ничего не слышим об астрономии, исключая созвездия, упомянутые у Иова». Мы «ничего не слышим», потому что Ньютон при помощи искусных хронологических манипуляций относит почти всю историю Египта и Греции ко времени после Давида! Вместо того чтобы на основании этих мест отвергнуть принятую тогда датировку книги Иова, Ньютон делает эту датировку исходным пунктом своих рассуждений.

Примеры такого неограниченного доверия к показаниям Библии можно сколько угодно умножить, например: Шешонк и Сесострис – это одно и то же лицо, ибо «священная история не допускает существования какого-либо египетского покорителя Палестины до этого царя» (с. 143–4, II, 3).

Может быть, наилучшим образчиком слепой веры Ньютона в непререкаемость Библии является его доказательство того, что в древнейшее время цари имели привычку делить царство между сыновьями: «Так Ной был царем всего мира, а Хам уже только царем Африки, а Яфет – Европы и М. Азии» (с. 195, III, 3). Точно так же в библейских «писаниях» эллинистического времени, представляющих собой, с нашей точки зрения, поучительные исторические романы, сохранившие лишь самые смутные воспоминания об описываемом ими времени (книги Даниила, Юдифи), Ньютон видит исторические хроники, современные описываемым событиям. Так, в книге Даниила пресмником Киаксара оказывается Дарий (Даниил, IX, 1); Ньютон вслед за Иосифом, кроме Дария Гистаспа принимает еще «Дария Мидянина», предшественника Кира⁶⁸, несмотря на то, что он в принципе протестует против метода удвоения исторических лиц и подвергает этот метод осмеянию (ниже, с. 296).

Евгемеризм – это частный случай принципа, применяемого в греческой науке уже с древнейших времен: «нет дыма без огня», все, что рассказывается, основано на истине, и поэтому всякий

миф – это разукрашенная история прошлого. Чтобы получить из мифа историю, надо только отбросить или перетолковать все невероятное, невозможное. Сказочная старина снабжается подробностями, взятыми из будничной жизни классической или эллинистической эпох. Так, по греческому мифу богатыри из разных городов Греции отправились на корабле Арго в Колхиду за золотым руном барана, охраняемым страшным драконом. Такая экспедиция, говорит Ньютон, экспедиция, в которой принял участие цвет Греции, юноши из столь многочисленных городов, не могла иметь какой-либо иной цели, кроме целей государственной международной политики (state policy). Но в это время (если принять хронологию Ньютона) царь Сесострис был убит; это было наиболее подходящим моментом для восстания. И вот отправляется экспедиция с целью убедить народы, живущие по побережью Черного и Средиземного морей, восстать и отложиться от Египта, вступить в союз с греками и стать независимыми, как поступили уже евреи и эфиопы. Таким образом, эта экспедиция вызвана политической борьбой и торговой конкуренцией с Египтом. Очевидно, она была предпринята по приказу дельфийского оракула, следовательно, с одобрения совета амфикитионов. Чтобы скрыть от египтян истинную цель похода, была пущена в ход басня о золотом руне; в действительности, изображение золотого барана было только украшением на корабле Фрикса. И в самом деле, после этой экспедиции участвовавшие в ней народы перестают подчиняться Египту (с. 79, 1, 43; с. 176, II, 33). Другой пример: по греческому мифу, Ликаон приносил в жертву детей. Но по теории Ньютона, все народы в древнейшее время верили в единого Бога и исполняли его заповеди; только ханаанейские пастухи, изгнанные из Египта, были язычниками и людоедами. Значит, отец Ликаона был ханаанеем, изгнанным из Египта вместе с другими пастухами, приносившими в жертву людей в Аварисе.

Еще пример: греческий потоп Девкалиона нельзя отождествить с библейским потопом Ноя, так как их мифическая хронология не совпадает. В виду непреложности Библии пострадать, конечно, пришлось греческому потопу: Ньютон превращает его в простой разлив рек в Фессалии (с. 109, I, 65).

В основном переработка мифа сводится к тому, что из него берется все, подтверждающее священное писание, и отвергается все, противоречащее ему. Нарисованная в библейской книге «Исхода» картина могущества, богатства и организованности египетского государства во время пребывания там Иосифа как бы проходит мимо Ньютона; зато он хватается с радостью за слова фараона в книге «Исхода» (I, 9 и 22) о том, что еврейский народ размножает

ся и становится многочисленнее и могущественнее египтян. Эта мотивировка избиения еврейских младенцев, разумеется, наивна и характерна для сказки, где со временем не считаются, и небольшая семья может через несколько поколений превратиться в большой народ; Ньютон (с. 199) делает отсюда (будучи убежден в непрерывности Библии) обратный вывод, что население Египта было тогда еще очень малочисленно, что соответствует его общей конструкции о появлении государственной и культурной жизни в Египте только много позже исхода евреев, в правление Соломона в Палестине и Осириса-Сесостриса в Египте; он опирался при этом, разумеется, на Диодора, по которому всю культуру передали египтянам Осирис и Исида. Другой пример: по рассказу Диодора (сохранным Фотию) пастухи-гиксосы, будучи изгнаны из Египта, двинулись под командованием Моисея; он покорил Палестину и построил Иерусалим. Как правильно заметил Ньютон, здесь скомбинированы два рассказа: египетский – об изгнании гиксосов и еврейский – о Моисее и покорении Палестины. Ньютон прав, считая, что этот рассказ ничего не дает по вопросу о пребывании евреев в Египте и их исходе; тем не менее, на основании этого места он датирует изгнание гиксосов из Египта временем царствования Соломона: «But however he lets us know, that the shepherds were expelled from Egypt by Amosis a little before the building of Jerusalem and the Temple» (с. 54, I, 20; с. 151–152, II, 9).

Насколько примитивно «источниковедение» Ньютона и с каким легковерием он относился к сообщениям чисто мифологического характера, видно из следующего. Вергилий и его комментатор Сервий рассказывали, что Тевкр прибыл после взятия Трои в Кипр и дни Дидоны. Это сопоставление двух сказочных эпизодов, выдуманное у Вергилия чисто литературными, поэтическими соображениями, обычный синхронизм (см. выше, с. 273). Но оно приводит Ньютона к глубокомысленному выводу, что Вергилий и Сервий имели доступ к архивам Тира, Кипра и Карфагена и там получили эти архивные сведения (с. 51, I, 17)! Другой пример: Платон для иллюстрации своих политических идеалов рисует в «Критии» фантастическое государство Атлантиду. Применяется обычный литературный прием – «ложный адрес»: об этом якобы египетские жрецы рассказывали Солону. Ньютон (с. 170, II, 25) видит в этом рассказе вымысел, но не Платона, а мнимых египетских жрецов: «Они все то насочиняли Солону... Столь велико было тщеславие египетских жрецов, желавших возвеличить свою древность».

Установленная Ньютоном новая хронология служит для него ритерием для толкования мифов. По греческому преданию, воз-

дельванию хлебных злаков греков впервые научил Триптолем. По хронологии Ньютона, Триптолем – современник Диониса-Пенонка; царь Эреxfей и мифический Мил (Μύλης, «Мельник»), изобретатель ручной мельницы (Paus. 3, 20) жили до него; значит, они жили, когда греки еще не умели взращивать хлебные злаки! Но тут на помощь Ньюто́ну приходит Гекатей-Диодор, который, как мы видели, дал рационалистическое перетолкование мифа об Эреxfее: Эреxfей получил сан царя-благодетеля за то, что *ввез* зерно из Египта. Ньютон ухватывается за этот домысел Гекатея и в том же духе толкует и рассказ о Миле: Мил изобрел ручную мельницу для перемола получающегося из Египта зерна; ему помогали в этом присланные из Египта мастера (с. 166, II, 23; с. 124, I, 83).

Иногда выводы Ньютона курьезны и поражают своей наивностью. По его мнению, к мысли изображать богов в виде животных египтяне пришли под влиянием символического иероглифического письма. Даже собственные имена они изображали не буквами, а символами; например, Аммона – с рогами барана, так как он покорил Ливию, изобилующую баранами; когда хотят изобразить бога моря Нептуна с его экипажем пятидесятивесельного судна (пентеконтеры), рисуют великана Эгеона с 50 головами и т. д. (с. 166¹-167, II, 23).

К теории *euhetai*, «изобретателей», Ньютон, разумеется, присоединяется полностью. Культуре хлеба научил греков Триптолем, с ремеслами их познакомил Гефест, ручную мельницу выдумал Мил и т. д. Перечислив всех таких «изобретателей», Ньютон думает, что тем самым он написал полную историю культуры человечества. «Я довел теперь хронологию греков до очень далекого момента – до первого применения букв... до первого применения плуга и первого сева зерна... до изобретения обработки меди... железа... до начала торговли и плотничьего дела» (с. 125, I, 79). Все это, оказывается, принесли в Грецию специалисты из числа бежавших из Египта гиксосов – даже уметь строить дома и жить в них (с. 131, I, 86).

Как и у других его современников (выше, с. 282), большую роль в системе Ньютона играет толкование собственных имен из малоизвестных языков; этот прием, как известно, до сих пор дает возможность доморощенным лингвистам срывать дешевые лавры. Древнейшие финикийские поселенцы в Греции были названы pelasгами потому, что их вождем был Пелопс (с. 127, I, 81). Амфиктиония (буквально: «организация окрестных жителей» – слово, казалось бы, настолько ясное, что не нуждается в дальнейших толкованиях!) названа так потому, что основана царем Амфиктионом (Short Chronicle, 276, под 1014 г.), ручная мельница названа (μύλη)

ся и становится многочисленнее и могущественнее египтян. Эта мотивировка избиения еврейских младенцев, разумеется, наивна и характерна для сказки, где со временем не считаются, и небольшая семья может через несколько поколений превратиться в большой народ; Ньютон (с. 199) делает отсюда (будучи убежден в непрерывности Библии) обратный вывод, что население Египта было тогда еще очень малочисленно, что соответствует его общей конструкции о появлении государственной и культурной жизни в Египте только много позже исхода евреев, в правление Соломона в Палестине и Осириса-Сесостриса в Египте; он опирался при этом, разумеется, на Диодора, по которому всю культуру передали египтянам Осирис и Исида. Другой пример: по рассказу Диодора (сохранившему Фотию) пастухи-гиксосы, будучи изгнаны из Египта, двинулись под командованием Моисея; он покорил Палестину и построил Иерусалим. Как правильно заметил Ньютон, здесь скомбинированы два рассказа: египетский – об изгнании гиксосов и еврейский – о Моисее и покорении Палестины. Ньютон прав, считая, что этот рассказ ничего не дает по вопросу о пребывании евреев в Египте и их исходе; тем не менее, на основании этого места он датирует изгнание гиксосов из Египта временем царствования Соломона: «But however he lets us know, that the shepherds were expelled from Egypt by Amosis a little before the building of Jerusalem and the Temple» (с. 54, I, 20; с. 151–152, II, 9).

Насколько примитивно «источниковедение» Ньютона и с каким легковерием он относился к сообщениям чисто мифологического характера, видно из следующего. Вергилий и его комментатор Сервий рассказывали, что Тевкр прибыл после взятия Трои в Кипр и дни Дидоны. Это сопоставление двух сказочных эпизодов, выдуманное у Вергилия чисто литературными, поэтическими соображениями, обычный синхронизм (см. выше, с. 273). Но оно приводит Ньютона к глубокомысленному выводу, что Вергилий и Сервий имели доступ к архивам Тира, Кипра и Карфагена и там получили эти архивные сведения (с. 51, I, 17)! Другой пример: Платон для иллюстрации своих политических идеалов рисует в «Критии» фантастическое государство Атлантиду. Применяется обычный литературный прием – «ложный адрес»: об этом якобы египетские жрецы рассказывали Солону. Ньютон (с. 170, II, 25) видит в этом рассказе вымысел, но не Платона, а мнимых египетских жрецов: «Они все это насочиняли Солону... Столь велико было тщеславие египетских жрецов, желавших возвеличить свою древность».

Установленная Ньютоном новая хронология служит для него критерием для толкования мифов. По греческому преданию, воз-

дельванию хлебных злаков греков впервые научил Триптолем. По хронологии Ньютона, Триптолем – современник Диониса-Шешонка; царь Эреxfей и мифический Мил (Μύλης, «Мельник»), изобретатель ручной мельницы (Paus. 3, 20) жили до него; значит, они жили, когда греки еще не умели взращивать хлебные злаки! Но тут на помощь Ньюто́ну приходит Гекатей-Диодор, который, как мы видели, дал рационалистическое перетолкование мифа об Эреxfее: Эреxfей получил сан царя-благодетеля за то, что *ввез* зерно из Египта. Ньютон ухватывается за этот домысел Гекатея и в том же духе толкует и рассказ о Миле: Мил изобрел ручную мельницу для перемола получающегося из Египта зерна; ему помогали в этом присланные из Египта мастера (с. 166, II, 23; с. 124, I, 83).

Иногда выводы Ньютона курьезны и поражают своей наивностью. По его мнению, к мысли изображать богов в виде животных египтяне пришли под влиянием символического иероглифического письма. Даже собственные имена они изображали не буквами, а символами; например, Аммона – с рогами барана, так как он покорил Ливию, изобилующую баранами; когда хотят изобразить бога моря Нептуна с его экипажем пятидесятивесельного судна (пентеконтеры), рисуют великана Эгеона с 50 головами и т. д. (с. 166¹-167, II, 23).

К теории euhetai, «изобретателей», Ньютон, разумеется, присоединяется полностью. Культуре хлеба научил греков Триптолем, с ремеслами их познакомил Гест, ручную мельницу выдумал Мил и т. д. Перечислив всех таких «изобретателей», Ньютон думает, что тем самым он написал полную историю культуры человечества. «Я довел теперь хронологию греков до очень далекого момента – до первого применения букв... до первого применения плуга и первого сева зерна... до изобретения обработки меди... железа... до начала торговли и плотничьего дела» (с. 125, I, 79). Все это, оказывается, принесли в Грецию специалисты из числа бежавших из Египта гиксосов – даже меньше строить дома и жить в них (с. 131, I, 86).

Как и у других его современников (выше, с. 282), большую роль в системе Ньютона играет толкование собственных имен из малоизвестных языков; этот прием, как известно, до сих пор дает возможность доморощенным лингвистам срывать дешевые лавры. Древнейшие финикийские поселенцы в Греции были названы пеластами потому, что их вождем был Пелопс (с. 127, I, 81). Амфиктиония (буквально: «организация окрестных жителей» – слово, казалось бы, настолько ясное, что не нуждается в дальнейших толкованиях!) названа так потому, что основана царем Амфиктионом (Short Chronicle, 276, под 1014 г.), ручная мельница названа (μύλη)

ниальная мысль: «По-видимому, письмо и астрономия, и плотничье ремесло были изобретены купцами... для записывания их товаров и расчетов, для ведения судов ночью по звездам и для постройки кораблей». Возникновение удобного и практичного финикийского алфавита действительно необходимо объяснять только таким путем. Ньютону логически приходится считать, что письмо изобретено финикийцами; он и допускает это, считая, что финикийские купцы занесли письмо в Азию и Европу. Но... евреи оказываются здесь исключением: их письмо изобретено самим Господом Богом и передано сначала Аврааму, а затем Моисею в виде написанных законов (II, 13)! Однако «никто, кроме потомства Авраама, не владел этими письменами», ибо «до дней Давида мы ничего не слышим о письме, исключая потомство Авраама... ничего не слышим об астрономии, исключая созвездия, упомянутые у Иова». Мы «ничего не слышим», потому что Ньютон при помощи искусных хронологических манипуляций относит почти всю историю Египта и Греции ко времени после Давида! Вместо того чтобы на основании этих мест отвергнуть принятую тогда датировку книги Иова, Ньютон делает эту датировку исходным пунктом своих рассуждений.

Примеры такого неограниченного доверия к показаниям Библии можно сколько угодно умножить, например: Шешонк и Сесострис – это одно и то же лицо, ибо «священная история не допускает существования какого-либо египетского покорителя Палестины до этого царя» (с. 143–4, II, 3).

Может быть, наилучшим образчиком слепой веры Ньютона в непререкаемость Библии является его доказательство того, что в древнейшее время цари имели привычку делить царство между сыновьями: «Так Ной был царем всего мира, а Хам уже только царем Африки, а Яфет – Европы и М. Азии» (с. 195, III, 3). Точно так же в библейских «писаниях» эллинистического времени, представляющих собой, с нашей точки зрения, поучительные исторические романы, сохранившие лишь самые смутные воспоминания об описываемом ими времени (книги Даниила, Юдифи), Ньютон видит исторические хроники, современные описываемым событиям. Так, в книге Даниила преемником Киаксара оказывается Дарий (Даниил, IX, 1); Ньютон вслед за Иосифом, кроме Дария Гистаспа принимает еще «Дария Мидянина», предшественника Кира⁶⁸, несмотря на то, что он в принципе протестует против метода удвоения исторических лиц и подвергает этот метод осмеянию (ниже, с. 296).

Евгемеризм – это частный случай принципа, применяемого в греческой науке уже с древнейших времен: «нет дыма без огня», все, что рассказывается, основано на истине, и поэтому всякий

миф – это разукрапленная история прошлого. Чтобы получить из мифа историю, надо только отбросить или перетолковать все невероятное, невозможное. Сказочная старина снабжается подробностями, взятыми из будничной жизни классической или эллинистической эпох. Так, по греческому мифу богатыри из разных городов Греции отправились на корабле Арго в Колхиду за золотым руном барана, охраняемым страшным драконом. Такая экспедиция, говорит Ньютон, экспедиция, в которой принял участие цвет Греции, юноши из столь многочисленных городов, не могла иметь какой-либо иной цели, кроме целей государственной международной политики (state policy). Но в это время (если принять хронологию Ньютона) царь Сесострис был убит; это было наиболее подходящим моментом для восстания. И вот отправляется экспедиция с целью убедить народы, живущие по побережью Черного и Средиземного морей, восстать и отложиться от Египта, вступить в союз с греками и стать независимыми, как поступили уже евреи и эфиопы. Таким образом, эта экспедиция вызвана политической борьбой и торговой конкуренцией с Египтом. Очевидно, она была предпринята по приказу дельфийского оракула, следовательно, с одобрения совета амфикитионов. Чтобы скрыть от египтян истинную цель похода, была пущена в ход басня о золотом руне; в действительности, изображение золотого барана было только украшением на корабле Фрикса. И в самом деле, после этой экспедиции участвовавшие в ней народы перестают подчиняться Египту (с. 79, I, 43; с. 176, II, 33). Другой пример: по греческому мифу, Ликаон приносил в жертву детей. Но по теории Ньютона, все народы в древнейшее время верили в единого Бога и исполняли его заповеди; только ханаанейские пастухи, изгнанные из Египта, были язычниками и людоедами. Значит, отец Ликаона был ханаанеем, изгнанным из Египта вместе с другими пастухами, приносившими в жертву людей в Аварисе.

Еще пример: греческий потоп Девкалиона нельзя отождествить с библейским потопом Ноя, так как их мифическая хронология не совпадает. В виду непреложности Библии пострадать, конечно, пришлось греческому потопу: Ньютон превращает его в простой разлив рек в Фессалии (с. 109, I, 65).

В основном переработка мифа сводится к тому, что из него берется все, подтверждающее священное писание, и отвергается все, противоречащее ему. Нарисованная в библейской книге «Исхода» картина могущества, богатства и организованности египетского государства во время пребывания там Иосифа как бы проходит мимо Ньютона; зато он хватается с радостью за слова фараона в книге «Исхода» (I, 9 и 22) о том, что еврейский народ размножает

ся и становится многочисленнее и могущественнее египтян. Эта мотивировка избиения еврейских младенцев, разумеется, наивна и характерна для сказки, где со временем не считаются, и небольшая семья может через несколько поколений превратиться в большой народ; Ньютон (с. 199) делает отсюда (будучи убежден в непрерывности Библии) обратный вывод, что население Египта было тогда еще очень малочисленно, что соответствует его общей конструкции о появлении государственной и культурной жизни в Египте только много позже исхода евреев, в правление Соломона в Палестине и Осириса-Сесостриса в Египте; он опирался при этом, разумеется, на Диодора, по которому всю культуру передали египтянам Осирис и Исида. Другой пример: по рассказу Диодора (сохраненному Фотием) пастухи-гиксосы, будучи изгнаны из Египта, двинулись под командованием Моисея; он покорил Палестину и построил Иерусалим. Как правильно заметил Ньютон, здесь скомбинированы два рассказа: египетский – об изгнании гиксосов и еврейский – о Моисее и покорении Палестины. Ньютон прав, считая, что этот рассказ ничего не дает по вопросу о пребывании евреев в Египте и их исходе; тем не менее, на основании этого места он датирует изгнание гиксосов из Египта временем царствования Соломона: «But however he lets us know, that the shepherds were expelled from Egypt by Amosis a little before the building of Jerusalem and the Temple» (с. 54, I, 20; с. 151–152, II, 9).

Насколько примитивно «источниковедение» Ньютона и с каким легковерием он относился к сообщениям чисто мифологического характера, видно из следующего. Вергилий и его комментатор Сервий рассказывали, что Тевкр прибыл после взятия Трои в Кипр в дни Дидоны. Это сопоставление двух сказочных эпизодов, вызванное у Вергилия чисто литературными, поэтическими соображениями, обычный синхронизм (см. выше, с. 273). Но оно приводит Ньютона к глубокомысленному выводу, что Вергилий и Сервий имели доступ к архивам Тира, Кипра и Карфагена и там получили эти архивные сведения (с. 51, I, 17)! Другой пример: Платон для иллюстрации своих политических идеалов рисует в «Критии» фантастическое государство Атлантиду. Применяется обычный литературный прием – «ложный адрес»: об этом якобы египетские жрецы рассказывали Солону. Ньютон (с. 170, II, 25) видит в этом рассказе вымысел, но не Платона, а мнимых египетских жрецов: «Они все это насочиняли Солону... Столь велико было тщеславие египетских жрецов, желавших возвеличить свою древность».

Установленная Ньютоном новая хронология служит для него критерием для толкования мифов. По греческому преданию, воз-

дельванию хлебных злаков греков впервые научил Триптолем. По хронологии Ньютона, Триптолем – современник Диониса-Шепонка; царь Эреxfей и мифический Мил (Μύλης, «Мельник»), изобретатель ручной мельницы (Paus. 3, 20) жили до него; значит, они жили, когда греки еще не умели взращивать хлебные злаки! Но тут на помощь Ньюто́ну приходит Гекатей-Диодор, который, как мы видели, дал рационалистическое перетолкование мифа об Эреxfее: Эреxfей получил сан царя-благодетеля за то, что *ввез* зерно из Египта. Ньютон ухватывается за этот домысел Гекатея и в том же духе толкует и рассказ о Миле: Мил изобрел ручную мельницу для перемола получающегося из Египта зерна; ему помогали в этом присланные из Египта мастера (с. 166, II, 23; с. 124, I, 83).

Иногда выводы Ньютона курьезны и поражают своей наивностью. По его мнению, к мысли изображать богов в виде животных египтяне пришли под влиянием символического иероглифического письма. Даже собственные имена они изображали не буквами, а символами; например, Аммона – с рогами барана, так как он покорил Ливию, изобилующую баранами; когда хотят изобразить бога моря Нептуна с его экипажем пятидесятивесельного судна (пентеконтеры), рисуют великана Эгеона с 50 головами и т. д. (с. 166¹-167, II, 23).

К теории егетай, «изобретателей», Ньютон, разумеется, присоединяется полностью. Культуре хлеба научил греков Триптолем, с ремеслами их познакомил Гест, ручную мельницу выдумал Мил и т. д. Перечислив всех таких «изобретателей», Ньютон думает, что тем самым он написал полную историю культуры человечества. «Я довел теперь хронологию греков до очень далекого момента – до первого применения букв... до первого применения плуга и первого сева зерна... до изобретения обработки меди... железа... до начала торговли и плотничьего дела» (с. 125, I, 79). Все это, оказывается, принесли в Грецию специалисты из числа бежавших из Египта гиксосов – даже меньше строить дома и жить в них (с. 131, I, 86).

Как и у других его современников (выше, с. 282), большую роль в системе Ньютона играет толкование собственных имен из малоизвестных языков; этот прием, как известно, до сих пор дает возможность доморощенным лингвистам срывать дешевые лавры. Древнейшие финикийские поселенцы в Греции были названы пеластами потому, что их вождем был Пелопс (с. 127, I, 81). Амфиктиония (буквально: «организация окрестных жителей» – слово, казалось бы, настолько ясное, что не нуждается в дальнейших толкованиях!) названа так потому, что основана царем Амфиктионом (Short Chronicle, 276, под 1014 г.), ручная мельница названа (μύλη)

потому, что ее изобрел $\mu\omega\lambda\eta\varsigma$ (с. 124, I, 83). В действительности, конечно, дело обстояло как раз наоборот: мифические Амфикион и Мил придуманы к уже существовавшим «амфикионии» и «мельнице», как Ромул к уже существовавшему Риму. Но тут же Ньютон делает тонкое и остроумное замечание, достойное его гения: в древнейших списках государств-амфикионов как раз Афины вовсе не упомянуты; значит, Амфикион не мог быть афинским царем; это тенденциозная версия. Другие примеры такого же этимологизирования: lupiter есть сокращение $\text{lao} + \text{pater}$; lao – финикийское название верховного бога; значит, его культ занесен в Грецию и Рим финикийцами (с. 115); Атлант и Антей – две формы одного и того же имени; они восходят к корню atal «проклятый» (с. 171, II, 26). Не только Moeris , Maris , Myris , Meres , Marges и Smarges – одно и то же имя фараона, но также Ayres , Tyris , Byres , Soris , Uchoreus , Lacharis , Labaris и т. д., ибо «М с порчей языка перепла в А, Т, В, S, U, L» (с. 182, 11, 71). Точно так же Ахсуэрис, Ассуэрис, Оксиарес, Аксерес, Киаксар («Киаксер» = Ки-Аксерес, где Ки значит «принц») – все это различные формы одного и того же имени (с. 221, IV, IS). Вулкан – это исковерканное слово Baal-Chanaan ; Сарданапал = $\text{Assarhadon} + \text{Pul}$ (в действительности Сарданапал – это искаженное Assurbanipal). Одного и того же корня следующие слова: народ Naphthim , упоминаемый в Библии («Бытие», X, IX), Нептун, Нефтида; Нептун – означает якобы «царь морского побережья»; Нефтида – «царица морского побережья». Ньютон ссылается при этом на Бохарта, который считал, что Нептун и Иапет – две формы одного и того же имени (с. 171, II, 26). На таких отождествлениях построен ряд важнейших хронологических выводов Ньютона, например на отождествлениях: Мемнон = Аменофис = Менес = Меноф = Моф = Ноф = Менуф (арабское название Мемфиса) (с. 176, 11, 32); $\text{Fili} \text{ Abrahama}$, т. е. $\text{Abrahama} = \text{Brahmani}$ (с. 247, VI, 2).

Главной задачей Ньютона было такое сокращение египетской и греческой хронологий, чтобы они пришли в гармонию с хронологией библейской. Так как, по Манефону, египетские цари непрерывно царствовали более 15 000 лет, то простые приемы (сокращение длительности каждого царствования и т. п.) не могли привести к нужным результатам. Оставался радикальный прием – отождествление и выбрасывание: царь А отождествлялся на основании ряда признаков с царем В, жившим за много лет после него. Так как А и В тождественны, то ясно, что царей, правивших между А и В, в действительности не могло существовать; значит, они выдуманы египетскими жрецами, чтобы прославить древность своего народа.

Ньютон прав, когда полагает, что древнейшие цари или патриархи, жившие и правившие сотни лет, ничего общего с историей не имеют. Но это не в меньшей мере относится и к древнейшей истории евреев, где рассказывается, что Мафусаил жил почти 1000 лет, что Сарра зачала первого ребенка, будучи около 100 лет от роду и т. д. Но сомневаться в показаниях Библии Ньютон считает невозможным, как и его предшественники (напр. Додвелль: *Certe nulla est, praeter sacrum, historia quae non primas suas origines fabulis. immixtas habeat*).

Свой труд Ньютон начинает правильным замечанием (с. 28, I, 1): «Все нации, прежде чем они начали вести точный учет времени, были склонны возвеличивать свою древность. Эта склонность увеличивалась еще больше в результате состязания между нациями. Из другого такого же замечания мы видим, однако, что еврейская хронология противопоставляется всем этим хронологиям как безусловно достоверная: «Из тщеславия египтяне сделали свою монархию на тысячу лет более древней, чем самый мир» (с. 142, II, 1). «Как боги, т. е. древние обоготворенные цари и принцы Греции, Египта и Сирии были сделаны много древнее, чем они были в действительности, так же было и в Халдее и в Ассирии» (с. 193, III, I – следовательно, всюду, кроме Иудеи).

Ньютон остроумно подметил ненаучный, рационалистический прием, к которому прибегали древние в тех случаях, когда в различных рассказах об одном и том же герое излагались мифы, хронологически исключающие друг друга: в этих случаях применялась дубликация, один и тот же герой превращался в двух, живших в разные эпохи. «Поздние египтяне придумали двух Бэлов: один – отец Осириса, Исиды и Нептуна; другой – сын Нептуна и отец Египта и Даная; так же жители Наксоса считают, что было два Миноса и две Ариадны. В действительности, отец Египта и Даная был отцом Осириса, Исиды и Тифона; а Тифон – не дед Нептуна, а сам Нептун» (с. 143, II, 3; с. 158, II, 16). Мы видим, что к правильной мысли о недопустимости искусственной дубликации Ньютон пришел из практических соображений: он стремился каким бы то ни было способом сократить хронологию и устранить все, что этому сокращению мешало. Но существу же искусственная дубликация – такой же недопустимый прием, как и искусственное отождествление, на котором построена вся система Ньютона.

Мор (с. 614) справедливо замечает: «Можно чрезвычайно восторгаться работой Ньютона и его гениальными приемами в установке дат, его трактовкой такого огромного количества легендарных и исторических событий, но практическое значение его работы

сводится к нулю; так как и Ньютон, и его противники принимали как факт свидетельство Библии о создании мира и помещали его приблизительно за 4000 лет до н. э., им приходилось неизбежно сжимать до крайности всю засвидетельствованную и не засвидетельствованную историю человека и Земли вообще, дабы вогнать ее в рамки этого периода».

В основу своей хронологии, как я уже говорил, Ньютон кладет таблицу царей Геродота, а не Манефона-Евсевия, конечно, не только потому, что Геродот жил раньше Манефона. Двадцать пять династий Манефона с множеством имен фараонов с большим трудом поддаются обработке в нужном Ньютону направлении. У Геродота после правления богов сперва идет Менес, затем 330 фараонов; исключая двух (Нитокриды и Мерида), эти фараоны ничем не замечательны и даже не названы по имени. Затем следует еще 19 фараонов до Псамметиха, названных по имени. Ньютон предполагает, что 327 фараонов без упоминания имен и ничем не замечательных вставлены только из тщеславия, чтобы удлинить хронологию. Остается 22 имени; если считать среднее правление каждого фараона в 25 лет, то получим 550 лет, цифру, вполне подходящую для целей Ньютона. Но, как увидим ниже, Ньютону надо было во главе списка царей поставить Сесостриса; поэтому трех предыдущих царей, названных по имени, он расставляет после Сесостриса: Сесострис, Ферон, Протей, Менес, Рампсинит, Мерид, Хеопс, Хефрен, Микерин, Нитокрида, Асихис и далее, как у Геродота.

Это отбрасывание длинного Манефонова списка фараонов надо было обосновать и показать, что фараон Сесострис действительно правил примерно за 500–600 лет до Псамметиха. С другой стороны, надо было доказать правомерность отбрасывания эпохи правления богов на земле и первых 327 «ничем не замечательных» фараонов и правомерность перестановки Менеса, Нитокриды и Мерида.

Первая задача, как мы видели, была выполнена уже Флавием Иосифом, выступившим с утверждением, что Сесострис и современник Соломона Шепонк (Сесак, Сусак) – одно и то же лицо. Мор (ук. соч., с. 618), очевидно, недостаточно внимательно ознакомился с аргументацией Ньютона, если он утверждает, что единственным основанием такого утверждения было для Ньютона сходство имен «Сесострис» и «Сесак» («первые слоги имен совпадают»). Если это соображение и имело какое-то значение, то во всяком случае Ньютон на него не ссылается. Уже Флавий Иосиф, у которого в окончательном счете Ньютон позаимствовал это отождествление, как мы видели (с. 280), приводил более веские доводы

для такого отождествления. Он указывал на то, что оба они были великими завоевателями, и *оба покорили Палестину*, что обоим Палестина сдалась без боя. Несомненно правоверный еврей Иосиф считал, что о том, кто покорил Палестину, не могло не быть рассказано в Библии, и если Библия знает только одного такого покорителя – Сесака, то, очевидно, Геродот ошибается, и походы, которые он приписывает Сесострису, были совершены Сесаком. Прямо так Иосиф не аргументировал, очевидно потому, что он писал для пропаганды иудаизма среди греков и римлян, а для них непреложность Библии даже в вопросах истории Палестины далеко не была аксиомой.

Для Ньютона, наоборот, боевой задачей, как мы видели, было продемонстрировать свою аксиому о непреложности Библии. Поэтому он *трижды* подчеркивает: «Нигде в священном писании мы не читаем, чтобы какой-нибудь царь Египта, царствовавший раньше (чем Сесак) и который в то же время был бы царем и ливийцев, и эфиопов, и египтян, выступил из Египта с большой армией, чтобы покорить другие страны. Священная история Израиля, от дней Авраама до дней Соломона, не позволяет допускать существование такого победителя. Между тем Сесострис, как и Сесак, господствовал над ливийцами, эфиопами и египтянами» и т. д. (с. 54, I, 20; с. 151, II, 9). «Ни о каких других завоевателях Палестины (до Сесака) священная история не говорит, следовательно, их не было» (с. 143–4, II, 3). *Если принять аксиому Ньютона о непреложности и богооткровенном характере Библии, то этот довод Ньютона безусловно непрровержим.* Епископ Горслей, которому с его религиозных позиций не по душе чрезмерное превозношение Ньютоном авторитета Ветхого Завета (ср. выше, с. 281), в комментарии к этому месту замечает, что «пропуски отдельных фактов, особенно в период царей, мы должны во всяком случае допускать в священной истории («The Chasms in the Sacred history in the period of the judges, admit of any thing»). Такое возражение было бы уместно в устах нынешнего ученого, который считает, что вся священная история до прихода евреев в Палестину носит чисто легендарный характер и что у евреев почти не сохранилось воспоминаний об исторических событиях этой эпохи. Но епископу, видящему в Библии священную книгу и допускающему в ней лишь отдельные пробелы, не следовало допускать, чтобы такой факт, как покорение Палестины Египтом, мог быть вовсе обойден в Библии; в этом случае с логической точки зрения прав Ньютон, а не Горслей.

Чтобы сделать свою тезу еще убедительнее, Ньютон подчеркивает, что он не первый пришел к такому выводу: уже до него, гово-

рит он (с. 55, I, 20), на этой точке зрения стояли Флавий Иосиф и «величайший из (современных Ньютону) хронологистов» сэр Джон Маршэм. Мы говорили уже, что до Маршэма на эту же точку зрения стали уже Конрингий и Торнелий; а Перизоний в VIII и IX главах своей «*Aegyptiarum originum et temporum antiquissimorum investigatio, in qua Marshami Chronologia funditus evertitur*» (Lugd, 1711) подверг ее резкой критике с католических позиций. И здесь Горслей не прав, считая (с. 55), что Ньютон искажил мысль Иосифа, что Иосиф не отождествляет Сесостриса с Сесаком, а только считает, что поход в Палестину, совершенный Сесаком, Геродот неправильно приписал Сесострису. Иосиф ясно говорит, что Геродот приписал Сесострису *все дела Сесака* (τας πραξεις αουτου Σεσωστρει προσαλτει); значит, если даже допустить, что Иосиф принимал существование Сесостриса как отдельного царя, то на его долю ничего не останется, кроме имени, а это практически равносильно отождествлению. Итак, Ньютон поступил вполне логично, отождествив обоих царей и сделав отсюда соответственные логические выводы; таким путем он сократил хронологию Египта примерно на 2400 лет⁶⁹.

Такое сокращение, как мы говорили уже (с. 295), еще не давало нужного Ньютону эффекта: чтобы получить его, надо было еще отбросить эпоху правления богов на земле и первых 327 «ничем не замечательных» фараонов. Для этой цели Ньютон сделал остроумное (я сказал бы гениальное, если бы у нас единственным мерилом гениальности не был успех!) предположение о тождественности Осириса-Вакха с Сесострисом. *В этом отождествлении он оригинален и никаких предшественников не имеет.*

Мы выше уже заметили, что сходство в рассказах Гекатей-Диодора об Осирисе-Вакхе и Сесострисе действительно поразительное; это совсем не то внешнее и случайное сходство, которое Иосиф усмотрел между рассказом Геродота о Сесострисе и рассказом Библии о Сесаке. Оба были цари Египта, «великие победители, покорившие Азию, доходившие до Индии, переплывшие через Гелеспонт, завоевавшие Фракию, вернувшиеся с триумфом; как Осириса, так и Сесостриса (см. выше) убил родной брат; оба ставят на своем пути столбы». Наконец, как мы видели, рассказывая об основании колонии в Колхиде и о покорении Палестины, Диодор, говоря о Сесострисе, почти дословно повторяет то, что он говорил об Осирисе. Возражение Горслея, что Вакх-Осирис покорил мир с целью мирной пропаганды; для распространения культуры и религии, а Сесострис с агрессивной целью, совсем не убедительно: Гекатей-Диодор (I, 18), как мы видели, подчеркивал, что целью

похода Осириса было не только просвещение человечества, но и взимание дани.

Такое совпадение не может быть случайным: Ньютон безусловно прав. Не убедительны не только возражения Горслея, написанные в 1785 г., но и возражения Мора, автора новейшей книги о Ньюtone. На с. 618 он авторитетно заявляет, что «Сесострис Геродота известен нам (из памятников) как Сенусерт, правивший Египтом за 1000 лет до Ровоама» (с. 618). А на с. 617, противореча сам себе, говорит, что не Сенусерт, а «Рамсес II – это Сесострис греков». А Рамсес II правил около 1350 г. до н. э. Кто же такой Сесострис: Сенусерт, правивший за 2100 лет до н. э. или Рамсес II, правивший за 1350 лет? Я вместе с Ньютоном скажу: ни тот и ни другой, а Осирис. Здесь налицо фольклорный сюжет с подвижной датой. Подвиги легендарного героя приписываются то Зевсу-Аммону (у Евгемера), то Вакху, то Осирису, то Гераклу, то Сесострису. «Все эти труды (эллинистической эпохи – Динарха, Дионисия Скитобрахиона, Филона из Библа, Евгемера, Гекатея) изготовлены по одному шаблону. Только имя бога каждый раз меняется: то это Дионис, то Аммон, то Осирис... Рассказывается о походе героя в далекие края, о кровавых боях, доставивших ему господство над всей вселенной, о его широкой деятельности по распространению цивилизации»⁷⁰. По законам бытования легенд, каждая эпоха отслаивается в мифе в виде исторических реминисценций: постепенно эта легенда впитала в себя кое-какие черты и из истории фараона среднего царства Сенусерта, и из истории фараона нового царства Рамсеса II и, наконец, из истории Александра Великого (индийский поход); однако в основе все это варианты *одного и того же рассказа*. Итак, *если принять евгемеристическую, унаследованную от древности предпосылку Ньютона, что всякий миф – это одетый в чудесные одежды исторический рассказ*, то его вывод о тождественности Вакха-Осириса и Сесостриса *единственно возможный и правильный*.

Стоит принять этот вывод, и цель Ньютона достигнута. Из уравнений: Осирис = Сесострис; Сесострис = Сесак с несомненностью следует: Осирис = Сесак. А если это так, то правление египетских богов на земле (которых Ньютон, верный принципам евгемеризма, считает земными царями, обожествленными их подданными) относится ко времени Соломона и Ровоама, т. е. начало египетского государства относится примерно к XI в. до н. э., что и требовалось доказать.

Таким образом были получены хронологические координаты для истории Египта. Чтобы получить такие же координаты для истории Греции, Ньютону надо было, разумеется, исходить из отожд-

дествления Сесака с Вакхом-Дионисом. Вакх был в связи с Ариадной; если по евгемеристическому принципу считать Вакха обожествленным земным царем, то он неизбежно должен был жить в то же время, что и Ариадна. Это представляется Ньютону настолько самоочевидным, что он даже не упоминает об обычной греческой концепции, по которой Вакх был бессмертным богом, спускавшимся на землю и сходявшимся со смертными женщинами в различные эпохи. На такой же точке зрения, как Ньютон, стояли и те греки, которые во избежание хронологических противоречий постулировали двух Ариадн: одну – любовницу Вакха, другую – Тезея. Ньютон справедливо протестует против такой дубликации. Но Ариадна – также любовница афинского царя Тезея и мать двух аргонавтов⁷¹. Мы получаем, таким образом, возможность точно датировать правление Тезея в Афинах и поход аргонавтов. Дальнейший опорный пункт Ньютон получает из произведенного уже источником Иосифа отождествления 14-го фараона 18-й династии Армаиса с Данаем, а его брата Сетосиса – с Египтом. Название «Египет», очевидно, перенесено на страну от первого наиболее знаменитого правителя; таким был, безусловно, Сесострис. Очевидно, Сетосис только видоизменение имени Сесострис, а Армаис – Данай, брат Сесостриса; получаем дату для Даная (с. 54, I, 20). При этом Ньютон каждый раз проверял, не получается ли противоречия между датировками, полученными с помощью всех этих приемов; кто занимался подобной историко-филологической работой, знает, какой это мучительный и неблагодарный труд и сколько времени он берет. Но, наконец, Ньютону удалось получить хронологию, как ему казалось, совершенно свободную от всяких внутренних противоречий.

Начнем с вопроса о том, что было в Египте до Сесостриса. По всем сообщениям древних (см. Диодор, I, 15), так называемые боги были древнейшими царями Египта, они научили египтян культуре, земледелию, ремеслам, построению городов и храмов, письму. Значит, до отца Осириса Сесостриса никакого единого египетского государства не существовало, не существовало городов, культуры, храмов. Египет был раздроблен на ряд отдельных областей; «первые Египет объединился при Аммоне и Сесаке» (с. 199, II, 6). Когда же были в Египте пастухи-гиксосы? Манефон, а вслед за ним Диодор (у Фотия) сообщают, что пастухи, изгнанные из Египта, захватили Палестину и построили иерусалимский храм. Вопреки мнению Иосифа, Ньютон справедливо считает этот рассказ путаницей, основанной на смешении гиксосов с евреями. Тем не менее он не видит основания сомневаться в самой датировке этого изгнания: около времени построения Соломоном храма в Иерусалиме (с. 54,

I, 20). Это рассуждение, конечно, не убедительно: если самое отождествление основано на путанице, то нет основания принимать и эту дату. Отсюда Ньютон делает вывод, что пастухи были в Египте, когда здесь еще не правили так называемые боги, т. е. когда Египет еще не был объединен в единое государство. К еще более ранней эпохе относится пребывание евреев в Египте; как мы видели (с. 294), Ньютон пытался из слов самой Библии сделать вывод, что Египет в эту эпоху был еще очень мало населен. Астрономия, плотничье дело, алфавит естественнее всего должны были появиться у народа, занимающегося торговлей и мореплаванием (см. выше, с. 292); такими были эдомиты-финикияне, изгнанные из Палестины царем Давидом, значит именно они занесли культуру в Египет; это произошло в правление царя Аммона (с. 153, II, 11). Аммон же впервые вводит в Египте земледелие. В Short Chronicle, с. 275, под 1034 г. до н. э. мы читаем: «Аммон царствует в Египте. Он покоряет Ливию; заставляет этот народ из кочевников-дикарей стать культурными; учит их культивировать плоды земные; поэтому Ливия и была названа «Аммония». До этого времени египтяне не знали земледелия; Египет заливался разливами Нила и был мало населен. Царь (Аммон), как изобретатель земледелия, удостоился почитания в виде быка или тельца – сельскохозяйственного животного (с. 149, II, 6).

Если гиксосы были изгнаны из Египта в правление Соломона, то они приплыли туда еще раньше. Ньютон видит в них ханаанеян, изгнанных из Палестины Иисусом Навином. Изгнали же их из Египта один из местных царей Верхнего Египта Мисфрагмутосис и его сын Амосис⁷². Амосис, тождественный, по мнению Ньютона, с Тутмосисом⁷³, изгнав гиксосов из Египта, впервые стал объединять Египет в одну монархию; это объединение было закончено его преемниками – Аммоном и Сесаком. Изгнав гиксосов, «египтяне отменили их религию, основанную на человеческих жертвоприношениях, и, согласно моде того времени, стали обоготворять своих собственных царей, основателей новой державы, начиная историю своей империи правлением и великими делами своих богов и героев».

В этой оригинальной системе одно противоречие осталось не замеченным Ньютоном и не устраненным. Неизбежным выводом из этой реконструкции является отсутствие земледелия у египтян до Аммона, а подавно и во время пребывания евреев в Египте. Между тем, из рассказа книги «Исход» совершенно ясно, что Египет во время пребывания там Иосифа и Иакова был богатейшей земледельческой страной с огромными запасами хлеба. За это противоречие не мог не ухватиться один из религиозных противников Ньютона – епископ Варбуртон⁷⁴.

Собрав воедино и отождествив ряд мифологических рассказов, и сообщения Библии, Ньютон получает красочную картину дальнейших событий. Мы познакомились уже выше с рационалистическим толкованием мифа о Прометее, данным Гекатеем: Прометей – это наместник одной из частей Египта, который не смог предохранить посевы от разлива реки Орла-Нила и поэтому чуть не покончил самоубийством. Рационализация этого мифа, предложенная Ньютоном, в виде соревнования с Гекатеем-Диодором, гораздо менее плоска и более естественна (с. 52, I, 19). Завладев Колхидой и возвращаясь в Египет, Сесострис оставил здесь наместником Ээта, отца Медеи, известного нам из мифа о золотом руне. Ээт и царствовал здесь до прихода аргонавтов с Ясоном. Прометей же Сесострис оставил охранять проход у горы Кавказа. Эта тяжелая служба в течение 30 лет и была в виде преувеличения охарактеризована словами: «Прометей прикован к скале»; недаром Эсхил в «Скованном Прометее» говорит, что Прометей *сторожит* скалу. От этой службы его через тридцать лет освободил аргонавт Геракл, отсюда – соответствующий миф⁷⁵.

В основу изложения дальнейших событий в Египте Ньютон кладет сообщение Библии (Хроники, 14, 16) о том, что Иудея, бывшая подвластной Египту при Сесаке и еврейском царе Ровоаме, при следующем царе Асе на десять лет освободилась от господства Египта. Ньютон (с. 78, I, 42) объясняет это тем, что Сесак-Осирис был убит его братом Тифоном-Пифоном-Нептуном. После этого ливийцы под руководством Япета и его сына Атланта напали на Египет. Это и есть война между богами и гигантами. Сын Осириса Гор-Аполлон с помощью эфиопов одержал верх над Тифоном (здесь миф об Осирисе и Сете-Тифоне смешан с историческими фактами: переходом власти от бубастской 22-й династии, к которой принадлежал Шешонк, к ливийской, а затем к эфиопской 25-й династии). После восстания Осарсифа, о котором рассказывал Манефон, Египет у Ньютона снова объединен Менофисом или Аменофисом, которого Ньютон на основании «лингвистических» соображений отождествляет с Мемноном и делает таким образом современником Троянской войны. Как я указывал выше (с. 297), Ньютому необходимо было убрать первых 237 фараонов, в том числе первого из них Менеса, так как по его схеме первым объединителем Египта был Аммон. По созвучию Менес отождествляется с тем же Аменофисом (с. 176, II, 32). От Аменофиса же производится и название города Мемфиса. Но, если Аменофис жил во время Троянской войны, то куда девать Протея, который, согласно мифу о Елене, был царем Египта в это время? Ньютон делает из

него *наместника* Аменофиса-Мемнона. Так как крепость Суз носила название Мемнонии, то, очевидно, она построена Мемноном; значит, он ходил сюда походом; своим заместителем в Египте он оставил Протея, современника Троянской войны (с. 79,1,43; Short Chronicle, 283, под 909 г.).

Неизвестно, для какой цели Ньютону понадобилось (с. 80, I, 46) еще отождествить Вакха-Сесостриса с Аресом; вряд ли, как думает Горслей, единственным доводом было то, что у Гомера (VIII, 361) Арес после свидания с Афродитой удаляется во Фракию (Θρηκηνῶν), а Фракия была покорена Вакхом-Сесострисом. Как бы то ни было, Ньютон совсем уже в стиле поздней травестии мифов (ср. выше, с. 277) рассказывает, как Вакх (Одиссея, VIII, 292) был пойман в постели во Фригии с Венерой, перед тем как он со своей армией прибыл в Гелеспонт и направился во Фракию. Обманутый муж утешается тем, что ему соблазнитель его жены дает царский трон на Кипре.

Несмотря на то, что Ньютон в своей «исправленной» («amended») хронологии принял меры к устранению противоречий, некоторые из них остались неисправленными. Согласно указанию на с. 78 (I, 42), Япет был вождем ливийцев, выступивших против Египта, где власть захватил Тифон. На с. 199 (II, 6) мы читаем, что начальником флота Сесостриса был Япет, он же Нептун, он же Тифон. В этом же месте говорится, что генералом сухопутного войска Сесостриса был Геркулес; на с. 154 (II, 17) говорится, что Геркулес есть слово нарицательное, означающее «герой»; что сам Сесострис был «геркулесом» в правление своего отца.

Мы видели уже, что в Греции одни и те же мифы рассказывались о разных лицах; по евгемеристическому принципу Ньютона эти люди – исторические личности, и их необходимо отождествить между собой. Поэтому, в виду сходства мифов о борьбе Солнца с Нептуном, Аполлона с Пифоном, Гора с Тифоном, он отождествляет: Солнце = Аполлон = Гор, Нептун = Тифон = Пифон (с. 171, II, 26).

В результате всех этих разнообразных отождествлений и при помощи этимологического толкования неизвестных слов, нахватавшихся из разных неизвестных языков (с. 77, I, 42), Ньютон приходит к такому пышному выводу относительно Осириса-Сесостриса, напоминающему синкретические гимны в честь Исиды: «Халдеи называли его Бэлом («господином»), арабы – Вакхом («великим»), фригийцы и фракийцы – Ма-fors, Ма-vors, Маrs («сильный»)… Египтяне называли его Героем или Геркулесом. В честь его Нил называли Sihor'ом, Нилом или Египгом. Греки слышали крик: «О-Сигор, Бу-Сигор» и называли его Осирисом или Бусирисом». С. 161,

II, 19: «В священном писании эта река названа Шихор или Sihor; отсюда греки образовали слова: Сирис, Сириус, Сер-Апис, О-Сирис. Плутарх говорит (de Is. et Os. II, с. 572), что слог «о», поставленный греками перед «Сирис», делал это слово непонятым для египтян».

Конечно, эта «вакханалия сравнительного языкознания» приводит на нас впечатление бреда сумасшедшего. Но мы научились читать иероглифы, с другой стороны, у нас есть точно обоснованное индоевропейское языкознание, методы которого мы переносим и на другие языки. То, что делал Ньютон, делали и сами греки, делали и все его современники, например, Бохарт. Он ни в чем не отстал от них. А разве мало в наше время подобных лингвистических спекуляций, которые будут вызывать смех, когда новые группы надписей будут расшифрованы или когда будет найден ключ к пониманию неизвестных еще языков?

Отнесение Мемнона и Протея, современников Троянской войны, ко времени после иудейского царя Асы, т. е. по счету Ньютона к 909 г. до н. э., противоречило общепринятой дате падения Трои – 1184 г. до н. э. или около этого. Со времени появления персов на историческую сцену, т. е., по вычислениям Ньютона, примерно, с 535 года, по его мнению, хронология греков основана на хороших источниках и довольно точна. По обычной датировке от Троянской войны до этого года – 640 лет, по ньютоновской, по его мнению правильной, – 374 года. Как же быть со всеми прочими датами? *Чтобы не нарушить хронологической последовательности и синхронизмов, необходимо для всего времени от Троянской войны до появления персов конформно преобразовать всю историю во времени, уменьшив масштаб, т. е. сократив все временные промежутки в отношении 4:7.*

Но правомерность такого радикального приема должна быть доказана. Для этой цели Ньютон стремится прежде всего показать, что все даты греческой истории до 535 года носят не точный, а приблизительный характер. «До времени Персидской империи европейцы не имели никакой хронологии; всякая хронология, которая у них впоследствии была для более древних времен, была основана на догадках и предположениях» (с. 30, I, 3). «Как боги, т. е. древние обоготворенные цари и князья Греции, Египта и Сирии, были сделаны значительно более древними, чем они были в действительности, так же были сделаны более древними, чем в действительности, и цари Халдеи и Ассирии». На той же странице Ньютон приводит еще такой любопытный довод. Даже древнейшие философы писали стихами. «Евдокс, Гесиод и Фалес писали в стихах об астрономии». Здесь, конечно, какая-то путаница. Из этих трех пи-

сателей только Гесиод писал стихами. О стихах Фалеса нам не сообщает ни один источник, а Евдокс – это математик IV в., который писал, конечно, прозой. Он продолжает: «Так как они писали стихами, то у них не могло быть ни хронологии, ни вообще какой бы то ни было такой истории, которая не была бы перемешана с поэтическими вымыслами». Конечно, стихотворная форма здесь ни при чем, и в стихах можно излагать самые точные факты. Но по существу Ньютон прав: в греческой историко-генеалогической литературе VI в. еще не было резкой грани между историей и мифом. Как правильно указывает Ньютон, для этого времени в основу хронологических расчетов кладется счет по поколениям: три поколения считаются за 100 лет; каждый аристократический род в Греции вел счет своих предков и помнил их имена. Далее, на с. 32–33, Ньютон приводит свидетельство Плутарха в начале биографии Нумы, в котором говорится, что Аполлодор, Эратосфен и многие другие рассчитывали время по царям Лакедемона (ср. с. 36–39, I, 6). Допе́дние же до нас хронологические таблицы: паросская надпись (она известна Ньютону, он цитирует ее как *Arundelian marble*) и хроника Евсевия в основном восходят к этим двум главным авторитетам древности – к Аполлодору и Эратосфену. Правление каждого царя здесь принималось в среднем равным 33–35 годам. Ньютон собрал огромный материал и из истории древности, и из истории Франции и Англии и показал, что если действительно поколение можно принимать равным 33–35 годам, то правление царя никогда не имеет такой средней продолжительности: его средняя продолжительность 18–20 лет (с. 36–41, I, 6)⁷⁶. Отсюда и получается необходимость сокращения всех дат, более древних, чем образование Персидской империи, в отношении 20:35, т. е. 4:7, что и требовалось. Правда, Ньютону известно, что на формирование античной хронологии оказал большое влияние и Гипсий, составивший список победителей на Олимпийских играх. Но, как указывает Плутарх в том же месте, гипсиев список составлен в позднее время, без какого-либо надежного критерия, которому мы были бы обязаны верить»⁷⁷ (с. 31, I, 3). Еще более недостоверна, как замечает Ньютон (с. 34–35, I, 5), древнейшая римская хронология; на это указывали уже Плутарх и Сервий.

Итак, Ньютон рекомендует поступать по следующей формуле (α – традиционная дата, выраженная в годах до н. э.; β – искомая точная дата):

$$\left\{ (\alpha - 535) \times 4/7 + 535 = \beta \right\} \quad (\text{с. 92; I, 52}).$$

Ньютон прекрасно понимает, что в числе дат, полученных при помощи счета по правлениям царей, могло сохраниться и некото-

рое число вполне точных дат. Поэтому он делает в том же месте оговорку: «Этим методом можно пользоваться только в тех случаях, когда нет других аргументов; где такие аргументы налицо, необходимо предпочесть более точный способ доказательства». И он приводит несколько случаев, когда применение этого приближенного метода «приводит к хорошим результатам, устраняющим существующие хронологические противоречия и объясняющим исторические факты. Например, обычно считают, что аргосский тиран Фидон жил до начала Олимпийской эры, т. е. до 776 г. Применяв рекомендованный Ньютоном приближенный метод, Фидона придется отнести примерно к 630 г. Эта дата прекрасно согласуется со свидетельством Геродота (VIII, 137), по которому в числе претендентов на руку сикионской принцессы Агаристы был сын Фидона Леокед, ибо свадьба Агаристы имела место не ранее 600 г. (с. 91–92, I, 51). Другой пример: Плутарх в биографии Солона очень сокрушается о том, что такой жизненный и поучительный рассказ, как сообщение Геродота о встрече Солона с Крезом, античные хронологи на основании их хронологических построений отвергали, так как Солон в 594 г., в свое архонтство, был уже в преклонном возрасте и не мог дожить до 550–545 г. когда он только и мог встретиться с Крезом. Применяя метод Ньютона, архонтство Солона придется отнести к 568 г., и встреча Солона с Крезом окажется вполне возможной.

Как надо расценить эти рассуждения Ньютона с точки зрения нынешней исторической критики? Нынешние историки согласятся с Ньютоном, что древнейшая история Греции искусственно растянута. И нынешние историки, сделав это наблюдение, пытаются найти единообразный алгоритм для сокращения древнейшей хронологии. Так, Lenschau в своем выпущенном недавно в журнале «Klio» (за 1938 г.) исследовании о хронологии VIII–VI вв. предлагает такой метод: он считает, что до конца VII в. Олимпийские состязания имели место не раз в 4 года, а ежегодно; Гипсий же и другие позднейшие исследователи, не зная этого, считали, что и в это время состязания происходили один раз в четыре года и годовые промежутки превращали в четырехлетние. Поэтому все промежутки до конца VII в. он предлагает сокращать в 4 раза – метод, очень сходный с ньютоновским.

Что касается спартанских царей, то Ньютон скорее всего ошибается. Спартанцы считали годы по эфорам, а не по царям. Официальных списков царей не велось; но каждый спартанский царский род, как мы узнаем из Геродота по обычаю знати, знал всех своих предков вплоть до Геракла. Но эти предки не должны были

быть непременно царями, и, наоборот, в списки не входили цари, которые не унаследовали власть от отца, т. е. это были как раз списки поколений, а не правивших царей⁷⁸. Что касается частных примеров Ньютона, то полученная им дата для Фидона – 630 год – *точно совпадает с датой, полученной нынешней наукой*⁷⁹, несмотря на то, что, поскольку мне известно, прекрасный и убедительный довод Ньютона, основанный на сватовстве Леокеда, нынешней наукой не привлекается. Наоборот, что касается встречи Креза с Солоном, то здесь сказался рационализм Ньютона, считавшего всякий исторический рассказ, не нарушающий законов природы, достоверным. Искусственный синхронизм, как мы видели (выше, с. 273), – излюбленный прием древних, а поучительные рассказы относятся к области фольклора. Что же касается времени архонтства Солона, то здесь мы, руководясь принципом самого же Ньютона, не в праве чтобы то ни было менять: *афиняне с середины VII в. вели точный список архонтов, по которым велся счет годам; каждый школьник, по словам Платона, знал наизусть в хронологическом порядке всех архонтов, начиная с Солона*. В 1939 г. в журнале «Hesperia» был опубликован найденный при раскопках в Афинах последовательный список архонтов VI века, вырезанный на мраморе в середине V в.⁸⁰ При таких условиях имеющиеся у нас даты для VI в., особенно афинские, можно считать точно установленными, и поправок Ньютона принять нельзя.

И вообще метод Ньютона неприемлем потому, что он слишком однообразен и недостаточно гибок, смешивая в одну кучу и даты VI в., и даты VIII–IX вв. Когда мы говорим, что списки афинских архонтов, спартанских царей, олимпийских победителей не достоверны, то это не значит, что они выдуманы целиком из головы Гиппием или кем-либо другим. Материалы воспоминаний и письменные памятники сохранились в лучшем случае от середины VII в., и здесь мы сплошь и рядом имеем дело с вполне достоверными именами и датами. Более древние части генеалогий и списков фабрикуются на основании легенд, мифов, народных этимологий и т. д., и здесь нет смысла исправлять и сокращать – в этой части эти списки вообще никакой цены не имеют.

V

Поскольку результаты, достигнутые Ньютоном, были лишь приближенными (он исходил из средней длительности царствований), они нуждались еще в дополнительной проверке. Ньютон и

провел такую проверку, исходя из, казалось бы, вполне объективных и научных астрономических соображений. Этим астрономическим выкладкам Ньютон посвящает целых 20 страниц (55–75) первой части своей работы. Исходным пунктом для этих вычислений является замечание Евдокса (у Гиппарха, Phaenomena, II, 3), что на сферах (астрономических глобусах) древних точка весеннего равноденствия находилась в середине созвездий Овна, Рака, Скорпиона и Козерога. Вследствие предварения равноденствий, открытого тем же Гиппархом и впервые научно объясненного Ньютоном в 1686 г., точка весеннего равноденствия перемещается примерно на $50''$ в год. Положение точки весеннего равноденствия при Ньюто́не, в 1689 г., отличалось от этого положения, начертанного на сферах древних, на $36^\circ 44'$. Разделив $36^\circ 44'$ на $50''$ Ньютон получил, что «сфера древних» была составлена за 2627 лет до 1689 г. или за 938 л. до н. э. (с. 71, I, 34).

Не будучи астрономом, я не берусь судить, насколько убедительно это рассуждение. Мор указывает (с. 620–621), что, по мнению нынешних астрономов, которых он консультировал по этому вопросу, наблюдения, о которых сообщает Гиппарх, были «слишком неопределенными (too vague), чтобы ими можно было пользоваться как основой для хронологии».

Но допустим, что эти вычисления точны. И в этом случае они, казалось бы, ничего не дают, так как мы не знаем, при каких обстоятельствах была составлена эта сфера древних.

Ньютон пытается выяснить эти обстоятельства, кладя в основу унаследованный им у древних метод рационализации мифов, ибо мифы он, как мы говорили, считал изложенными в поэтической форме историческими фактами.

Климент⁸¹, ссылаясь на какую-то древнюю поэму «Titanomachia» говорит, что кентавр Хирон и его дочь Гиппо начертили «фигуры Олимпа» (σχηματα Ολυμπου). По мнению Ньютона (с. 62, σχηματα Ολυμπου – это астеризмы, и речь здесь идет о «сфере», о небесном глобусе. А следовательно: Евдокс, говоря о «сфере древних», имел в виду сферу Хирона, одного из участников похода Аргонавтов.

При нашем отношении к мифам нас не может не поразить крайнее легкоеверие Ньютона. Кентавр Хирон, получеловек-полулошадь, – конечно, личность чисто мифическая; если бы даже автор какой-то «Титаномахии», мифологической поэмы, и приписал ему изобретение небесного глобуса, то это не имело бы никакого исторического значения, тем более что нет никакого основания думать, что Евдокс имел в виду именно эту «сферу». Но для Ньютона не

существовало пропасти между мифологией и историей. Для него и то, и другое – история. Мы имеем только два свидетельства об астрономических занятиях в древнейшей Греции: приведенное свидетельство о Хироне и свидетельства Геродота и Диогена Лаэртция о Фалесе. Но Фалес жил, как известно, приблизительно за 600 л. до н.э. (с. 72, II, 36); поэтому положение эклиптики, соответствующее 938 году, из его трудов почерпано быть не могло. Значит, заключает Ньютон, оно соответствует глобусу Хирона.

Так подходил к вопросу не только Ньютон, но и все его современники. Епископ Горслей, критикующий Ньютона в примечаниях к его книге, не возражает против вывода Ньютона по существу: он только указывает (и справедливо), что приводимая Климентом цитата из «Титаномахии» ничего не говорит о «сфере», т. е. астрономическом глобусе (прим. к с. 62). Здесь мы читаем:

Смертных... Хирон по пути справедливости вел, указав им
Правила клятв, утолительных жертв и фигуры Олимпа⁸².

О дочери же Хирона Гипшо сказано, что она умела

Пророчествуя, предрекать грядущее

Иль по восходам звезд его угадывать.

Из этих мест Горслей сделал справедливый вывод, что под *schmata Olumrou* разумеются какие-то астрологические таблицы для гадания по звездам, а никак не астрономический атлас.

Еще более наивно рассуждение Ньютона о том, что царевна феаков Навсияка впервые познакомила греков с астрономическим глобусом, причем, по его мнению, она научилась сооружать его от аргонавтов. Мы указали уже выше (с. 322), что в цитируемом Ньютоном месте речь идет не об астрономическом глобусе, а о мяче, который, как и небесный глобус, назывался у греков «сферой».

Ньютон старается подтвердить свой вывод и косвенным путем. При каких условиях возникает астрономия? Она возникает из непосредственных потребностей мореходного дела. При плавании на близкое расстояние вдоль берега в астрономии нет нужды. Она должна была возникнуть при первом большом морском походе в отдаленные страны, а таким походом был поход аргонавтов.

Действительно, восклицает Ньютон, если мы взглянем на карту звездного неба и переберем названия звезд, то увидим, что все они теснейшим образом связаны с походом аргонавтов и могли быть даны только аргонавтами (с. 65, I, 30)!

Вот эти звезды: Овен (баран) – это тот златорунный баран, за которым плыл Ясон; Телец (бык) – это тот бык, которого укротил Ясон; близнецы Кастор и Поллукс – оба они аргонавты; Лебедь – этот тот лебедь, в образе которого Зевс сошелся с матерью Кастора

и Поллукса Ледой; Дракон – это тот неусыпный дракон, который сторожил золотое руно; Кубок – это кубок Медеи; Ворон – это тот ворон, который сидел на корме корабля, предрекая смерть; Хирон – аргонавт с его Алтарем и Жертвой; Геркулес – аргонавт, с его Копьем и Орлом; Лев – тот, которого он убил; Арфа – аргонавта Орфея; Орион – охотник, сын Нептуна, со своим Псом, Зайцем и т. д. Можно себе представить восторг Ньютона, когда из названий созвездий он убедился в правильности своего предположения, что астрономия впервые изобретена для практических нужд мореплавателями-аргонавтами!

Мы, однако, склонны отнестись скептически к этому открытию. По принципу синхронизации древние сгруппировали вокруг похода аргонавтов значительную часть героев до-троянского времени. Что еще оставалось неприсоединенным сюда, присоединилось в результате хронологических манипуляций Ньютона. Многие объяснения Ньютона являются к тому же натянутыми, это – результат увлечения поразившей его идеей. Почему баран и бык именно те баран и бык, о которых говорит легенда о Ясоне, почему лебедь обязательно тот Лебедь, который сошелся с Ледой, а ворон тот, который сел на корму Арго? Многие названия, вдобавок, выдуманы впервые в эллинистическое, а некоторые лишь в новое время и античности вообще не известны, как, например, название созвездия Геркулес. Поэтому на нас это сближение уже не производит такого впечатления, какое оно произвело на самого Ньютона...

Из всех этих рассуждений Ньютон делает решительный вывод (с. 75, I, 40): «Итак, соображения, основанные на наблюдениях античных астрономов, делают несомненным (we may reckon it certain), что поход аргонавтов был не раньше правления Соломона, особенно если привлечь сюда еще доводы, основанные на средней продолжительности царствований».

VI

Астрономическая проверка дала Ньютону возможность с удовлетворением заметить, что его результаты, достигнутые чисто филологическим путем, оказываются верными и при проработке их методами точных наук. Поэтому он свою «Краткую хронику» (A Short Chronicle), подводящую итог его сорокалетней усидчивой и кропотливой работе, заканчивает таким бодрым «Ехегі monumentum» (с. 271): «Я составил эту хронологическую таблицу, чтобы привести хронологию в согласие с ходом естественных событий, с аст-

рономией, со священной историей и с самой собой, устранив многочисленные противоречия, на которые жаловался уже Плутарх. Я не претендую на то, что эта таблица точна до одного года. Здесь возможны ошибки в пять или десять лет, может быть, кое-где и в двадцать, но не на много больше».

Уже Уистон, современник и восторженный поклонник Ньютона, как математика и физика, отнесся крайне скептически к хронологическим и историко-религиозным работам Ньютона. В своих «Воспоминаниях» (Memoirs), с. 38 и 40, он писал: «Сэр Исаак в области математики нередко прозревал истину только путем интуиции, даже без доказательств... Но этот же сэр Исаак Ньютон составил хронологию. Первую и основную главу этой хроники он переписывал 80 раз собственноручно, причем каждый экземпляр ли:ь очень незначительно отличался от другого. Однако эта хронология убеждает не больше, чем остроумный исторический роман, как я окончательно доказал в написанном мною опровержении этой хронологии. О, каким слабым, каким чрезвычайно слабым может быть величайший из смертных людей в некоторых отношениях» (с. 40: «How weak, how very weak, the greatest of mortal men may be in some things!»)⁸³.

Мор, охарактеризовав Ньютона как «наиболее выдающегося из хронологистов своего времени, заложившего основы для преемников», справедливо замечает (с. 615), что для нынешнего исследователя в области древней истории исследования Ньютона практического значения не имеют, и это, конечно верно: «Нынешние археологические раскопки при всех их недостатках отодвинули рамки истории, известной прежде только из литературных источников, очень далеко назад. Мы теперь убеждены, что для образования известных нам государственных цивилизаций необходимо было предварительное медленное развитие первобытных народов, продолжавшееся много тысячелетий, и это убеждение так изменило наши взгляды, что хронология Ньютона стала практически бесполезной». Но Мор совершенно не прав, когда приведенные нами слова Ньютона иронически называет «скромными» (modest), желая этим подчеркнуть излишнюю самоуверенность, самодовольство, и как раз отсутствие скромности у Ньютона (с. 616): «Ньютон был так убежден в непоколебимости своих обоснований, что заканчивал свою речь скромным утверждением... (цитировано выше, с. 306). Но что значит самодовольство человеческого ума! Его ошибки надо измерять не 5–10 годами, как он утверждает, а гораздо чаще столетиями и тысячелетиями». Я думаю, наоборот, что Ньютон субъективно был совершенно прав, что, оставаясь скромным и чуждым тщеславия, он

мог взирать с полным удовлетворением на «плоды своего сорокалетнего труда». Если Уистон, доказывавший в своей книге (см. выше, с. 284) доводами математики и физики, что о сотворении мира в шесть дней, о всемирном потопе и о всемирном пожаре в конце мира в священном писании рассказано согласно с последним словом физической науки, назвал труд Ньютона «остроумным историческим романом», то ему можно только ответить словами крыловской мартышки, увидевшей в зеркале свой образ. Я думаю, что биограф Ньютона Брюстер прав, говоря, что Ньютон из споров со своими противниками (Фрере и др.), разгоревшихся по поводу его хронологии, всегда выходил с блестящей победой. Выше я показывал на отдельных примерах, что, исключая отдельные мелочи, критика противниками Ньютона его хронологии всегда была неумной или несправедливой.

Предположим, что талантливому, аккуратному и безукоризненному вычислителю поручено произвести сложное вычисление на «основании определенных заданных начальных условий. Прюделав эти вычисления остроумнейшими путями» и с величайшей тщательностью и аккуратностью, проверив результаты всеми доступными ему способами, вычислитель сдает работу, заверяя, что максимальная ошибка – на 5, 10, максимум 20 последних десятичных знаков, ибо он знает, что больших ошибок у него никогда не бывает. Но оказывается, что заданные начальные условия взяты тупыми и ленивыми бюрократами с потолка и не соответствуют никакой реальной действительности; поэтому и результаты, полученные вычислителем, не имеют никакого практического значения; в них ошибка на сотни и тысячи. Можно ли при таких условиях обвинять вычислителя в самоуверенности, в недостаточной скромности? Ни в каком случае!

Так же обстояло дело с Ньютоном. Та научная и религиозная среда, в которой он врапчался, та наука, продолжателем которой он был, задала ему два начальных условия: 1) все, что сказано в священном писании – святая истина, в которой нельзя сомневаться, и 2) мифы, это – историческая действительность, приукрашенная поэтически. Ньютон сделал буквально все, что было возможно, чтобы устранить недостатки в древней хронологии, не нарушая этих аксиом.

Не считаясь с традицией, он прибег к смелым перетолкованиям и перестановкам, которые и вызвали протесты со стороны цеховых историков, увидевших, что их многовековое непоколебимое здание хронологии разлетается вдребезги. Во многом Ньютон, как мы показали выше, предвосхитил методы нынешней науки: в привлечении

астрономии для датировки, в сокращении хронологии для X–VII вв., основанной на счете царствований и поколений, в сближении между собой мифов, имеющих при одинаковом сюжете различные собственные имена, в восстановлении картины древнейших религиозных представлений (культ предков, отсутствие храмов), в уничтожающей критике приема дубликации, в правильной оценке значения торговли и мореплавания для возникновения письма и астрономии, в ясном понимании значения критики текста для научной истории и т. д. Можно, кажется мне, смело утверждать, что Ньютон сделал все, что от него зависело, и нашел лучшее из всех решений, которые только были возможны при его предпосылках. Но эти предпосылки были гнилыми, и поэтому его блестящие выводы оказались построенными на песке. Я убежден, что искусная строго научная аргументация Ньютона, не приведшая тем не менее к убедительному выводу, не могла не привлечь внимания к его предпосылкам, обусловившим эту неудачу, и не могла не поколебать их. Если у людей, чуждых истинных научных устремлений, она вызвала скептическое отношение к истории вообще («неопирронизм»), то, с другой стороны, после смерти Ньютона начинается и научное движение по новым путям. Через четверть века после смерти Ньютона, в 1753 г. врач Астрюк, так же как Ньютон, напишет анонимное сочинение, не имеющее отношения к его естественно-научной специальности «Conjectures sur les Memoires originaux qui ont servi a Moïse pour écrire la Oenese» (Brusselles-Paris, 1753): в нем он докажет, что книга «Бытия» не могла быть непосредственным откровением бога Моисею, так как Моисей написал эту книгу на основе письменных записей двух различных людей, так называемого «Ягвиста» и «Логиста». Этим будет нанесен первый сокрушительный удар вере в непререкаемость библейского текста. В 1795 г. Август Вольф в своих «Prolegomena ad Homerum» покажет, что «Илиада» и «Одиссея» – это собранные воедино народные песни; этим будет нанесен не менее серьезный удар рационалистическому толкованию мифов как поэтически приукрашенных исторических событий. Разумается, и Астрюк и Вольф не вырастут из земли; работа их была подготовлена непосредственными предшественниками (напр., Вико и уже упомянутым Р.Симоном), а почву для нее в значительной мере расчистил Ньютон, гениально исчерпав все мыслимые возможности научного толкования на базе старых предпосылок. И если Ньюто-ну, при его гениальном подходе к античной истории не удалось открыть тех новых путей, по которым впоследствии поведут историю Вико, Астрюк, Вольф, Нибур, Бек и другие пионеры новой науки, то в этом виноват не Ньютон, а косная религиозная традиция, ду-

пившая в своих объятиях ростки новой мысли. По самой их сущности, науки точные – математика, механика, физика – смогли сбросить с себя эти путы раньше, чем науки гуманитарные; позже всего это сможет сделать гражданская история, служившая тогда только придатком к так называемой священной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ П, 146: απου δε επυθοντο χρονου, απο τουτου γενεηλογεουσι αυτων την γενεσιν.

² П, 146: ουτοι αλλοι, ανδρες γενομενοι, εχουσι τα εκεινων ονοματα των προγεγονοτων θεων.

³ *Augustinus*. De civitate. dei, XII, 1.

⁴ См. Pauly-Wissowa. Realencyclopädie, статьи *Wellmann M.* Eumerus (VII, 1909, 952 и сл.) и *Jacoby F.* Hecataeus (VII, 1911, 2759 и сл.).

⁵ *Wellmann M.* Ук. м., 971; *Schwartz Ed.* Flint Vortrage uber den griechischen Roman. – 1896. С. 107.

⁶ εξ Αιγυπτου μετενεχθηναι παντα, δι ων παρα τοις χ Ελλησιν εθαυμασθησαν. *F. Jacoby*, ук. ст., с. 2960–2961.

⁷ Παντα νεα και χθες και πρωην γεγονοτα.

⁸ В таблице египетских фараонов у Евсевия Египет отождествлен не с Сетосисом, а с Рамсесом.

⁹ Βασιλεα Σουσακον, περι ου πλανηθεις Ηροδοτος τας πραξεις αυτου Σεσωστρει προσαπτει ... και ο Αλικαρνασσευς Ηροδοτις περι μονον το του βασιλεως πλαωθεις ονομα.

¹⁰ *Minuc.* Octav. 21, I; *Lactant.* I, 11, 33; epist. ad. Pentad. 13. 1; *August.* De civit. dei, VI, 7.

¹¹ *Wellmann M.* Ук. статья. С. 966.

¹² *Boeckh Aug.* Encyclopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften, herausgegeben von E. Bratuschek. 2-te Aufl. – Leipzig, 1886. *Paul Hazard.* La crise de la conscience europeenne (1680–1715). 3 тома. – Paris, 1935.

¹³ См. *Wellmann M.* Eumerus; Pauly-Wissowa. VI, с. 966.

¹⁴ *Banier Antoine.* La mythologie et les fables, expliquees par l'histoire. – Paris, 1739–1740 (переиздан в 1754 г.).

¹⁵ См., например, *Gerh. Joh. Vossiu's.* De theologia gentili et physiologia Christiana sive de origine et progressu idololatriae. – Amsterdam, 1642 (4-ое изд., 1700). *Aug. Boeckh.* Ук. кн. С. 582.

¹⁶ *Aug. Boeckh.* Ук. соч., с. 582: «Die vergleichende Mythologie zeigt, dass die Urreligion der indogermanischen Völker schon vor der Trennung der Hauptstämme monotheistisch war, aber noch eine Ineinsbildung des Polytheismus mit einem zugrunde liegenden Monotheismus darstellte!».

¹⁷ *Bochart.* Geographia sacra. Chanaan. Caen, 1646. Цитирована у Ньютона I, 4; 15; 24; 34; 39. II 13. Переиздавалась в 1674, 1692 и 1707 гг.

¹⁸ *Marshamus Joannes (Marsham, Sir John).* Chronicus canon. Aegyptiacus, Hebraicus, Oraecus. – London, 1672. Переиздавалась в 1676 г. (в Лейпциге), в

1696 г. (во Франкфурте). Ньютоном использованы следующие главы: VIII. Seseops; XIV. Ophir; XV. Olympia; XVI. Prima Olympias vulgaris; XVII. Babylon condita.

¹⁹ *Petavius, Dionysius*. Opus de doctrina temporum, 2 тома in folio. – Paris, 1627 (с добавл.: Paralipomenon librorum de doctrina temporum); *их же*. Uralogia; *их же*. Variae dissertationes; *их же*. Rationarium temporum. – Paris, 1633.

²⁰ *Scaliger Josephus*. Opus de emendatione temporum. – Paris, 1583 (2-е изд. Genavae, 1629); *его же*. Animadversiones in Eusebium.

²¹ *Vasaeus*. Chronicon Hispaniae.

²² *Conringius*. De antiquitatibus. Переиздано в его Opera в 1660 г.

²³ *Dodwell H.* De veteribus Graecorum Romanorumque cyclis. – Oxford, 1701.

²⁴ *Gale*. Differentia de scriptoribus mythologicis.

²⁵ *Jackson*. Chronology.

²⁶ *Perizonius*. Aegyptiarum origintim etc. (См. с. 268). – Luguduni, 1711.

²⁷ *Usher J.* Annales Veteris et Novi Testamenti. Una cum rerum Asiaticarum et Aegyptiarum chronico. – London, 1650.

²⁸ *Perizonius J.* Animadversiones historicae. – Amsterdam, 1685.

²⁹ Он был в этом отношении настоящим предшественником Нибура.

³⁰ *Stanyan J.* History of Greece. – London, 1707. 3 тома. Была в 1744 г. переведена на французский язык не кем иным, как Дидро.

^{30a} Two Essays sent in a letter from Oxford to a Nobleman in London. The first concerning some errors about the Creation, General Flood, and the Peopling of the World... The second concerning the Rise, Progress and Destruction of Fables and Romances. By L. P., Master of Arts. – London, 1695.

³¹ *More L.T.* Isaac Newton. A biography. – N.-Y., 1934. С. 622–623.

³² Там же, с. 561, прим.

³³ Там же, с. 559–560.

³⁴ В основу этой главы положен материал, заимствованный из книги *More L.T.* Isaac Newton. A biography. – N.-Y., 1934. С. 608–609 (Chapt. XVI). Ancient chronology. Theology. Religious beliefs). Я буду цитировать эту книгу просто: «*More*».

³⁵ *More*. С. 609.

³⁶ *More*. С. 612.

³⁷ *More*. С. 646.

³⁸ *More*. С. 616, 618.

³⁹ *Newton*. Two Notable Corruptions of Scripture, Opera, ed. Horsley, t. V. с. 529; *More*. С. 637.

⁴⁰ *More*. С. 608–609.

⁴¹ *More*. С. 611, прим. 6.

⁴² *More*. С. 611.

⁴³ *More*. С. 609.

⁴⁴ A short Chronicle from the First Memory of Things in Europe to the Conquest of Persia by Alexander the Great. – Horsley, Opera Newtoni, V, с. 265–291.

⁴⁵ Abrege de Chronologie de M. Chevalier Newton, fait par lui-meme et traduit sur le manuscrit Anglais. – Paris, 1725.

⁴⁶ Remarks on the Observations made on a Chronological Index of Sir Isaac

Newton, translated into French by the Observator, and published at Paris. Philosophical Transactions, 1725.

⁴⁷ The Chronology of Ancient Kingdoms Amended. – London, 1728. Теперь составляет основное содержание V тома изд. Horsley. – London, 1785. Ссылки в дальнейшем всегда имеют в виду это издание.

⁴⁸ *More.* С. 611.

⁴⁹ *Newton.* Observations upon the Prophecies of Daniel and the Apocalypse at St. John. Opera omnia, t. V.

⁵⁰ *More.* С. 627–628.

⁵¹ An historical account of two notable corruptions of scripture. Opera omnia, ed. Horsley, V.

⁵² *More.* С. 636. Дело в том, что протестанты времени Ньютона, отнюдь не занимаясь подделкой текста священного писания, тем не менее протестовали против разоблачения вошедших в обиход подделок, боясь уронить авторитет Библии и Евангелия.

⁵³ *More.* С. 643.

⁵⁴ *More.* С. 630–636, 642–644.

⁵⁵ *More.* С. 636.

⁵⁶ *More.* С. 633–636.

⁵⁷ *More.* С. 642.

⁵⁸ «In the sense of the Scriptures». Библейские пророки часто говорят от имени Бога, волю которого они творят, например: «И за то, что вы нарушили мои заповеди» и т. д.

⁵⁹ *More.* С. 643, 644.

⁶⁰ *More.* С. 626.

⁶¹ *More.* С. 637, прим. 50.

⁶² В некоторой степени этими соображениями, вероятно, объясняется резкий тон полемики Горслея (в его примечаниях) с хронологией Ньютона, полемики, не всегда удачной. Догмат полной непогрешимости «Ветхого завета» был не по душе епископу; поэтому в своем комментарии он указывает на пробелы Библии. Эти замечания производят впечатление религиозного либерализма, но, в действительности, часто вызваны ненаучными соображениями. Впрочем, мы не собираемся отрицать огромную начитанность и осведомленность Горслея в античных авторах и древней истории.

⁶³ *More.* С. 616.

⁶⁴ *Simon, Richard.* Histoire critique du Vieux Testament. – Paris, 1678; Rotterdam, 1685; Histoire critique du Texte du Nouveau Testament. – Rotterdam, 1689.

⁶⁵ *More.* С. 633–634.

^{65a} Horsley предлагает исправить так: Κυψελω και τοις προγονοις <αυτου ην γενοσ εξ αρχης <εκ Γουουσης της <υτερ Σικυωνος (Coll. Paus. 2, 4) Μελας... δε εκ Γουεουσης της υτερ Σικυωνος, т. е. «Род Кипсела и его предков происходил первоначально из Гонусы, лежащей над Сикионом».

⁶⁶ «Древнейшие маленькие храмы существовали лишь как прикрытие для статуй» (с. 162, II, 20). И здесь Ньютон предвосхитил взгляд нынешней науки.

⁶⁷ *Marsham*, ук. соч.; *Spencer I.* De legibus Hebraeorum ritualibus, Cambri., 1685. Ньютон посвящает поэтому в своем труде большую главу (гл. I) описанию устройства храма Соломона.

⁶⁸ *More*. С. 626.

⁶⁹ Любопытно отметить, что уже в древности, по-видимому независимо от Иосифа, было произведено отождествление Сесостриса и Сесака (Σεσοῦχος – так Пешонк называется у Евсевия, resp. Манефона): мы находим такое отождествление в схолии к «Аргонавтике» Аполлония, IV, ст. 277. Но здесь отождествление проведено в обратном направлении: Пешонк датирован 3712 годом до нашей эры.

⁷⁰ *M. Wellman*. Pauly-Wessowa, см. Eumerus, VI, 1909, с. 931; Ed. Schwartz, Fünf Vorträge über den griechischen Roman, 1896, с. 107.

⁷¹ С. 80, I, 64; с. 52, I, 19; с. 164, II, 22 на основании Hygin. fab. 14, Apollon. Argon. II, 115.

⁷² Это утверждение, в отношении Амосиса соответствующее исторической действительности, взято Ньютоном у Манефона (через Диодора, Иосифа и Евсевия). Главный источник Ньютона Геродот ничего об этом не говорит.

⁷³ В действительности Тутмосис правил прибл. в 1450 г., а Амосис в 1580 г. Мисфрагмутосис же, по Манефону, предшественник Тутмосиса. Здесь Ньютона обмануло сходство имен Амосис и Тутмосис.

⁷⁴ *Bishop Warburton*. Divine Legati'on. Book IV, sect. V.

⁷⁵ Разумеется, эти отождествления основаны уже на хронологии Ньютона, которую он считает окончательно доказанной. Horsley (с. 52) указывает на то, что в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (IV, 276–277) Ээт говорит о походе Сесостриса как о далекой седой старине: значит, Сесострис не мог сам же оставить здесь Ээта за 30 лет до похода аргонавтов. Но если Ньютон был логически обязан, в силу своих предпосылок, принимать каждое указание Библии, то он вовсе не был обязан считаться с каждой мелочью в поздних мифологических поэмах, часто противоречивших друг другу.

⁷⁶ Ср. *More*. С. 618.

⁷⁷ αὐ τοῦ εὐνοῦ ὀρμῶμενον ἀναγκαῖον πρὸς πίστιν.

⁷⁸ *Beloch*. Griechische Geschichte, 2-te Aufl., I, 2, с. 172.

⁷⁹ Там же, с. 196.

⁸⁰ См. мою заметку в «Вестнике древней истории», 1939, №2(11), с. 45 и сл.

⁸¹ *Stromata*, I, с. 132, 352.

⁸² οὗτος ὡς τε δικαιοσύνην θνητῶν γένος ἤγαγε, δεῖξας ὄρκον καὶ θυσίας ἰλαρὰς καὶ σχήματ' Ὀλύμπου.

⁸³ С этими словами Уистона небезынтересно сопоставить очень сходное замечание Даламбера об Эйлере в его письме к Лагранжу (см. мою статью в сборнике Акад. Наук «Эйлер», с. 66): «Что касается нашего друга Эйлера, то трудно поверить, что столь великий гений в области геометрии и анализа, в области философии оказывается... скажем, хуже последнего школьника, чтобы не употребить выражение: оказывается плоским и тупым. Вот когда подлинно уместно выражение: Non omnia iidem Dii dedere». Я там же показал несправедливость этой критики.

В.А.Бронштэн

Н.А.Морозов – предтеча творцов «новой хронологии»

Появление работ А.Т.Фоменко, Г.В.Носовского и В.В.Калашникова, посвященных хронологии древней истории, заставляет вспомнить о попытках Н.А.Морозова, преемниками которого считают себя и упомянутые авторы.

Среди трудов известного революционера, поэта и ученого, почетного академика Н.А.Морозова (1854–1946) особое место занимают его сочинения, посвященные астрономическому истолкованию Апокалипсиса, видений библейских пророков и ряда памятников древности (гороскопов и клинописей Древнего Египта и Вавилона). Это – «Откровение в грозе и буре» (1907), «Пророки» (1914) и семитомный «Христос» (1924–1932). В творческом наследии Морозова эта тематика, тесно связанная с его взглядами на историю человечества, занимает доминирующее положение. Однако в книгах и статьях, посвященных Морозову, этой стороне его научной деятельности почти не уделяется внимания¹. Совсем не отражены его работы по астрономической хронологии.

История сочинения «Откровение в грозе и буре»² (как, впрочем, и «Пророков») начинается с одиночной камеры Шлиссельбургской крепости, куда Морозов был переведен из Алексеевского рavelина Петропавловской крепости в августе 1684 г., и где он пробыл до 28 октября 1905 г. Заключенные могли получать только религиозную литературу. Морозов попросил Библию и начал изучать Апокалипсис и книги пророков.

В Апокалипсисе описываются видения, представившиеся апостолу Иоанну³, в том числе и ангелы, звери, драконы и кони с всадниками. Морозов давал свое толкование последним. По его мнению, кони – это планеты, а всадники – созвездия, в которых эти планеты находятся. В самом тексте Библии нет и намек на такую трактовку этой части 6-й главы Апокалипсиса. Между тем, именно на этом построены рассуждения Морозова. В Апокалипсисе говорится: «И я взглянул, и вот конь белый, и на нем всадник, имею-

* Печатается по тексту: *Бронштэн В.А.* Н.А.Морозов – предтеча творцов «новой хронологии» // «Вопросы истории», №6, 1998.

пций лук, и дан был ему венец, и вышел он, как победоносный и чтобы победить». Морозов понимает этот текст так: планета Юпитер находилась в созвездии Стрельца.

Еще одна цитата: «И я взглянул, и вот конь бледный, и на нем всадник, коему имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертой частью земли умерщвлять мечом, и голодом, и мором, и зверями земными». Здесь ни слова о небесных светилах. Но Морозов считает, что речь идет о планете Сатурн, когда она находилась в созвездии Скорпиона. Рыжего и черного коней он отождествляет с Марсом и Меркурием.

Во второй части этого сочинения Морозов с помощью астрономических таблиц вычисляет, что такое расположение планет было только 30 сентября 395 г. Но если эта дата верна, то автором Апокалипсиса никак не мог быть апостол Иоанн. Значит, это был другой Иоанн, скорее всего Иоанн Златоуст (347–407), один из виднейших отцов церкви, а Апокалипсис был создан не в I, а в конце IV в.

Одновременно Морозов переносит в IV в. Иисуса Христа. Исходя из своей точки зрения о том, что один и тот же человек мог в разных сочинениях называться разными именами, он отождествляет Иисуса с Василием Великим, архиепископом Кесарийским (329–379), старшим современником Иоанна Златоуста. Ведь Христос буквально означает «помазанник» (Божий), а имя Василий означает «царь». Из Евангелий известно, что на кресте, на котором был распят Иисус, римляне прикрепили табличку с буквами I.N.R.I., что означало «Иисус Назарянин, Царь Иудейский», хотя царем Иисус не был. Согласно Морозову, он был «столбован» (распят) 20 марта 368 года. Это и есть, по Морозову, действительная дата казни Христа. В хрониках, записях современников, сочинениях историков IV–V веков или в житии Василия Великого не упоминается о факте «столбования» Василия. Указанная дата вычислена Морозовым, и вот на основании каких соображений.

Как сообщают евангелисты Матфей, Марк и Иоанн, во время казни Иисуса Христа «сделалась тьма по всей земле». Евангелист Лука полагал, что наступило солнечное затмение. Однако в этот день (14 нисана) было полнолуние, а значит, солнечное затмение было невозможно, зато было возможно затмение лунное. И действительно, 3 апреля 33 г. (общепринятая дата казни Христа) было полное лунное затмение, которое можно было наблюдать в Иерусалиме.

Но эта дата не устраивала Морозова, которому нужен был именно IV век. И он нашел другое лунное затмение, приходившееся на 21 марта 368 года. Он объявил днем казни Василия Великого (Иисуса Христа) день, ему предшествовавший, – 20 марта. Более то-

го, Морозов утверждал, что причиной казни Василия было предсказание им этого лунного затмения. Но об этом не говорится ни в житии Василия Великого, ни в Евангелиях. Более того, «столбованный», по Морозову, Василий Великий не только остался жив, но и успешно продолжал свою проповедническую деятельность, будучи епископом Каппадокийским, он был произведен в архиепископы, назначен архиепископом Кесарийским и умер своей смертью 1 января 379 г. Сохранились надгробные речи о нем Григория Назианзина и Григория Нисского⁴. Морозов объявляет эти речи подложными, житие Василия, – содержащим ошибки, а сделанный им самим вывод – единственно верным. Свое отношение к данным исторической науки Морозов выразил весьма категорически: «Если б против этой даты (вычисленной им, Морозовым. – В.Б.) были целые горы древних манускриптов, то и тогда бы их всех пришлось считать подложными».

Первое публичное выступление Морозова «Апокалипсис с астрономической точки зрения» состоялось 12 декабря 1906 г. на заседании физического отделения Русского физико-химического общества. Текст его доклада был опубликован в журнале «Вестник знания» (1907, № 2). Затем «Откровение в грозе и буре» издал журнал «Былое» в начале весны 1907 г. Интерес к этой книге и личности автора, проведшего 29 лет в заключении (до осуждения по делу «Народной воли» он еще три года сидел по «процессу 193-х»), привел к тому, что за пять месяцев шеститысячный тираж книги был распродан и пришлось выпускать второе издание. Оно было исправлено и дополнено автором.

Сразу после выхода первого издания стали появляться критические статьи. Богослов-историк Н.П.Аксаков опубликовал рецензию «Беспредельность невежества и Апокалипсис» в журнале «Церковный вестник» и отдельной брошюрой⁵. Историк Н.М.Никольский выступил с обипирной рецензией «Спор исторической критики с астрономией»⁶. В «Русских ведомостях» (1907, № 108) появилась рецензия историка-слависта и палеографа В.Н.Щепкина. обстоятельно разобрав вторую часть «Откровения», он показал, что Иоанн Златоуст никак не мог быть его автором.

Подробную рецензию в «Богословском вестнике» (1907, № 10) и в виде отдельной брошюры опубликовал философ В.Ф.Эрн. Затем вышла брошюра философа П.Астрова, а потом и рецензия богослова П.А.Юнгерова⁷, которая содержит самый обстоятельный разбор книги Морозова, вышедшей к этому времени третьим изданием (1910 г.) и переведенной на польский, эстонский и немецкий языки.

Критики Морозова выступали с завидным единодушием. Вот выводы некоторых из них. «Психологически книга Морозова понятна и ценна, и русский читатель поймет ее и даже увлечется ею. Но для того, чтобы быть научным исследованием, ей недостает самого главного: изучения предмета и научного метода» (Никольский). «Откровение в грозе и буре» обнаружило с полной несомненностью фантастичность основной идеи Морозова, ненаучность его рассуждений, некритичность его методов» (Эрн). «Книга Морозова – не научное исследование. Исторические выводы его не соответствуют действительности. Говорить же об астрономической точности книги – это значит делать грубую методологическую ошибку и ненаучно скреплять авторитетом астрономии то, что не имеет с ней ничего общего» (Астров).

Заслуживают внимания доводы критиков Морозова. Первую группу этих доводов можно назвать «антиастрономическими», поскольку они содержат в основном критику попыток Морозова рассматривать видения Иоанна как отображение некоторого расположения на небе планет, или описание иных небесных явлений (например, затмений). Выше уже упоминались кони, которых Морозов довольно произвольно принимал за планеты, а также затмения. Были и другие возражения. Самое главное: если отождествление коней с планетами, а всадников с созвездиями (притом именно с теми планетами и теми созвездиями, с которыми их отождествляет Морозов) – неверно, то все астрономическое построение у Морозова рухнет. Затем идут доводы исторические. Их больше всего. Эрн, приведя слова Морозова о «горах древних манускриптов», которые следует считать подложными, если они противоречат вычисленной им дате, восклицает: «Они (слова Морозова. – В.Б.) поражают... высокомерием естественника, презирающего все другие науки, кроме естественных, отрицающего всякое их значение только потому, что он с ними не знаком». И далее Эрн приводит целый ряд выдержек из сочинений авторов II–IV вв., живших позже времени создания Апокалипсиса, если исходить из исторических данных, но раньше того времени, которое вычислил Морозов (таких авторов, согласно Никольскому, было, ни много ни мало, двадцать восемь).

Морозов знал об этих свидетельствах (во втором издании своей книги он приводит подборку цитат из сочинений этих авторов, составленную по его просьбе Б.Ф.Павловым, впрочем, только того, чтобы тут же с ними «расправиться»). Так, к цитате из «Педагога» греческого философа Климента Александрийского (умер ок. 215 г.) он добавляет: «Это место представляет несомненную цитату

из нашего библейского Апокалипсиса, и потому не может быть написано раньше чем в V веке». Итак, поскольку Климент цитирует Апокалипсис, он автоматически из II–III вв. переносится в V век. Навязчивая идея Морозова оказывается сильнее многочисленных исторических свидетельств о Клименте Александрийском, его взглядах, сочинениях, деятельности.

Юстин Философ, умерший в 166 г., во «Второй Апологии» и в «Разговоре с Трифоном Иудеем» не раз упоминает Апокалипсис и даже свидетельствует, что его написал Иоанн, один из апостолов Христовых⁸. Оба сочинения Юстина хорошо датируются: первое концом 40-х гг., второе – началом 60-х гг. II в. н. э. Морозов, приведя одно место из сочинения Юстина, где говорится об Апокалипсисе, добавляет: «Это, насколько мне известно, единственная фраза, которой снабдил Юстина средневековый редактор (или даже составитель) его сочинения». Но даже самый тщательный филологический анализ текста Юстина не позволяет обнаружить позднейшей вставки. Здесь Морозов придумывает «средневекового редактора», чтобы зацитить свою концепцию.

Ириней Лионский (ок. 130–202), автор известного сочинения «Против ересей»⁹, был учеником Поликарпа Смирнского, которому были ведомы люди, лично знавшие апостола Иоанна. Ириней неоднократно цитирует Апокалипсис, прямо указывая (в пятой книге своего труда), что автором его был именно апостол Иоанн. Однако Морозов просто переносит сочинение Ириней из второго века в пятый. Правда, при этом он ссылается на берлинского богослова прошлого века А.Гарнака, якобы утверждавшего, что «Против ересей» – сочинение V в. Эрн, внимательно изучивший работу Гарнака «Хронология древнехристианской литературы», и в особенности все, что было написано об Иринее, не нашел даже намека на упоминания о V в. Таким образом, данная ссылка Морозова оказалась совершенно не обоснованной. И таких примеров вольного его обращения с историческими данными критики приводят великое множество.

Что же касается доводов, так сказать, филологических, то здесь надо обратиться к соображениям специалистов, тщательно изучивших язык Апокалипсиса. Это произведение написано по-гречески, но язык его нелитературный, со многими следами еврейских оборотов. Писал его еврей, переводя еврейский текст на греческий язык. Такие следы еврейского влияния на греческий язык характерны для I в. н. э. (и для более ранних эпох), но совершенно не характерны для IV в. Филологический анализ показывает, что автором Апокалипсиса никак не мог быть Иоанн Златоуст, природ-

ный грек, писавший на прекрасном литературном греческом языке. Как установили филологи, Морозов неважно знал древнееврейский и даже латинский язык и допускал в своих переводах ошибки, искажавшие смысл. В ряде случаев имели место явные искажения и даже «препарирование» текста, выпускались одни места и добавлялись другие, призванные подкрепить выводы автора.

Уже в «Откровении» Морозов сообщил читателям, что работает над книгой «Пророки», в которой намерен подвергнуть астрономическому анализу видения библейских пророков: Иезекииля, Иеремии, Захарии, Исаяи и Даниила. В 1911 г. Морозов был вновь осужден на год тюрьмы за сборник стихов «Звездные песни», в которых царское правительство усмотрело «призыв к ниспровержению существующего строя». Год он провел в Двинской крепости, где и завершил своих «Пророков». По выходе же на свободу, издал их в 1914 г.¹⁰

«Пророки» не произвели столь сильного впечатления, как «Откровение». Их критический разбор был сделан Никольским только в 1925 г.¹¹, когда уже вышел первый том сочинения «Христос». Дискуссия о смысле видений пророков была продолжена в 1930–1932 гг. Никольский писал: «Тут опять-таки при помощи астрономического метода истолкования Морозов доказывал, что книги библейских пророков Иезекииля, Захарии и Иеремии относятся к V в. н. э., а книга Даниила к еще более позднему времени, примерно к 930 г. н. э.; таким же поздним произведением, по мнению Морозова, является и книга пророка Исаяи, для которой он, однако, не указывал более или менее точной даты. Отсюда для Морозова было ясно, что не автор «Откровения» Иоанна заимствовал у пророков, а пророки заимствовали у автора «Откровения»... Но перенесение пророков в V–X вв. христианской эры заставило Морозова пересмотреть некоторые общепринятые взгляды на древнюю историю. Раз пророческие книги оказались произведениями христианских писателей, то возникал вопрос, как же быть с евреями. И Морозов – уже не на основании астрономического метода, а на основании собственных догадок и умозаключений объявил, что никакого еврейского народа не было, а была лишь религиозная секта иудаистов, основанная во II в. неким Иудой-учителем... После таких неожиданных открытий Морозов в заключительных главах «Пророков» уже подвергает сомнению вообще всю древнюю историю, а также древность и подлинность ее памятников». Морозов легко расправлялся с судьбами целых народов. И евреи здесь не исключение. Позже, в труде «Христос», Морозов точно так же расправится и с римлянами, заявив, что никаких римлян вовсе не было.

Определяя время видений пророков астрономическими методами, Морозов, на основании выводов своего «Откровения», уже заранее исключал возможность их описания в дохристианскую эпоху. В видении Иезекииля Морозов видит планеты Марс, Меркурий, Юпитер и Луну (пророк описывал четыре колесницы, запряженные разномастными конями). Целесообразно сравнить точный перевод с еврейского и текст, препарированный Морозовым. В переводе Никольского это место звучит так: «И вот бурный ветер пришел с севера, и большое облако в нем, и блеск был кругом него, и пылающий огонь, и из середины огня (сияло) точно блеск полированной меди. И в середине сего – подобие четырех живых существ; и таков был вид их: образ человека у них, но четыре лица у каждого из них». А вот как переводит этот же текст Морозов: «Пшла буря с севера, большое облако со сверкающими молниями, а вокруг него тянулось сияние Млечного Пути, как светящийся поток, текущий между вспышками огня грозы. На южной же стороне неба были видны четыре живые существа – планеты – и там же выделялся облик человека (в созвездии Змиедержца)». Как видим, Морозов произвольно добавляет в текст грозу, Млечный Путь, южную сторону неба, планеты и созвездие Змееносца (Змиедержца). Это позволяет ему «вычислить» дату события: 5 июня 453 года н. э. Так же он поступает и с текстами других пророков.

Содержание семи громадных томов сочинения «Христос»¹² невозможно прокомментировать в этом письме. В данном труде идет речь не столько об Иисусе Христе, сколько о весьма широком круге вопросов астрономической хронологии и истории человечества. Здесь имеются весьма полезные астрономические таблицы и графики, позволяющие определять дату события по заданной астрономической констелляции (расположению планет в созвездиях). Повторяются многие места из «Откровения» и «Пророков». Производится астрономическая датировка египетских гороскопов из Атриба, Фив и Дендеры, найденных английскими и немецкими археологами. И наконец, излагаются взгляды автора на историю человечества. Вот содержание «Христа» по томам: т. I «Небесные вехи земной истории человечества»; т. II «Силы Земли и небес»; т. III «Бог и Слово»; т. IV «Во мгле минувшего при свете звезд»; т. V «Руины и привидения»; т. VI «Из вековых глубин»; т. VII «Великая Ромея. Первый светоч средневековой культуры».

Историю человечества Морозов представлял себе следующим образом. До I века н. э., по его мнению, никакой истории вообще не было (каменный век). Первый век – это конец каменной эпохи на берегах Средиземного моря, изобретение колеса и топора. Вто-

рой век – эпоха папируса и пергамента, бронзы и железа. Третий век – широкое использование железа, основание «латино-эллинско-сирийско-египетской империи», представлявшей собой единое государство с единой историей, которую современные ученые ошибочно (с точки зрения Морозова) принимают за историю разных государств: Египта, Греции, Рима, Вавилона, Ассирии. Четвертый век – «Столбование» Василия (Иисуса Христа), появление Апокалипсиса и начало христианства. Пятый век – появление библейской литературы. Затем идут века с IV до XIII и, наконец, XIV век, когда появляется «мода» писать от имени воображаемых греческих и римских авторов; возникают сочиненные средневековыми авторами «древняя история» и «древняя наука». (В другом месте Морозов относит создание «Начал» Евклида и «Альмагеста» Птолемея не к XIV, а к XII в., что впрочем, одно и то же.)

Историки, философы и астрономы подвергли критике эти построения. Их статьи можно условно разделить на три категории. Авторы публикаций, относимых нами к первой категории, спокойно и обоснованно опровергают все основные выводы Морозова и их аргументацию, используя – одни исторические (Никольский), другие астрономические (Идельсон) доводы. В статье последнего¹³ приводится, в частности, и такой аргумент в пользу того, что «Альмагест» Птолемея написан именно во II, а не в XII в. Птолемей в своем звездном каталоге координат звезд допустил ошибку в определении постоянной прецессии, получив для нее 36" в год вместо правильных 50". Астроном XII в., приняв значение 36", допустил бы для II в. ошибку в 3–4 градуса, что намного превосходило погрешности наблюдений. Если бы даже он принял верное значение 50", то и тогда он не смог бы «реконструировать» ошибку Птолемея на 1 градус, да и непонятно, зачем бы он, имея верное значение этой величины, приписал бы Птолемею неверное. Все наблюдения, приведенные Птолемеем в его «Альмагесте» за громадный период: от VIII в. до н. э. (Древний Вавилон) до II в. (эпоха Птолемея), то есть за 9 веков, проверены по современным теориям и их датировка Птолемеем полностью подтверждена. А благодаря несоизмеримости планетных движений повторение наблюдавшихся небесных явлений невозможно на протяжении многих тысячелетий.

К работам второй категории относится статья специалиста по истории древнего мира – А.В.Мишулина¹⁴. Этот автор объявляет, что работы Морозова написаны с идеалистических позиций и потому вредны. В то же время Мишулин высказывает и ряд здравых мыслей в защиту общепринятой хронологии истории, хотя и упрекает Морозова за то, что тот не отразил в своих трудах главного

движущего фактора истории – классовой борьбы. Но наибольший интерес, пожалуй, представляет третья категория. К ней относятся статьи капитана дальнего плавания И.А.Сергеева и астронома-любителя Б.Л.Гржегоржевского¹⁵. Эти авторы также пытались выявить астрономический смысл в видениях пророков и апостола Иоанна, но пришли к совершенно иным выводам. Еще в 1930 г. Сергеев предполагал выступить на собрании Нижегородского кружка любителей физики и астрономии с докладом о предлагаемой им датировке видений пророков. А вся суть работы Сергеева состояла в том, что он подобрал для соответствующих констелляций даты, вполне согласующиеся с историческими данными о времени жизни и деятельности библейских пророков. Он написал об этом Морозову, но тот критики его не принял, и Сергеев был вынужден направить свою статью в журнал «Мироведение», где она и была опубликована. В том же номере журнала был помещен ответ Морозова. Вновь настаивая на точности своих расчетов, он даже не пытался опровергнуть расчеты Сергеева, и тем не менее называл эту статью «зданием на песке» (так Сергеев охарактеризовал труды самого Морозова).

Сергеев подчеркивал необходимость увязывать астрономические расчеты с историко-социальными факторами, иначе говоря, с данными исторической науки. Для констелляций, выведенных им из анализа видений пророков, описанных в Библии, Сергеев получил данные, которые позволяют сделать вывод о том, что даты видений Иезекииля хорошо согласуются с историческими данными, чего нельзя сказать о видениях Захарии. Последнее Сергеев объяснял тем, что тот жил не при Дарии I Гистаспе, как принято считать, а при Дарии II (423–404 г. до н. э.); тогда даты вполне согласуются. Исходя из полученных им дат, Сергеев определил время разрушения Иерусалима 597 г. до н. э., что соответствует историческому году переселения евреев в Вавилон. Пленение иудейского царя Иоакима произошло, по Сергееву, в 608 г. до н. э. (по историческим данным – в 598 г.).

Седьмой том труда «Христос» был последним, увидевшим свет, хотя были вполне готовы к печати еще три тома. Они остались в рукописях и хранятся в фонде Морозова в Архиве РАН в Москве¹⁶. Эти три тома не вышли в свет по обстоятельствам, связанным с изменением идейно-политической обстановки в стране. И несмотря на заверения Морозова (в ответе Сергееву), что он сторонник диалектического материализма, из оставшихся томов труда «Христос» это никак не следовало. И уж совсем не согласовывались взгляды Морозова с господствовавшей тогда школой М.Н.Покровского,

Подведем итоги. Исходя из верной в принципе идеи, что в памятниках древности, в том числе и в Библии, можно найти указания на те или иные астрономические явления, а затем путем вычислений найти их датировку, Морозов тем не менее допустил ряд ошибок, приведших его к неправильному взгляду на историю. Он оказался в плену навязчивой идеи, которая была вполне обоснованно раскритикована историками, филологами, астрономами.

Современные последователи Морозова также пытаются переиначить историю. Хотелось бы, чтобы печальный пример их предшественника послужил им уроком.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См. Николай Александрович Морозов, ученый-энциклопедист. – М., 1982; Николай Александрович Морозов (1854–1946). – М. 1981.

² *Морозов Н.А.* Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса. – СПб., 1907.

³ *Шевеленко А.Я.* Апокалипсис и его сюжеты в истории культуры // «Вопросы истории», 1996, № 11–12.

⁴ См. Василий Великий (биография) // Христианство. Т. 1. – М., 1993. С. 339–342.

⁵ *Аксаков Н.П.* Беспредельность невежества и Апокалипсис (Краткий ответ на книгу Морозова) // «Церковный вестник», 1908, № 1, 2, 4.

⁶ *Никольский Н.М.* Спор исторической критики с астрономией. По поводу книги Н.Морозова «Откровение в грозе и буре». – М., 1908.

⁷ *Астров П.* По поводу книги Н.Морозова «Откровение в грозе и буре». – М., 1908; *Юнгеров П.* «Откровение в грозе и буре». (Опыт критического разбора книги Н.Морозова). – Чернигов, 1913.

⁸ См. Иустин Философ // Христианство. Т. 1. С. 656–658.

⁹ Ириней Лионский // Христианство. Т. 1. С. 647–648.

¹⁰ *Морозов Н.А.* Пророки: История возникновения библейских пророчеств, их литературное изложение и характеристика. – М., 1914.

¹¹ *Никольский Н.М.* Астрономический переворот в исторической науке (По поводу кн. Н.А.Морозова «Христос». – Л., 1924) // «Новый мир», 1925, № 1.

¹² *Морозов Н.А.* Христос. Кн. 1. – Л., 1924; Кн. 2. – 1926; Кн. 3. – М.–Л., 1927. 2-е издание: Кн. 1. – М.–Л., 1927; Кн. 4. – 1928; Кн. 5. – 1929; Кн. 6. – 1930; Кн. 7. – М.–Л., 1932.

¹³ *Идельсон Н.И.* История и астрономия // «Мироведение», 1925, 2.

¹⁴ *Мишулин А.* История с астрономией, или астрономия против истории // Революция и культура», 1930, № 23.

¹⁵ *Сергеев И.А.* Здание на песке («Христос» Н.А.Морозова) // «Мироведение», 1931, № 2; (там же см. *Морозов Н.А.* Письмо в редакцию «Мироведения»); *Гржегоржевский Б.А.* К дискуссии о «Христе» Н.А.Морозова // «Мироведение», 1932, № 1–2; *Сергеев И.А.* Замечание по поводу статьи тов. Гржегоржевского. Там же. С. 138.

¹⁶ Архив РАН, ф. 543, оп. 1, д. 362–389.

Н.А.Морозов – дилетант-энциклопедист

«Частые ссылки на Н.А.Морозова нисколько не подкрепляют Вашу позицию, а скорее настораживают. Морозов был замечательным человеком и прожил удивительную жизнь. Он занимался химией, физикой, математикой, метеорологией, астрономией, историей. Однако, в силу ряда особенностей его жизни и личности, *все его занятия носили дилетантский характер*».

Ю.А.Завенягин. Из Первого письма к А.Т.Фоменко [8]

Н.А.Морозов–М.М.Постников–А.Т.Фоменко

Н.А.Морозов (1854–1946) – «отец-основатель» бредовой «новой» хронологии. М.М.Постников (родился в 1927 г.) – идейный «внук Морозова» и «реаниматор» его антиисторического бреда. А.Т.Фоменко (родился в 1945 году) – «идейный правнук» Н.А.Морозова, и идейный «сын» М.М.Постникова, ловко отнявший у своего «отца», т.е. М.М.Постникова, «венюк Лауреата Геростратовской премии». «Драматическая», а скорее, трагикомическая история о том, как «сын» Фоменко отнял у своего «отца» Постникова звание «Первого Герострата Мира в области Истории» изложена в 1997 г. самим М.М.Постниковым в [25] (см. в связи с этим [13; 24; 25; 26; 27], а также статью С.П.Новикова [23, 70]).

Здесь отметим лишь главное, в рамках данной статьи, о чем пишет М.М.Постников в юбилейном (!) номере журнала, посвященном его 70-летию: «...В истории же, по-видимому, подобных исследований хронологии (подобных Морозовским. – В.Х.) с методологической точки зрения не было. В истории же ложная хронология существует не 20–30 лет, а все 300–400, и только парадоксы, которые обнаружил Морозов, заставляют ее пересматривать...». «...В истории вообще нет понятия неопровержимого доказательства. Поэтому с таким трудом и пробиваются парадоксальные идеи Морозова» [25].

М.М.Постников все объясняет «гениально» просто: у стариков историков-академиков СССР и современной России с помощью «импринтинга» (!?) в память «вросла» неправильная, «старая» хро-

нология (т. е. такая же, какая была у Н.М.Карамзина, Т.Н.Грановского, В.О.Ключевского, С.М.Соловьева и многих, многих других!).

Поэтому надо просто терпеливо подождать, когда узурпаторы академики-историки-старика с «плохим» импринтингом¹ вымрут, как динозавры. Вместо них возникнут академики-историки с «морозовским» импринтингом. У них будет авторитет, к ним будет прислушиваться и прочая историческая общественность. «Вот это и есть совершенно необходимое (и достаточное) условие победы Морозовщины» [25, 107]. Такова заключительная фраза статьи М.М.Постникова. Еще в 1965 г. Михаил Михайлович убедился в том, что «Морозов в основном прав» [25, 105]. И с тех пор Постников исповедует известный афоризм: «Учение Н.А.Морозова все-ильно, потому что верно», а поэтому «Господа и товарищи-историки всех стран, академики и профессора с «неморозовским» импринтингом в памяти! Вымирайте поскорее во имя торжества светлых идей «новой хронологии» Морозова!».

По-видимому, М.М.Постников провел прямую аналогию между признанием математиками идей неевклидовой геометрии Н.И.Лобачевского с возможным (по его мнению) признанием «новой хронологии» Н.А.Морозова: «Скорее всего неевклидова геометрия была принята по той простой причине, о которой на заре XX в. говорил соиздатель квантовой механики Макс Планк: «Новая научная истина побеждает не потому, что ее противники убеждаются в ее правильности и прозревают, а лишь по той простой причине, что противники постепенно вымирают, а новое поколение усваивает эту истину буквально с молоком матери» [10, 105].

Однако *аналогии здесь нет и быть не может*, ибо «новая хронология» Н.А.Морозова – не новая научная истина, а «бредовый миф», плод большой фантазии «пламенного революционера-писателя-сельбургского узника» и «выдающегося дилетанта» (т. е. невежды) (об этом еще будет сказано ниже). Увы, «...у каждого века есть свои мифы. Их принято называть высшими истинами» [10, 83].

М.М.Постников и А.Т.Фоменко поддерживают этот «миф о Н.А.Морозове» (с их точки зрения это естественно, ибо приятно и почетно быть апологетами выдающегося научного «деда» и «прадеда» соответственно).

Вот что пишет о Н.А.Морозове А.Т.Фоменко:

«• Н.А.Морозов (1854–1946) – выдающийся ученый-энциклопедист, революционный и общественный деятель...

• в 1924–1932 гг. Морозов издал фундаментальный 7-томный труд «Христос» ...этот труд был опубликован благодаря поддержке В.И.Ленина, а затем и А.В.Луначарского...» [31, 13–14].

А.Т.Фоменко говорит также о его выдающемся вкладе в химию и некоторые другие естественные науки, приводя перечень семи публикаций о нем.

А вот по мнению действительно выдающегося ученого, профессионала «высшей пробы», физика и астронома Ю.А.Завенягина: *ВСЕ (!) занятия «выдающегося ученого-энциклопедиста» были ДИЛЕТАНТСКИМИ!* (см. эпиграф к настоящей статье).

Ю.А.Завенягин ничему не верил на слово, и поэтому он сам лично в Ленинской библиотеке изучил все имеющиеся там материалы о Н.А.Морозове. Мне тоже пришлось провести в «Ленинке» достаточно времени, чтобы ознакомиться с этими материалами. Далее, для краткости, мы приводим здесь из этих материалов *только* либо наиболее важные, либо показавшиеся нам наиболее интересными.

Морозов – автобиограф (по материалам из РГБ)

Н.А.Морозов – пламенный революционер-народоволец, узник Шлиссельбургской крепости. Его три тома «Повестей моей жизни» (было три издания) поражают следующими особенностями:

- гипертрофированные эгоизм и тщеславие автора,
- в связи с этим, крайне скудная информация.

Например, нет ни одного слова (!) об отце-помещике и матери-крестьянке (он был внебрачным сыном), о жене, о своих детях и т.д. Нет ни одного слова (!) о встрече с К.Марксом, о молодых друзьях и соратниках по обществу «Земля и Воля»²: Г.В.Плеханове, а также Николае Кибальчиче³ и других народовольцах. Кстати, многие из уцелевших «шлиссельбургских» узников, нормальных, неэгоистичных людей, в своих воспоминаниях *пишут* и о Н.А.Морозове (см., например, «Мемуары полковника М.Ю.Апенбреннера» [2] и другие мемуары и документы).

Ничего не написал Н.А.Морозов о своей жизни после выхода из крепости (т.е. о периоде с 1906 по 1946 г.!). Любитель парадоксов Н.А.Морозов сам стал жертвой парадокса: он чрезвычайно дилетантски описал (т.е. *не описал...*) даже свою жизнь.

Что удалось установить в «Ленинке»? Н.А.Морозов летал метеорологом, как и Д.И.Менделеев, и А.А.Фридман на воздушном шаре; был летчиком; военным корреспондентом и фотографом газеты «Русские ведомости» в 1914 г. в Польше; был в окопах на передовой, под обстрелом и бомбежкой; издал интересную книгу документальных очерков [17]⁴. Особенно впечатляет своим искренним протестом против кровопролития в Первой Мировой Бойне рассказ «Куда грядешь?».

После Великой Октябрьской социалистической революции Н.А.Морозов и В.Н.Фигнер стали «живыми иконами» и символами борьбы с царизмом.

Биологическая Лаборатория в Петрограде (существовала до 1917 г. на средства благотворителей) в 1918 г. была преобразована в Государственный Естественно-Научный Институт имени П.Ф.Лесгафта, и Н.А.Морозов был назначен его директором. В институте работали выдающиеся биологи-ламаркисты⁵, а также энтузиасты «новой хронологии». (Совсем как потом у А.Т.Фоменко: и математика (у Морозова – биология), и «новая хронология».)

Н.А.Морозову, как «живой легенде и революционеру» успешно провели операцию «омоложения»⁶, после чего он с утроенной энергией (в возрасте более 72-х лет) стал создавать (вместе с анонимным коллективом) свой эпохальный труд («Христос», в 7 томах [21]).

В 30-х годах все биологи-ламаркисты были репрессированы. Заступался ли Н.А.Морозов хотя бы за одного из них, неизвестно. Если бы заступался, то пострадал бы (и было бы известно), как например, С.П.Капица за Л.Д.Ландау или А.П.Завенягин за академика И.М.Губкина.

Жаль, но мы никогда не узнаем, мучали ли Н.А.Морозова, урызания совести при воспоминаниях о биологах-ламаркистах (возможно, среди них были и те, кто продлил с помощью операции «омоложения» его активную, творческую жизнь...). Никогда не узнаем, раскаялся ли Н.А.Морозов в том, что он был сторонником кровавого террора (вопреки Г.В.Плеханову). Его друг и соратник, 28-летний Николай Кибальчич в своем последнем слове горько раскаялся, сказав, что «...отнятие жизни человека... – является вещью ужасною» [9], но Н.А.Морозов не нашел ни одного теплого слова о своем несчастном друге⁷ и даже нигде не упомянул имя Кибальчича (хотя в декабре 1879 г. в Петербурге вместе встречали Новый год молодые Кибальчич, Желябов, Перовская, Морозов и его жена – Любатович (Джабадари) и другие [9]).

Итак, эгоизм, бездушие и тщеславие – черты личности Н.А.Морозова, вытекающие из всего вышеизложенного.

Морозов – поэт

В РГБ хранится уникальная, раритетная книга его стихов [15]. В ее начале – теоретически-просветительское поучение «Наука в поэзии и поэзия в науке» [15, I–XIII]. Цитируются без перевода, на английском, стихотворения Стивенсона, далее – астрономические стихи (Щербины – на русском, Гете – на немецком, Рамо – на французском и в переводе на русский). Далее – рассуждения об ис-

тинной теории «всенародного, общечеловеческого» стихосложения (в том числе о трионах, тетронах (пеонах), пентонах, гексонах, гептонах, октонах и нононах...). Теория – «на высоте», а стихи, по-моему, не очень. Вот образец:

В сарае я встречно
 Амурился с Раей,
 Но выпло к нам нечто
 С зубами и с лаей...

Это пеоны, пентоны или нононы? Или просто «перлы»? Много виршей астрономических, астрологических, тюремных... А вот еще один образец лирики:

ТРЯПОЧКИ

В твой комод взглянув порою,
 Поражен бываю я:
 Сколько там передо мною
 Всяких тряпочек – белья!

Верно, друг мой, много силы
 У моей к тебе любви,
 Если сердцу странно милы
 Даже тряпочки твои!

А вот и самое финальное, программное восьмистишие (1918 г.):

Моих стихов невнятны звуки
 Живущим тускло в наши дни:
 В них мир таинственной науки,
 В них неба вечные огни.

Мои слова – иероглифы:
 Их разберет грядущий век.
 И что прочесть не смогут скифы,
 Узнает новый человек.

Вот так: *хотя высокомерно, зато честно...* Современники Н.А.Морозова – «скифы» – не смогут прочесть (т. е. по достоинству оценить!) его поэтические астрономические вирши-фантазии.

Не буду оценивать все поэтическое творчество Н.А.Морозова, хотя отмечу например, что на его стихи написаны два романа.

[...] Общий вывод: стихи Н.А.Морозова и его «Поэма веков. Шлиссельбургский узник» являются интересным и важным памятником эпохи и заслуживают уважительного и тщательного исследова-

дования (например, на филологическом факультете МГУ), но, одновременно, *говорят о переоценке автором своего поэтического дара*. Сильной стороной поэзии Н.А.Морозова является именно *острая публицистичность его некоторых произведений*. Блистательно-мрачен и саркастичен его «Боевой клич» (1916 г.) о Первой Мировой войне, где он пишет, что народы Европы перебьют друг друга, и тогда:

...Вперед же! Под пули! Воюйте во славу
«Возлюбленных» ваших и «мудрых» вождей.
Вы будете босы, вы будете голы,
Крапивой покроются ваши поля.
Тибетцы, китайцы, киргизы, монголы
Придут вам на смену... Готова земля!

Это мудрое и грустное пророчество Н.А.Морозова о будущей истории народов всей Европы, если правители ее народов не перестанут следовать политике «Pax pacem – pax bellum»... Однако, чтобы народы имели будущую историю, им следует знать историю прошлую. Но о Морозове-историке мы еще скажем ниже...

Морозов – химик

«...Существование благородных газов было предсказано еще в 1883 г., т. е. за 11 лет до открытия аргона, русским ученым Н.А.Морозовым...». Он... «правильно определил место благородных газов в периодической системе, выдвинул представление о сложном строении атома, о возможности синтеза элементов и использования внутриатомной энергии... его замечательные предвидения стали известны только в 1907 г. после издания его книги (см. [19]), написанной в одиночном заключении». Проф. Н.Л.Глинка [3, 647].

В заключении Н.А.Морозов выписывал из Лондона журнал Уильяма Крукса⁸ «The Chemical News», устроил небольшую химическую лабораторию, читал другим заключенным лекции по химии (одиночное заключение не было постоянным, в чем проф. Н.Л.Глинка невольно ошибался), сочинял и рассказывал в своих лекциях также свои «остроумные фантазии» с целью популяризации различных естественно-научных положений [2].

Книга Н.А.Морозова потрясает огромной творческой фантазией автора и беспредельным полиграфическим искусством издателя И.Д.Сыгина [19] (огромные цветные литографии-таблицы, в их печати помогал сын И.Д.Сыгина – химик, искренне преклонявшийся перед «химическими» и другими талантами Н.А.Морозова).

Н.А.Морозов поставил перед собой грандиозную цель: попытаться создать такую теорию строения химических элементов, из

которой следовала бы *более общая* (!) периодическая схема элементов, чем созданная в 1869 г. Д.И.Менделеевым. Н.А.Морозов попытался «дедуктивно вывести периодический закон на основании... *теории комбинаций*», им разработанной.

Вот некоторые краткие цитаты из [19]:

«...современный атом гелия есть молекула, состоящая из двух под-атомов, связанных двойной связью»...;

атомы... «предполагаются в ритмическом прерывистом соединении между собою, а потому могут скользить один по другому, разъединяться и огибать струйчатым способом тела, движущиеся в их среде...»;

существует, пока неизвестный, химический элемент Z, который Н.А.Морозов называет *архонием* (схема атома архония в [19, 154]), глубоко погребенный в недрах Земли (?!),

а также «...всего вероятнее найти признаки *архония* на Солнце и других звездах того же типа..., и притом не на глубине, а на поверхности светила (?!)» [19, 155].

Сказанного достаточно.

Самые главные элементы теории Н.А.Морозова остались лишь бесплодными «фантазиями» (т.е. выдумкой); хотя, конечно, иногда «фантазии» и осуществляются. Например, ученый из Академии Наук в г. Лагадо рассказал Гулливеру (Дж. Свифт «Путешествие в Лапутию»), что он занимается «извлечением солнечных лучей из огурцов». «Фантазия» Свифта (1726 г.) сбывается в наше время: с помощью управляемого термоядерного синтеза будут добывать «солнечную энергию» из воды (которой так много в огурцах).

Примечательно, что после выхода на свободу Н.А.Морозов прекратил занятия химией в прежних масштабах: его уже увлекли новые (такие же «грандиозные», как в химии!) «фантазии» с целью «перевернуть вверх дном весь существующий порядок вещей», на этот раз в области истории религии и истории человечества...

Таким образом, по «гамбургскому счету», Н.А.Морозова следует, по нашему мнению, считать *дилетантом-фантазером и в области химии* (по крайней мере, с учетом его потенциальных творческих способностей и сравнения реально значимых полученных результатов и квази-результатов, т.е. бесплодных результатов и грандиозных бесплодных фантазий).

Н.А.Морозов – лингвист и математический статистик

В ответ на Морозовскую статью [16] появилась серьезная статья очень серьезного, выдающегося математика А.А.Маркова [12].

Н.А.Морозов взял куски произвольных текстов нескольких авторов (А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь, И.С.Тургенев, Л.Н.Толстой) одинакового размера (тысяча слов) и подсчитал количество случаев использования частицы «не» и получил «поразительный» результат: количество случаев использования этой частицы у взятых авторов оказалось заметно разным!!

Дилетант – он и в лингвистике дилетант. Н.А.Морозов, возможно, торопился и поэтому взял *недопустимо малую базу данных* (всего 1000 слов). А.А.Марков перепроверил результаты статьи [16], взяв по 5000 слов (что, по его собственному мнению, тоже мало) и получил существенно другие результаты.

Вот выводы А.А.Маркова: «...Постоянство итогов, другими словами – *устойчивость их – не принимается на веру, а устанавливается в самом исследовании, при нем должен быть выяснен и размер колебаний* (курсив мой. – В.Х.)...». Ссылки же на постоянство других итогов, если бы даже они были совершенно верными, и на общий закон больших чисел, *нисколько не показывают устойчивости рассматриваемых итогов...*», Н.А.Морозов «...не обратил внимание на указанное условие»... «Итак,... подсчеты немногих тысяч последовательных слов – шаткое основание; замена одних тысяч слов другими может превращать такое заключение в противоположное, что и *указывает на их* (т. е. подсчетов) *сомнительность*» [12]. Нужен подсчет сотен тысяч слов.

Итак, статистические выводы, если они опираются на «шаткое основание», ведут к ложным выводам, как у Н.А.Морозова, так и у его «компьютерного апологета» – А.Т.Фоменко с его «нарративно-статистическим» методом.

Морозов – астроном и историк

Н.А.Морозов, опираясь на свои астрономические знания, решил совершить грандиозный переворот в истории религии и в истории человечества вообще. При этом он, к сожалению, совершенно забыл об уважительном, бережном отношении к Истории, забыл афоризм древних: «HISTORIA LUX VERITAS, VITA MEMORIAE» – «история – свет истины, живая память».

Книга Н.А.Морозова «Откровение в грозе и буре» [18] вызвала бурю негодующих статей, *детально* доказавших вопиющее невежество (*дилетантизм*) автора и одновременно указавших на его необоснованные, фантастические гипотезы и построения. Из многих откликов приведем здесь, для краткости, лишь два [1; 30]:

«Утверждать, что Апокалипсис написан Иоанном Златоустом, это почти все равно, что... «Война и мир» принадлежит Достоевскому

или Державину». «Книга Морозова – не научное исследование. Исторические выводы его не соответствуют действительности» [7].

В статье [30] убедительно показано, насколько «неустойчива, слаба и беззащитна позиция, занятая Н.Морозовым». Показано, что Н.Морозов плохо знаком и с исторической, и с филологической стороной предмета.

«Книга Морозова отрицает (написанное им самим) приложение к ней, а приложение – отрицает книгу» [30, 285]. «Неужели Н.Морозов считает возможным ссылаться на несуществующие авторитеты, – выдумывать факты, которых нет?.. Н.Морозов очевидно абсолютно не знаком с латинским языком, не знает его самым элементарным образом». «Морозов – филолог-дилетант, делающий элементарнейшие ошибки в переводе с латинского языка, совершенно не умеющий обращаться с историческими материалами». Подчеркивается «фантастичность основной идеи Н.Морозова, ненаучность его рассуждений, некритичность его методов».

Столь же «высокого качества» его «фантастическая» книга «Пророки» [20]. Мы не будем ее здесь комментировать. Укажем лишь, что содержание «Пророков» полностью подтвердило, увы, худшие предположения и предостережения В.Эрна:

«...Если он обещает с Пророками проделать ту же самую операцию, которую он проделал с Апокалипсисом, то этим он *заранее ставит крест на своем новом*, еще не появившемся произведении.

«Пророки» Н.Морозова или должны быть написаны по совершенно новому методу, или же в *научном отношении они будут так же недоразумением*, каким, после всего вышесказанного, приходится признать «Откровение в грозе и буре».

Н.Морозов неправильно понимает сочувствие общества к его произведению. Общество чтит в нем страдальца, борца за идею.

...Но от сочувствия к человеку, которому выпал исключительный жребий оставшегося в живых мученика, до научного признания высказанных им мыслей – целая пропасть.

Сочувствие это необходимо. И горе тому обществу, которое не сумело бы чтить таких людей, как Н.Морозов. Но вместе с тем: горе тому обществу, которое может серьезно признавать такие незрелые плоды мысли, как «Откровение в грозе и буре»! Этим признанием оно выносит себе приговор *в умственном несовершеннолетии*⁹ (курсив мой. – В.Х.) [30, 294].

Н.А.Морозов полностью проигнорировал абсолютно все критические статьи и все пожелания относительно кардинального улучшения качества его будущих творений. Очевидно, Н.А.Морозов решил в дальнейшем, вопреки советам В.Эрна, П.Асгрова и мно-

гих-многих других, при написании своих многочисленных «творений», переполненных антиисторическим бредом, опираться именно на ту самую «умственно несовершеннолетнюю» часть общества, которая ему рукоплескала на публичных чтениях, покупала и жадно читала его «гениальные» опусы.

Вот что пишет о «фундаментальной» 7-томной эпопее Н.А.Морозова «Христос» [21] его идейный «правнук» А.Т.Фоменко:

«...Этот труд был опубликован благодаря поддержке В.И.Ленина, а затем и А.В.Луначарского... Выход в свет труда (Н.А.Морозова) вызвал оживленную полемику в печати, отголоски которой присутствуют и в современной литературе. При этом были высказаны некоторые справедливые замечания, однако в целом концепция Морозова оспорена не была» [31, 14].

Сейчас мы кратко покажем, насколько верным является это утверждение Фоменко относительно оценки труда Морозова в 20–30-х годах XX века (подробнее см. библиографию в работах [4; 5], взяв, в качестве примера, только три работы [14; 22; 28]. Ограничимся лишь, по возможности, краткими цитатами.

Профессор Н.М.Никольский:

«...Между прочим, Морозов... очень беспокоится, куда девалась рукопись Сократа «Схоластика». Можем его успокоить: две рукописи (X и XI век) находятся в Флорентийской библиотеке, а в Эчмиадзине есть древний перевод с латинского, VII век.

Надо еще добавить, что, кроме давно уже устаревшего Тимендорфа, Морозов не знает никаких работ над рукописями и текстом еврейской и христианской библии» [22, 172–173, прим.].

А вот и итоговый вывод Н.М.Никольского (по Фоменко, «некоторые справедливые замечания»):

«В одном месте своей книги («Христос», 440) Морозов говорит, что Индия – страна чудес не в своей собственной, а только в европейской фантазии..., и что индусские мудрецы, говорящие о древности своей страны, представляют интерес скорее для психиатра, чем для серьезных исторических исследователей.

К сожалению, «чудесные» открытия самого Морозова, сделанные при помощи астрономического и других методов, существуют лишь в его фантазии и для серьезного историка интереса не представляют (курсив мой. – В.Х.)» [22, 175].

Смеем добавить к этим последним словам профессора Н.М.Никольского следующие: *но представляют несомненный интерес именно для врачей-психиатров.*

Как видим, оспорена именно концепция Морозова *в целом*, вопреки утверждению Фоменко!

П.Ф.Преображенский:

«...От переворота, производимого Н.Морозовым, рухнет не одно наше представление о ходе и деятельности исторического процесса, но страдают науки о человеческой культуре вообще; и археология, и этнография, и лингвистика, даже части геологии... должны испытать значительный ущерб от изысканий нового Коперника» [28, 41];

«...Вся революция, производимая Н.Морозовым в науке о человеческой культуре, оказывается на самом деле самой жестокой реакцией, возвращением к младенческому состоянию истории, археологии, лингвистики» [28, 45];

«Предположить же, что целая серия подделок случайно совпала... значит утверждать, что, если возьмем ведро песка и станем высыпать его на землю, то у нас получится, скажем, первая сотня страниц труда самого Н.Морозова с буквами, состоящими из лепших по чьей-то команде в таком удивительном порядке песчинок» [28, 46];

«...Все научные приемы и выводы Н.Морозова таковы, что их надо считать построенными даже не на песке, а на чем-то еще более зыбучем, неосновательном» [28, 46];

«...Есть своего рода психоз самого автора, который пустился в плавание без руля и без ветрил по своей области изучения человеческой культуры в целом. В таком виде, как дано исследование Н.Морозова, оно представляет собой не научное исследование, а печальный памятник того, как может заблуждаться, и заблуждаться нелепо, человеческий ум в представлении какой-либо навязчивой идеи, и что его место лишь в галерее научных курьезов» [28, 48].

В критическом обзоре шести томов «Христа» также имеется серьезная аргументация против «антиисторического» бреда Морозова. Приведем только выводы: «...Все это так просто, но зато учено – как говорит один персонаж у Аристофана...»; «Авантюризм в исторической науке...»; «...Полный априоризм плана исторического развития... субъективно-мистическая интерпретация...» [14].

Сказанного достаточно.

Именно здесь уместно отметить, что в начале Н.А.Морозов свою 7-томную «психо-амбициозную, эпохальную эпопею» собирался назвать с претензией на всеобщность: «История человеческой культуры в естественно-научном освещении» (ведь не зря же он был директором именно *Естественно-научного* Института имени П.Ф.Лесгафта).

Причина переименования проста, и короче всего ее можно объяснить, например, следующим: «...В СССР с уничтожением экс-

плуатации и построением социализма уничтожены и классовые корни религии. Перед трудящимися нашей страны стоит задача ликвидации религиозных предрассудков, как одного из пережитков капитализма в сознании людей» [11, 302–303].

CUI PRODEST?¹⁰ – Семь томов эпопеи авторитетного (написанного знаменитым пиллсельбуржцем) Морозовского «Христа» явились мощной духовной бомбой, заложенной им под образ Иисуса Христа, на радость фанатикам и карьеристам – перевертышам из Союза воинствующих безбожников СССР. Н.А.Морозов вновь стал «террористом» и, объективно говоря, вновь распявшим Иисуса Христа (на этот раз духовно).

Знаменательно, что, когда на печати готовился последний, седьмой, том этой явно антирелигиозной эпопеи «пламенного революционера-террориста», в Москве был взорван Храм Христа Спасителя, построенного в память Героев первой Отечественной войны 1812 г. ...А в знаменитом Казанском Соборе, где 25 июня 1813 г. со скорбью и большими почестями был похоронен глубоко и искренне верующий М.И.Кулузов, именно в 1932 г. был открыт крупнейший в СССР Музей истории религии и атеизма...

Вот почему Н.А.Морозова поддержали В.И.Ленин, А.В.Луначарский, Ф.Э.Дзержинский. Так что, господин Фоменко, Ваша ссылка на авторитеты В.И.Ленина и его соратников только усугубляет трагедию Н.А.Морозова как личности, предавшего, ради мнимой славы и «выживания», сначала веру своей матери-крестьянки, а потом и своих репрессированных сотрудников, *не заступившись за них*, как это сделали в то жестокое время многие люди, высокого ранга, не побоявшиеся репрессий, обрушившихся на них за их честность и несгибаемую принципиальность...

Сталин о Морозове

Чтобы завершить характеристику Н.А.Морозова, позвольте совершить краткий экскурс в историю:

«И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации – нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кулузова!...» (И.В.Сталин. Из Доклада 7 ноября 1941 г.).

Задумайтесь: И.И.Павлов, Г.В.Плеханов, Н.А.Морозов – практически почти ровесники. Плеханов был в оппозиции Морозову (с 1879 г.), т. к. Морозов был за убийства, за кровавый террор. Плеханов был *в оппозиции Ленину и Сталину* за кровавый террор после

октября 1917 г. Павлов был *в оппозиции тоже* до самой смерти (!) в 1939 г. Морозов был за «кровавый террор против царизма», был узником, пламенным революционером, а потом стал «авторитетом в области «антирелигиозного, активного терроризма»: 7 томов его «Христа» – это 7 «террористических бомб» под образ Спасителя. Все это было сделано в угоду, в том числе, И.В.Сталину, взорвавшему Храм Христа Спасителя.

Знал *реальную цену* Н.А.Морозову и И.В.Сталин. Поэтому в труднейший для Родины час он и вспомнил, в числе славнейших имен, И.И.Павлова и Г.В.Плеханова (его *идейных противников!*), но отнюдь не «революционера-энциклопедиста».

Итак, Сталин о Морозове промолчал. Постеснялся упомянуть...
[...]

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ «Вещи, помещённые в память посредством импринтинга, очень трудно выкорчевываются» (М.М.Постников [25, 106]).

² Затем «Черный передел» и «Народная воля».

³ *Николай Иванович Кибальчич* (1853–1881) – выдающийся химик-теоретик и, к сожалению, выдающийся химик-практик и выдающийся инженер-конструктор той самой бомбы, которая оборвала жизнь Александра II 1 марта 1881 г.; автор первого в мире проекта пилотируемого летательного аппарата для полета человека в космос [9].

⁴ Эту книгу [17] следовало бы переиздать. В третьей части есть оригинальные, хотя утопические и, как *всегда*, *фантастические проекты Н.А.Морозова* на тему о том, как *навсегда* (!) исключить возможность войн среди людей Земли.

⁵ *Ламарк Ж.-Б.* (1744–1829) в свое время был почетным членом общества при МГУ см. [29, 1061].

⁶ Видимо, пересадку соответствующих желез соответствующего животного. С такими операциями тогда уже проводились эксперименты.

⁷ Объективно говоря, казнь «народовольцев» 3 апреля 1881 г. существенно увеличила «размеры ореола» Н.А.Морозова, как борца с царизмом «с оружием в руках». Кстати, «С оружием в руках» – название 3-го тома «Повестей моей жизни» Н.А.Морозова, хотя с оружием были как раз другие...

⁸ *Уильям Крукс* (1832–1919) – выдающийся химик и физик и, одновременно, убежденный сторонник спиритизма, за что его критиковал Ф.Энгельс.

⁹ Увы, и сейчас, 96 лет спустя, все еще сбывается пророчество В.Эрна: часть современного общества России покупает и читает бредовые книги А.Т.Фоменко, тем самым вынося себе приговор «в умственном несовершенномлетии».

¹⁰ *Кому выгодно?* – один из принципов Римского права.

ЛИТЕРАТУРА:

- [1] *Астров Павел*. По поводу книги Н.Морозова «Откровение в грозе и буре». – М., 1908. 16 с.
- [2] *Ашенбреннер М.Ю.* Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания. – М., 1924. 200 с.
- [3] *Глинка Н.Л.* Общая химия. 27-е изд. – Л.: «Химия», 1988.
- [4] *Голубцова Е.С., Завенягин Ю.А.* Еще раз о «новых методах» и хронологии Древнего мира // «Вопросы истории», 1983, №12. С. 63–83.
- [5] *Голубцова Е.С., Кошелев Г.А.* История древнего мира и «новые методики» // «Вопросы истории», 1982, № 8. С. 70–82.
- [6] *Ефремов Ю.Н., Завенягин Ю.А.* Астрономия и хронология. Доклад на Международной научно-методической конференции 21 ноября 1997 г. // Сб. «Древняя Астрономия: Небо и человек». – М.: ГАИИП, 1998. С. 125–129.
- [7] *Ефремов Ю.Н., Завенягин Ю.А.* О так называемой «новой хронологии» А.Т.Фоменко // «Вестник Российской Академии Наук», 1999, т. 69, № 12. С. 1081–1092.
- [8] *Завенягин Ю.А.* Первое письмо к А.Т.Фоменко (от 5.08.82) // Астрономия против «новой хронологии». – М.: «Русская панорама», 2001. С. 211–240.
- [9] *Ивашенко В., Кравец А.* Николай Кибальчич. – М.: «Аслан», 1995. 288 с.
- [10] *Клайн М.* Математика. Утрата определенности / Под ред. И.М.Яглома. – М.: «Мир», 1984. 447 с.
- [11] Краткий философский словарь / Под ред. М.Розенталя и П.Юдина. 2-е изд. – ОГИЗ, 1941.
- [12] *Марков А.А.* Об одном применении статистического метода // «Известия Императорской Академии Наук», 1915, т. X, кн. 4, с. 239–242.
- [13] *Михайлов М. (Постников М.М.)* Этот странный радио-углеродный метод // «Техника и наука», 1983, №8. С. 31.
- [14] *Мишулин А.* История с астрономией или астрономия против истории // «Революция и культура», 1930, № 23, с. 69–80.
- [15] *Морозов Николай.* Звездные песни. Первое полное издание всех стихотворений до 1919 г. в 2-х книгах. Книга I. – М.: «Задруга», 1920. 190 с.
- [16] *Морозов Н.А.* Лингвистические спектры. Средство для отличия плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора. Отдельный отгиск «Известий отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук», 1915, т. XX, кн. 4.
- [17] *Морозов Николай.* На войне. Рассказы и размышления. – Петроград, 1916.
- [18] *Морозов Н.А.* Откровение в грозе и буре. История возникновения

- Апокалипсиса, – СПб., 1907.
- [19] *Морозов Николай*. Периодические системы строения вещества. Теория образования химических элементов. – М.: изд-во и типография И.Д.Сытина, 1907. 437 с.
- [20] *Морозов Н.А.* Пророки: История возникновения библейских пророчеств, их литературное изложение и характеристика. – М., 1914.
- [21] *Морозов Н.А.* Христос. Кн. 1. – Л., 1924; Кн. 2. – 1926; Кн. 3. – М.–Л., 1927. 2-е издание: Кн. 1. – М.–Л., 1927; Кн. 4. – 1928; Кн. 5. – 1929; Кн. 6. – 1930; Кн. 7. – М.–Л., 1932.
- [22] *Никольский Н.М.* Астрономический переворот в исторической науке (по поводу книги Н.А.Морозова «Христос») // «Новый мир», 1925, №1, с. 157–175.
- [23] *Новиков С.П.* Математика и история // «Природа», 1997, №2. С. 70–74; *то же* // Настоящий сборник.
- [24] *Постников М.М.* Величайшая мистификация в истории // «Техника и наука», 1982, №7. С. 28–33.
- [25] *Постников М.М.* Необходимые разъяснения к статье «О достоверности древней истории» // «Математическое образование», 1997, №2.
- [26] *Постников М.М.* О достоверности древней истории // «Математическое образование», 1997, №2.
- [27] *Постников М.М., Фоменко А.Т.* Новые методики статистического анализа нарративно-цифрового материала древней истории (препринт) // АН СССР. Научный Совет по комплексной проблеме «Кибернетика». – М., 1980. С. 1–36.
- [28] *Преображенский П.Ф.* Николай Морозов и наука о человеке // «Антирелигозник», 1926, № 11, с. 41–47.
- [29] *Садовничий В.А.* Слово о Московском университете // «Вестник Российской Академии Наук», 1999, т. 69, № 12. С. 1059–1063.
- [30] *Эри В.* Филологизирующий Астроном. Лекция в религиозно-философском обществе памяти В.Соловьева в октябре 1906 г. // «Бог. Вестн.», 1906, ноябрь, с. 262–294.
- [31] *Фоменко А.Т.* Статистическая хронология. (Серия «Математика и кибернетика», №7). – М.: «Знание», 1990. 45 с.

М.А.Городецкий

Н.А.Морозов — переводчик и археоастроном

Современные последователи Н.А.Морозова часто ссылаются на проделанный им «анализ древних затмений». Этот «анализ» можно найти в четвертой книге многотомника «Христос»¹.

Интересно выглядит получающаяся пирамида «исследования» затмений. Известный немецкий специалист по технической хронологии Ф.К.Гинцель в своем каноне затмений² приводит и подробно анализирует большое количество собранных им цитат античных авторов о наблюдениях лунных и солнечных затмений, анализирует затмения, описанные Клавдием Птолемеем в «Альмагесте» и записи о затмениях, обнаруженные на вавилонских глиняных табличках. При этом никаких серьезных проблем в хронологии не находит. Н.А.Морозов, переписывая у Гинцеля все те же цитаты (предусмотрительно умалчивая о вавилонских записях), предвзято их трактует и обнаруживает противоречие с принятой хронологией для затмений ранее 400 г. н. э. М.М.Постников³ анализирует «анализ» Н.А.Морозова и делает на этой основе свои выводы. А.Т.Фоменко и Г.В.Носовский⁴ ссылаются на «статистику древних затмений», сделанную М.М.Постниковым на основе «анализа» Морозова подборки Гинцеля, и обвиняют уже Морозова в предвзятости (поскольку его «анализ» раннесредневековых затмений противоречит их теории).

Обратимся все-таки к первоисточнику недоразумения. Рассмотрев то, что пишет Н.А.Морозов о затмениях до начала новой эры, Ю.Д.Красильников⁵ показал некорректность подхода Морозова и обнаружил огромное количество ошибок, порой арифметических, в этом анализе.

Еще интереснее, однако, оказывается то, что пишет Морозов о затмениях после начала нашей эры. К этому времени относится ряд достоверных и вполне научных описаний, сделанных профессиональными астрономами — Птолемеем, Теоном, Проклом, Героном, китайскими астрологами. В Риме уже начал действовать юлианский календарь и поэтому, если указана дата, датировка осуществляется однозначно. И в ряде случаев так оно и есть. Тем не менее, Морозов почему-то все равно называет свидетельства первых трех

веков «апокрифическими». Разберем один характерный пример, который многое говорит о методах предтечи «нх».

Плиний Старший в своей «Естественной истории», рассказывая о шарообразности Земли, приводит различные астрономические доказательства. В частности, он описывает различные условия видимости звезд на разных широтах – этого уже достаточно для определения времени написания книги. В качестве другого примера Плиний приводит различное время видимости затмений в разных местах Земли.

«Соответственно, населяющие Восток не наблюдают [наши] вечерние затмения солнца и луны, тогда как те, которые живут на Западе не видят [наши] утренние затмения, но они видят эти затмения в середине дня, позже, чем мы. Победу Александра Великого, как говорят, предсказало затмение луны в Арбелах во 2-м часу ночи, а в Сицилии оно было при ее восходе. Затмение солнца, которое произошло при консулах Випстанции и Фонтееусе несколько лет назад, было видно в Кампании между 7-м и 8-м часом дня в канун майских календ [30 апреля], а Корбуло, командующий в Армении, видел явление между 10 и 11 часом – кривизна земного шара открывает и прячет изменения различным образом».

Перевожу с английского по классическому изданию⁶ (русского полного перевода Плиния Старшего, к сожалению, пока нет), справляясь с приводимым там же оригинальным латинским текстом. Датировка затмения однозначна: 59/04/30. И в Риме, и в Армении фаза затмения была велика – больше 0.8. Время затмения в Риме указано верно с точностью до часа в сезонных часах, как это было принято в древности – 12 дневных часов от рассвета до заката и 12 ночных от заката до рассвета. Для Кампании расчетное время примерно на полчаса раньше, для Артаксаты на полчаса позже. Если учесть еще, что для неполного затмения визуально точно определить максимум сложно, то к Плинию вообще нет претензий. Одновременное указание на два удаленных места наблюдения делает это затмение еще более достоверным. «Фальсифицировать» затмение, вычислив с такой точностью его обстоятельства, было невозможно примерно до начала XVIII века.

Кроме Плиния это же затмение описали гораздо менее подробно Тацит и Дион Кассий. «Тогда же произошло много знамений, не имевших, однако, последствий: одна женщина родила змею, другая на супружеском ложе была умерщвлена молнией; внезапно затмилось солнце и небесный огонь коснулся 14 концов города. Но боги были ко всему этому непричастны, и многие годы Нерон продолжал властвовать и беспрепятственно творить злодеяния»⁷.

Возможно, что Тацит, как и Плиний, также описывает это затмение в Армении в Артаксате⁸, но из другого, менее научно подкованного источника. Гинцель не обратил на это внимание.

«Корбулон, расположившись тут же на месте лагерем и полагая, что Тиридат ушел в Артаксату, раздумывал, не отправиться ли ему ночью туда же, оставив обозы, и не обложить ли город осадой. [...] В этом намерении римлян укрепило и как бы ниспосланное богом чудо; в то время, как за пределами Артаксаты все сияло, ярко освещенное солнечными лучами, то, что было опоясано стенами, внезапно скрылось за польхавшей молниями черной тучей, так что казалось, будто сами боги враждебны городу и он обрекается ими на гибель»⁹.

Дион Кассий (I.XI, 16, 4): «Солнце настолько затмилось во время жертвоприношений, состоявшихся в честь Агриппины по постановлению сената, что были даже видны звезды»^{2,9}.

Дион Кассий, похоже, указывает на полное затмение, казалось бы, противореча указаниям Тацита и Плиния. Однако Дион Кассий – греческий историк, написал свою историю по-гречески, активно пользуясь источниками из восточных римских провинций. А по Греции, как раз, затмение 59-го года прошло в полной фазе (0.95 в Афинах). Сам Кассий был сенатором в Никее в Вифинии. Ценность его свидетельства существенно уменьшают два фактора: 1) жил Дион Кассий Коккеян примерно через полтора столетия после описываемых событий; 2) его книга известна лишь во фрагментах в цитатах поздних византийских авторов (полностью сохранились книги с 36 по 60 и 78–79). Так что риторическое украшение про звезды также вполне возможно.

Дион Кассий и Плиний указывают год по консулам (по спискам консулов, которые дошли в передаче многих авторов): Gaius Vipstanus Argonianus и Gaius Fonteius Capito были выбраны как раз в 59 году – еще одна независимая датировка.

Юлия Младшая Агриппина (6.15.15–апрель 59) – дочь Германика и Агриппины Старшей (дочери Марка Випсания Агриппы и Юлии – дочери Августа, сестры Калигулы), мать Нерона – в 49 г. вышла замуж за своего дядю императора Клавдия, которого в 54 г. отравила, чтобы сделать императором сына, который в 59 г. и приказал ее убить в Байях.

Посмотрим теперь, что же пишет об этом совершенно однозначном затмении Морозов. Но сначала одно замечание: Гинцель в своем каноне дает часто сильно урезанные цитаты. При этом цитаты на греческом он переводит на немецкий язык, а латинские нет, поскольку для читателей его времени, получивших класси

ческое образование, их понимание не должно было составлять проблем. Итак, перевод Н.А.Морозова:

XII. Солнечное затмение Плиния накануне майских календ (30 апреля)¹⁰.

Вот как говорит Плиний в своей «Естественной Истории» [Plinius: «Historia Natur», II, 180. Ginzell, N39.] об этом затмении:

«Затмение солнца, бывшее за несколько лет перед консульством Виптано и Фонтейо (??? – М.Г.) накануне (*pridie*) майских календ (30 апреля) в Кампаньи, было замечено между седьмым и восьмым часами дня. Корбуло, герцог (*dux*) (??? – М.Г.) Армянский, рассказал, что между десятým и одиннадцатым часами дня были видны диски то обнаруживающие, то скрывающие друг друга (??? – М.Г.).»

Я практически не знаю латыни, но абсолютная безграмотность перевода мне очевидна. *Solis defectum Vipsano et Fonteio cos.* – стандартная формула указания на то, что затмение произошло в год по консулам. «За несколько лет» указывает на время по отношению ко времени написания «Естественной истории». *Dux* по латыни никак не герцог, а руководитель, командующий. Фраза про «диски» (??!) (в оригинале – это кривизна глобуса – *circuiti globi*) относится не к наблюдению Корбуло, а является разъяснением Плиния, почему события наблюдаются на земле в разных местах в разное время. Это было бы ясно Морозову, если бы он переводил не урезанную цитату из Гинцеля, а обратился к полному тексту самого Плиния. После такого ужасного искажения смысла, оказывается, тем не менее, что решение все равно единственное.

Тацит в своих Летописях (??? – М.Г.) [Tacitus. *Annales*, XIV, 12] говорит, как думают, о нем же:

«Солнце внезапно затмилось, и были поражены молнией с неба 14 сторон города».

Да и Дион Кассий [Dio Cassius, I, XI, 16, 4] в своей «Истории Рима» сообщает, – как думают, – о нем же:

«Посреди празднеств и жертвоприношений, состоявшихся в честь Агриппины по постановлению Сената, произошло настолько полное солнечное затмение солнца, что были видны даже звезды».

Я не решаю здесь вопроса о том, относятся ли эти три записи к тому же самому затмению. Месяц и число определены только в сообщении Тацита (??? – М.Г.), и потому я останавливаюсь лишь на нем (??? – М.Г.), исключив даже и армянское сообщение (как неудобное. – М.Г.), которое могло относиться и к затмению 20 ноября 393 г. (??? – М.Г.), или даже к метеорологическому явлению (??? – М.Г.).

Риччиоли, а за ним Струйк и Цех, отнесли Тацитово сообщение к затмению Солнца 30 апреля 59 г. нашей эры, т.е. к 5-му году Нерона,

с максимальной фазой для Рима 9"8 и 14 ч. 16 м., а для Армянской Артаксаты с Фазой 9"8 в 17 ч. 0 м. Но при нем никак не могли быть видны звезды, как говорит Дион Кассий [В Греции могли быть видны, а Плиний про звезды не пишет]. А в другие дни 30 апреля с начала нашей эры были солнечные затмения только:

59-IV-30 – принятое Гинцелем, но видимое в полной фазе лишь в Марокко, Алжире, Тунисе и на Кипре;

78-IV-30; 10ч.7м. от гринв. полуночи, невидимое в Италии;

97-IV-30; 10ч.38м. от гринв. полуночи, приполярное, частное, невидимое на берегах Средиземного моря;

561-IV-31; 8ч.37м. от гринв. полуночи. Невидимое в Италии, а только в средней Европе, как частное;

599-IV-30; 9ч.16м. от гринв. полуночи, шедшее по Южной Африке, невидимое в Европе;

618-IV-30; 8ч.0м. от гринв. полуночи, приполярное, частное, невидимое в Италии;

1082-IV-30; 19 ч. 32 м. от гринв. полуночи, невидимое в Италии;

1101-IV-30; 3ч.6 м. от гринв. полуночи, невидимое в Европе;

1139-IV-30; 6 ч. 0 м. от гринв. полуночи, приполярное, частное; невидимое в Италии, и больше не было до 1600 года.

Отмечу, что вообще-то надо очень осторожно относиться к приводимым Н.А.Морозовым данным о затмениях, поскольку он выписывал их из очень неточного для древних времен канона Опольцера. Так, затмение 561 года в Италии все-таки было видно, хотя и в малой фазе менее 0.5, но не было видно в Армении. Однако в данном случае на выводы это не влияет.

Таким образом, ни одного затмения, подходящего вполне к описанию Плиния, не оказалось, кроме затмения 59 г., как это и определил Риччиоли. (Естественно! – М.Г.)

Если же мы отождествим Нерона с Валентом, то для его царствования (363-378 гг.) получаем лишь:

364-IV-16, шедшее по южной Швеции и России и видимое в Риме с фазой 6"5 и 367-IV-15, видимое только в Риме на закате Солнца со значительной фазой 8"8, при чем действительно преждевременно наступила ночь и показались звезды

Про дату уже забыли, Армению проигнорировали, звезды Кассия тоже уже не аргумент. Затмение 367-IV-15 было на самом деле практически не наблюдаемо. Максимальная наблюдаемая фаза его на закате была не 8"8, а всего 2" (0.15). Ни о каком преждевременном появлении звезд речи здесь быть не может.

При этом мы отметим, что период майских календ начинался с 13 апреля.

Это что-то новое в календарном вопросе – по определению, календа – первое число месяца.

Таким образом, единственным, немного подходящим (??? не наблюдаемым. – М.Г.) затмением с точки зрения новой хронологии является лишь затмение в год 367-IV-15, если допустить, что в исчислении дней майских календ сделана автором предумышленная тенденциозная и «корректирующая поправка», чтоб отнести это затмение к 59 г. нашей эры уже после того, как был сдвинут туда Валент.

Значит, Плиниевое затмение накануне майских календ или действительно сохранилось в записях до времени Плиния (ох, как не хочется это признавать. – М.Г.), или оно было вычислено «Плинием» (он, видимо, был гением астрономии, раз его теория затмений много лучше Птолемеевой. – М.Г.) потом, на предполагаемое им время Нерона, и приспособлено к уже предпосылаемым историческим подробностям.

Что же касается описания полного солнечного затмения у Диона Кассия, то оно, скорее всего, могло быть списано с затмения 20 ноября 393 г. 10 ч. 20 м. гринв. полуночи, шедшего в полном виде из Венеции по Адриатическому морю в Дарданеллы, а затем в Армению, как это и упоминается у Плиния.

Раз календы 13 числа, почему апрелю не стать ноябрем? А то, что «Валент-Нерон» к этому времени уже 15 лет почивал в гробу и вовсе пустяк.

Видимо, через некоторое время Н.А.Морозов, перечитав то, что он написал про это затмение, почувствовал сомнение. Поэтому в следующем томе¹¹, приводя таблицы затмений, он повторно приходится по затмениям накануне майских календ, обнаруживая, что затмение 561 года было все-таки слегка видимо в Италии. Следует радостное резюме:

Мы видим, что астрономия дает нам здесь только два решения:

30 апреля 59 года в 12 часов 27 минут от гринвичской полуночи;

30 апреля 561 года в 8 часов 57 минут от той же полуночи.

Если принять указанное Плинием время затмения «между 7 и 8 часами дня» за считаемое от полуночи, то подойдет только затмение 561 года для французской Шампаньи (Champagne) (??? – М.Г.), а при счете от восхода Солнца подходит затмение 59 года, но оно будет, по всей вероятности, уже вычисленным (??? – М.Г.), так как трудно предположить, чтобы запись о нем сохранилась до времени появления книги Плиния (в Эпоху Возрождения) (??? – М.Г.).

Забыл только здесь Морозов сказать, с кем в 561 г. отождествляется Нерон. В общем, научный метод Морозова ясен: если факты не укладываются в теорию – тем хуже для фактов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ *Морозов Н.А.* Христос. Т. 4. Во мгле минувшего при свете звезд. – М.: Госиздат, 1928 (переиздание М.: «Крафт+», «Леан», 1998).

² *Ginzel F.K.* Spezielle Kanon der Sonnen- und Mondfinsternisse für das Ländergebiet der klassischen Altertumwissenschaften un den Zeitraum von 900 vor Chr. bis 600 nach Chr. – Berlin: Mayer & Müller, 1899.

³ *Постников М.М.* Критическое исследование хронологии древнего мира. В 3-х томах. – М.: «Крафт+», «Леан», 2000. (Препринт Института им. В.А.Стеклова АН СССР, 1979 год).

⁴ См., например: *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Введение в новую хронологию. (Какой сейчас век?). – М.: «Крафт+», «Леан», 1999.

⁵ *Красильников Ю.Д.* Арифметические и астрономические ошибки норехронолога Н.А.Морозова // Сборник Русского исторического общества №3 (151) («Антифоменко»). – М.: «Русская панорама», 2000.

⁶ *Pliny.* Natural History. II, 180, Loeb Classical Library, v.330.

⁷ *Тацит.* Анналы. – Л.: «Наука», 1969. XIV, 12.

⁸ *Тацит.* Анналы. – Л.: «Наука», 1969. XIII, 41.

⁹ *Schöve D.J., Fletcher A.* Chronology of Eclipses and Comets, AD 1–1000. – Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 1987.

¹⁰ *Морозов Н.А.* Христос. Т. 4. Во мгле минувшего при свете звезд. – М.: Госиздат, 1928 (переиздание М.: «Крафт+», «Леан», 1998). С. 390.

¹¹ *Морозов Н.А.* Христос. Т. 5. Руины и привидения. – М.: Госиздат, 1928 (переиздание М.: «Крафт+», «Леан», 1998). С. 74.

На наш взгляд, приводимые ниже протоколы заседаний Астрономического отделения Научного Института им. П.Ф.Лесгафта в комментариях не нуждаются. Это яркий пример многогранной деятельности ученого-энциклопедиста, каким был Н.А.Морозов

Морозов — физик

Протокол 18-го заседания Астрономического Отделения Научного Института им. П.Ф.Лесгафта

Заседание было открыто 3 мая 1919 г. в 5 ч. дня.

Присутствовали: Н.А.Морозов, Д.О.Святский, М.А.Вильев, М.Я.Мошонкин, С.М.Селиванов, Н.И.Идельсон и Н.М.Штауде.

Было сообщено, что Н.И.Идельсон вычислил эфемериды комет Finlay и Holmes. Работа о появлении этих комет, по постановлению собрания, будет напечатана в Известиях Института или в Изв. Р.О.Л.М.* Далее Н.И.Идельсон подбирает литературу по Дендерскому Зодиаку. Оказывается, что существует несколько чтений положения планет, и даже положение Солнца является спорным. На одном из следующих заседаний предполагается подробный доклад по этому вопросу.

С.М.Селиванов делает предварительный отчет о своих наблюдениях переменных звезд. Между прочим, было произведено 88 набл. переменной Соловьева; предварительная обработка дала, что эта система состоит из двух светлых тел.

Н.Штауде сообщает о своих работах по изучению высоты падающих звезд. Оказываются очень большие личные ошибки, причем замечательна их правильная зависимость от расстояния, от радианта, от видимой длины пути и от степени утомления глаза.

Н.А.Морозов указал, что гиперболические скорости метеоритов всегда казались ему сомнительными, их можно объяснить личной ошибкой, которая всегда вообще направлена в сторону увеличения видимой длины пути. Затем Н.А.Морозов делает доклад о своей работе, касающейся принципа относительности. Вся теория, по его мнению, построена на отрицательном результате опы-

* Русское общество любителей мироведения, основано Н.А.Морозовым в 1909 г. — *Ред.*

та Майкельсона. Но этот результат становится понятным, *если* допустить, что скорость распространения волн не есть постоянная величина, а зависит от скорости движения источника. Под междуволновым влиянием давления скорость распространения волн может быть аномально велика. Этим объясняется то обстоятельство, что снаряды, летящие скорее звука, все же производят впереди себя звук, а также, что бывали случаи, когда звук выстрела слышен раньше команды «пли». Н.А. предполагает произвести некоторые опыты, которые должны служить подтверждением его взгляда и освободить физику от громоздкого и искусственно-построенного здания теории относительности Эйнштейна. М.Я.Мошонкин взялся подготовить техническую сторону этих опытов.

Председатель: *Н.Морозов.*

Секретарь: *Н.Штауде.*

Участник заседания: *М.Мошонкин.*

Протокол 19-го заседания Астрономического Отделения Научного Института им. П.Ф.Лесгафта

Заседание открылось 10 мая 1919 г. в 5 ч. дня.

Присутствовали: Н.А.Морозов, Д.О.Святский, М.Я.Мошонкин, С.В.Муратов, С.М.Селиванов, Н.И.Идельсон и Н.М.Штауде.

Н.А.Морозов сообщает результаты своих опытов, произведенных на артиллерийском полигоне с целью обнаружить давление источника звука на посылаемые им волны. Выстрелы производились одновременно из 2 орудий 3" калибра, направленных в противоположные стороны. При этом не было обнаружено никакой разницы в скорости распространения звука для наблюдателей, находившихся на расстоянии двух верст. Были произведены также контрольные выстрелы из одного орудия, направленного сперва к наблюдателю, потом от него, которые также дали отрицательные результаты. Объясняется это тем, что в обоих случаях давление источника на производимые им волны было слишком кратковременно, можно ожидать успеха лишь в том случае, когда источник однотонного звука сам находится в движения. Эти опыты все же имеют значение, так как подтверждают лишний раз, что звук распространяется лучем: одиночные выстрелы, направленные к наблюдателю, давали резкий звук без эхо, будучи же направлены в

противоположную сторону, давали эхо от зданий полигона, находящихся сзади на расстоянии нескольких десятков саженей, такое же интенсивное, как сам звук: *бум-бум* (курсив наш. – *Ред.*).

В связи с постановкой этих и других опытов, собрание постановило просить Совет временно прикомандировать к Отделению Н.Т.Турчиновича.

Затем собрание выносит пожелание устроить собрание всех сотрудников Научного Института, для их ознакомления между собою, в целях объединения научной работы различных Отделений.

Н.И.Идельсон сообщает, что вычислил зодиакальные таблицы Марса.

С.М.Селиванов сообщает об открытии новой переменной в Орионе любителем Соловьевым. Селиванов поедет в Пулковку, чтобы разыскать там ее снимки и по ним изучить изменение яркости.

Затем собрание поручает Н.А.Морозову и Н.И.Идельсону осмотреть продающуюся библиотеку книг по астрономии и оккультным наукам.

Докладывается, что арифмометр находится в настоящее время у М.А.Вильева, и что наблюдатель Обсерватории Марков нуждается в комнате. Постановлено обратиться в Хозяйственный Комитет с просьбою предоставить ему пока комнату в квартире № 32.

Председатель: *Николай Морозов.*

Секретарь: *Н. Штауде.*

Участники заседания: *Н.Идельсон, С.Селиванов, А.Марков, М.Мошонкин...*

[Несмотря на неудачный «эксперимент», в одном из выпусков известий института им. П.Ф.Лесгафта появилась большая статья Н.А.Морозова с ниспровержением теории относительности.]

По поводу статьи М.М.Постникова и «культурно-исторических» публикаций его последователей

Летом 1982 г. в журнале «Техника и наука» была напечатана статья «Величайшая мистификация в истории?» [1, 28–33], ошеломившая многих. М.М.Постников, отрицая существование античности, одним махом попытался зачеркнуть три тысячелетия в развитии мировой цивилизации. Казалось бы, эта «величайшая» культурно-историческая ампутация столь абсурдна, что не следует придавать ей серьезного значения. Ведь прежние сочинения М.М.Постникова и его последователей [2–3] уже были развенчаны на страницах ведущих советских исторических журналов [4, 171–195; 5, 70–82]. Однако идеи М.М.Постникова приобрели известную популярность среди неспециалистов в области общественных наук. Журнал «Техника и наука» предоставил им возможность публиковать статьи, в которых (в полном согласии с концепцией М.М.Постникова) утверждалось, что античной артиллерии существовать не могло [6, 30–33; 7, 36], что кумранские рукописи подделаны в 40-х годах нашего века [8, 28–30], что радиоуглеродные датировки неправильны [9, 31–32], что греческого огня никогда не было [10].

Именно обилие подобных публикаций заставляет нас вновь вспомнить «Величайшую мистификацию в истории?», которая послужила для некоторых любителей всевозможного рода ниспровержений заразительным примером, и посвятить настоящую статью критическому разбору «Величайшей мистификации...», а также анализу феномена Постникова.

Уверовав (под влиянием книг Н.А.Морозова [11–13]), что античности никогда не существовало, М.М.Постников решил упразднить античные «документы». Таковые действительно не дают «цепочки последовательных копий от античности до момента... тиснения на типографском станке», но А) недостающие звенья методами современной филологической науки восстанавливаются не менее уверенно, чем, скажем, недостающие части скелета в палеонтоло-

* Впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории естествознания и техники», 1984, № 2. С. 114–125

гии, и Б) многие античные «документы», в том числе литературные памятники, дошли до нас в более или менее дефектных экземплярах, древность которых – вне сомнения.

М.М.Постников (сознательно или по незнанию?) умалчивает о существовании: так называемых «вспомогательных» исторических дисциплин, которые давно выработали совершенные методы датировки. Точность палеографических датировок подтверждается множеством датированных рукописей, а также психологически и биологически обусловленной динамикой изменения форм письма во времени. Если же – следуя «методикам» М.М.Постникова – объявить их поддельными, остаются естественно-научные методы определения возраста памятников [14]. Вообще же, неизвестных М.М.Постникову фактов так много, что невольно возникает вопрос: как можно, выхватывая разрозненные сведения, строить на их основе «концепцию», противоречащую всей совокупности исторических источников? Даже поставив под сомнение подлинность рукописей, нельзя отмахнуться от памятников материальной культуры. Достаточно усомниться в историчности Цезаря – и встанет задача доказать неаутентичность сотен надписей, десятков скульптурных и архитектурных памятников, тысяч монет.

С удивительной небрежностью оперирует М.М.Постников и фактами средневековой истории. Проиллюстрируем это на примерах, взятых из «Величайшей мистификации...».

М.М.Постников говорит: «Рукопись Тацита его открывателю Поджо принес около 1425 г. какой-то безвестный монах из какого-то северогерманского монастыря; имя монаха и местонахождение монастыря Поджо никому не сообщил». (Подтекст этого пассажа «...сочинения Тацита являются умелой фальсификацией, сделанной Поджо, который как раз в момент «открытия» им Тацита отчаянно нуждался в деньгах».)

В действительности Поджо Браччолини в 1425 г. лишь начал переговоры о приобретении уникальной рукописи «Орега тiпога» Тацита. От монаха Хершфельдского аббатства (монастырь расположен близ Фульды) Поджо получил лишь инвентарный список, в котором упоминались малые произведения Тацита. Во время трудных переговоров монаха пытались склонить к тому, чтобы тайно привезти рукописи в Рим, но дело так и не увенчалось успехом. Только через 30 лет папа Николай V отправил в Хершфельдское аббатство специального посланника и получил драгоценные рукописи. Что же касается «Анналов» Тацита, то первые шесть книг этого произведения были доставлены в Италию в 1508 г., т. е. через полвека после смерти Поджо [15, 81].

Важнейшими рукописями, сохранившими нам труды Тацита, являются Codex Laurentianus 68, 1, т. е. Mediceus I (единственный источник для первой половины «Анналов») и Codex Laurentianus 68, 2, или так называемый Mediceus II (источник II части «Анналов» и «Истории»). Обе эти рукописи относятся к XI в., т. е. ко временам, когда не родился еще ни Поджо, ни даже его деда и прадеды [16].

Далее М.М.Постников пытается подвести читателя к мысли, что фальсификацией являются и риторические сочинения Цицерона, что их де в 1420 г. подделал миланский профессор Барцицца. Между тем риторические сочинения, т. е. «De oratore», «Orator» и «Brutus», дошли до нас в рукописях, куда более древних, чем 1420 г. Так, сочинение «De oratore» сохранено следующими манускриптами: 1) Codex Abricensis 238 – IX в., 2) Codex Harleianus 2736 – IX в., 3) Codex Erlangensis 848 – X в. [17].

«Orator» представлен рукописями: Codex Trecentis bibliothecae municipalis 552 (написан до 1343 г.) и Codex Oxoniensis Bodleianus latinus class. d. 37 1412 г. [18].

«Brutus»: наличествует fragmentum Cremonense IX в. Большинство рукописей действительно относится ко времени после 1420 г., но к Барцицце имеет отношение лишь одна! [19].

Дезинформирует читателя М.М.Постников и когда утверждает, что «Платон был фактически неизвестен гуманистам до 1482 г., когда Фичино опубликовал латинский перевод его диалогов. Однако несмотря на многочисленные требования друзей и издателей Фичино никому не показывал греческих оригиналов, а после его смерти они пропали бесследно».

В действительности Платон был «фактически» известен не только гуманистам, но и всему средневековью – как христианскому, так и мусульманскому. Имя Афлатуна – так называли Платона арабы – встречается в арабской литературе IX–XVI вв. достаточно часто [20, 173; 21, 386]. Некоторые из его сочинений были переведены. Более того, идеи платонизма и неоплатонизма оказывали определенное влияние на развитие средневековой арабской философии.

Что же касается попытки внушить читателю мысль, будто оригиналы Платона бесследно пропали (со скрытым подтекстом: их де никогда и не было – Фичино их подделал), то и по сей день существуют рукописи: Codex Clarkianus sive Bodleanus, датированный 895 г., Codex Parisinus 1807, тоже конца IX в., и многие другие, в руках Фичино не бывавшие [22].

Тривиальный прием применен М.М.Постниковым в отношении «Афинской политики» Аристотеля, древность папирусного

экземпляра которой столь же мало поддается сомнению, как и древность любого папируса. Подробности же обнаружения хитроумно добытых или украденных предметов, в том числе и древних рукописей, всегда «остаются тайной», которой больше всего интересуются правоохранительные органы.

Итак, наступление на античную историю М.М.Постников начинается с нелепой «расправы» над ее источниками. «Могла ли античная книга дойти до нас?» – задает он риторический вопрос и сразу же отвечает: «...Продолжительность жизни книги всего несколько столетий. Поэтому, чтобы она могла сохраниться в веках, ее нужно периодически переписывать». Несостоятельность этого утверждения явствует из сказанного нами выше. Добавим лишь, что до нас дошли не только сотни самых что ни на есть подлинных античных книг, но и книг куда более старых – древнеегипетских. Мы имеем в виду папирусные свитки, в изобилии сохранившиеся в сухом климате нильской долины. Древнейшие из них относятся к эпохе Старого царства, т. е. к III тысячелетию до н. э. Некоторые свитки имеют значение для истории естествознания и техники. Среди них такие древние тексты, как: 1) *Кахунский медицинский папирус*, относящийся к 1850-м гг. до н. э. (эпоха Среднего царства); дл. – 1 м, шир. – 32 см [23]; 2) *Хирургический папирус Эдвина Смита*, датируемый 1550-ми гг. до н. э. по палеографическим данным, но, вероятно, восходящий к куда более древней рукописи; дл. – 4,7 м, шир. – 32 см*; 3) *Большой медицинский папирус Эверса*, датируемый временем правления Амен-хотпа I, т. е. XVI в. до н. э.; дл. – 20,5 м [25]; 4) *Берлинский медицинский папирус* датируется приблизительно 1300-ми годами до н. э.; дл. – 5,2 м, шир. – 20 см [26] и т. д.

Сохранились математические папирусы: 1) *Московский математический папирус*, относящийся ко времени XII египетского царского дома (эпоха Среднего царства), изданный акад. В.В.Струве [27]; 2) *Папирус Ринд*, датируемый XVIII в. до н. э., содержащий рецепты решения 80 задач [28]. Комментарии, как говорится, излишни.

Не возвращаясь к вопросу о сохранности античной книги, уточним нечто о монахах, причастность коих к переписыванию античных книг вызывает у М.М.Постникова большие сомнения.

Во-первых, в «раннем средневековье» среди монашества не «царила почти полная безграмотность», ибо: А) на Западе светские

* Новое комментированное издание этого текста в настоящее время готовится в ИИЕТ АН СССР автором настоящей статьи. Из зарубежных изданий лучшее принадлежит Дж. Брестеду [24].

школы исчезли лишь к VII в., а традиции утонченного образования жили островками (Ирландия, Испания, Италия) в течение всех «темных» веков; Б) на Востоке культурная традиция античности жила до 1453 г. (год взятия Константинополя турками-османами), подержанная мощью государственного аппарата, а затем перешла на Запад.

Во-вторых, утверждение о том, что «грамотные люди отнюдь не пользовались уважением: на них смотрели со страхом, как на колдунов, прикосновенных к магии и нечистой силе», нуждается в каких-либо примерах. Без этого оно типологически уподобляется «открытию» Олжасом Сулейменовым «факта» основания Киева хазарами. Автор книги «Аз и я» [29] тоже, как это убедительно показал акад. Д.С.Лихачев [30, 310–328], любит сам себе выдумывать источники, уподобляясь герою твенновских «Простаков за границей», который, «прочитав главу из путеводителя, перепугивает из-за плохой памяти все факты, а потом отправляется искать жертву, чтобы обрушить на нее эту мешанину под видом познаний...

– Видите этот холм на африканском берегу?... Это Стопка Геркулеса, так сказать, а вот се ультиматум, рядом с ней»* [37, 107].

Относительно утверждения, что «официальные церковные власти лишь мирились с грамотностью, как с неизбежным и необходимым злом», напомним М.М.Постникову, что христианство есть религия Писания, и книга является в церковной службе одним из священных предметов. Христианство без грамотности существовать не может, и как раз в IX в., в пору «почти полной безграмотности», первоучители славянства, св. Кирилл и Мефодий создали ту самую славянскую азбуку, с помощью которой Постников и К° не сегодня-завтра и их «отменяют».

«Вымышленный» Кассиодор, «фактические сведения» о котором «скудны», – одна из тех фигур раннего средневековья, с которой мы знакомы почти всесторонне. Сия «мифическая» персона оставила наследие, уместяющееся в двух томах in folio убористой печати XVII в. Рукописи VI в. из «Вивария» Кассиодора хранятся в Ленинграде в ГПБ [32, 81, 91, 119]. Ознакомление с уставом кассиодоровского Monte-Cassino могло бы уничтожить сомнения любого непредвзятого человека в том, что монахи раннего средневековья действительно переписывали книги [33, 147–155].

Реальным фактам средневековой истории противоречит и утверждение М.М.Постникова о том, что «на звание коллекционе-

* На эту литературную параллель любезно обратил мое внимание Р.А.Гимадеев.

ров языческих и вольнодумных текстов монахи очень плохие кандидаты». Так, Теодульф, епископ Орлеанский (один из наиболее ученых и даровитых поэтов при дворе Карла Великого), в своем епископстве жил как меценат, любитель роскоши и языческого искусства. Он не только завел в своем епископстве scriptorium, но и собирал всевозможные античные предметы, которые описывал в отдельных стихотворениях [33, 269]. Хорошую начитанность в языческой поэзии, к примеру, обнаруживает в своих стихотворениях Алкуин, один из виднейших деятелей первого этапа каролингского возрождения (диакон и глава архиепископской школы в Йорке с 778 г.) [33, 257]. С глубочайшим интересом к языческой античной культуре сталкиваемся мы и в более поздние времена. Например, Бальдерик Бургельский (с 1089 г. аббат Бургельского монастыря) был страстным почитателем Овидия и Цицерона [34, 233]. Из текстов языческих писателей составлялись sentones «благочестивого» содержания, как, например, библейский cento Пробы Фальконпи (Фальтопин) или «Χριστός Πα σών» в Византии.

Не совсем «точен» М.М.Постников и объявляя «атеистической» поэму Лукреция «О природе вещей», ибо Эпикур (страстным поклонником которого был великий римлянин) учил не о небытии богов, а об их невмешательстве в людские дела. Поэма, кстати, начинается обращением к Венере: «Aeneadam genetrix, hominom divomque voluptas, alma Venus...».

Подтверждением народной мудрости «слышал звон, да не знает, где он» может служить следующее рассуждение, заимствованное из «Величайшей мистификации...»: «Историки утверждают, что сохранилась записка (?) Цицерона от 15 марта 44 г. до н. э., возможно, относящаяся к убийству Цезаря: “Поздравляю тебя, радуюсь за тебя... хочу знать, что ты делаешь и что происходит”. Не странно ли, что эту записку тоже добросовестно переписывали столетиями благочестивые монахи?».

Отметим, что М.М.Постников искажил и сократил текст «записки», т. е. письма DCCI Цицерона к Луцию Минуцию Басилу [35]. Сомнения же по поводу многовекового переписывания этой «записки» могли бы быть легко рассеяны при чтении любого учебника по истории римской литературы. Переписывали не «записку», а весь свод писем Цицерона – непревзойденный стилистический образец.

Не менее шокирующим является и следующее утверждение М.М.Постникова: «Чтобы переписывать научные, например, математические сочинения, надо хотя бы понимать их ценность и иметь в виду хотя бы одного возможного читателя. А кто в VIII–X вв. мог

понимать и ценить Евклида, Архимеда и Аполлония?». М.М.Постникову даже неизвестно, что в конце IX в. кесарем Вардой был восстановлен Константинопольский университет, а ректором его стал знаменитый Лев Математик [36, 338–366].

Совершенно неуместна ирония М.М.Постникова в отношении средневековых арабов, которые действительно сохранили в переводах на свой язык некоторые произведения античной литературы. К примеру, некоторые части I книги «Περὶ τῶν Ἰπποκράτους καὶ Πλάτωνος δογματῶν» Галена дошли до нас лишь в арабском переводе, озаглавленном: «ал-макала ал-'ула мин ара' ибукрат ва афлатун» [37, 72]. Но не только античные медицинские сочинения переводились на арабский язык. Средневековых арабских ученых интересовали и научные труды Аристоталиса-Аристотеля и философские диалоги Афлатуна-Платона. Мы уже упоминали об интересе к неоплатонизму среди средневековых арабских философов. Что бы наше утверждение не показалось М.М.Постникову голословным, напомним, что в Ленинграде в ГПБ хранится, к примеру, арабский текст так называемой «Теологии Аристотеля»*, содержащий на самом деле извлечение из трех последних Эннеад Плотина.

Но как уповать на знакомство М.М.Постникова с арабской словесностью, когда его лингвистическая неосведомленность со всей очевидностью проявляется в утверждении: «Средневековым монахам классическая латынь была неизвестна. Можно ли представить себе не знающего этого языка монаха, скрупулезно переписывающего, как машина, Цицерона?».

В действительности, разница между цicerонианской и средневековой латынью приблизительно соответствует разнице между языком Пушкина и языком Постникова. Венчает первую главу «Величайшей мистификации в истории?» силлогизм: «1) без переписывания античная книга дойти до нас не могла; 2) осуществлять пе-

* Полное арабское заглавие этого любопытнейшего памятника такое: «китаб ари-статалис ал-файласуф ал-мусамма би-л-йунанийа усулуджийа ва хува каул 'ала ар-рубубийа тафсир фурфурийус асури». Арабский перевод сделал «Абд ал-Масих, ибн 'Абд Аллах На'има из Эмессы (ал-Химси) в правление халифа Му'тасима (218/833 – 227/842 гг.). Затем этот перевод был отредактирован для сына Му'тасима, Ахмада, знаменитым арабским философом ал-Кинди. В.Розе считал арабский текст непосредственным переводом с греческого оригинала. Такая точка зрения согласуется со словами предисловия ко второй редакции латинского перевода этого памятника: «...qui de graecis in earn linguam (i. e. in linguam arabicam) conversi decebatur ab Abedama Sargaceno quodam». А.Я.Борисов считал, что перевод был, по-видимому, сделан с не дошедшего до нас сирийского текста [38, 83–98].

реписывание было некому, и потому его не было; 3) следовательно, античная книга до нас дойти не могла». Но, как явствует из сказанного выше, в силлогизме этом ложны все члены.

На самом деле: 1) многие античные книги дошли до нас в своем древнем виде, еще большее их число сохранилось в средневековых копиях; 2) в средние века были (прежде всего среди духовенства) грамотные люди и потому древние книги продолжали переписываться; 3) следовательно, античная книга до нас дошла.

Можно и далее анализировать приведенные в «Величайшей мистификации...» примеры, но характерной чертой любого из них будет либо страшная путаница в исторических фактах, либо заведомое их искажение. Чего, скажем, стоит пространное рассуждение М.М.Постникова, озаглавленное «Без бумаги не обойтись» (основная мысль: античная книга вообще существовать не могла, ибо бумаги не было, следовательно, писать было не на чем), когда общеизвестно, что Египет в древности в изобилии снабжал папирусной «бумагой» все Средиземноморье.

Более убедительным, может, пожалуй, показаться неискушенному читателю какой-нибудь пассаж вроде следующего: «Текст Геродота буквально пестрит опибками, многие из которых выдают его средневековое происхождение. Но вместо того, чтобы признать его фальшивость, историки всячески выгораживают Геродота: ошибки его (достигающие, например, при изложении истории Египта полутора тысяч (!) лет) приписываются его некритическому отношению к собственным информаторам (среди которых, кстати сказать, были египетские жрецы, обязанные знать историю своей страны)...».

Действительно, о многих периодах древнеегипетской истории Геродот имеет довольно туманное представление. К примеру, эпоха Среднего царства длилась около 500 лет. Она начинается на исходе III тысячелетия и заканчивается около 1600 г. до н.э. По списку Манефона (египетского жреца эпохи эллинизма, писавшего по-гречески) на этот период приходятся девять династий – с IX по XVII [39, 226]. Между тем из всего обилия египетских царей Среднего царства Геродоту известен только Σεσωστρις – Се-н-Восре (егип. Z-p-Wsret, дословно «Человек (богини) Восре»), да еще Μοιρις, но геродотовская форма имени этого царя соответствует в иероглифике не какому-либо реальному царскому имени, а египетскому словосочетанию Mгewт «Большой канал».

Однако причины таких искажений заключаются отнюдь не в том, что «История» Геродота была написана в средние века. Дело именно в так называемых «жрецах», точнее в храмовых служках,

которые рассказывали всевозможные легенды, где отголоски действительных событий перемежаются со сказками.

Представим себе, что, путешествуя, некий иностранец вздумал бы черпать сведения о прошлых веках нашей Родины не из литературы, а беседуя со свечницами и другими престарелыми служительницами православных храмов. Что узнал бы он о московских князьях? И разве в силах были бы эти «жрицы» перечислить ему всех московских князей, скажем, от Даниила Александровича до Иоанна Грозного? Ведь не секрет, что не всякий школьный учитель истории в наше время их знает.

Впрочем, допустим на мгновение, что М.М.Постников прав и «Отца истории» действительно не существовало. Но это допущение повлекло бы за собой ряд других:

М.М.Постников, грубо преувеличивая, говорит о том, что «в раннем средневековье (VI–IX вв.) среди монашества царила почти полная безграмотность». Но как же согласовать это утверждение с допущением, что какие-то «невежественные» монахи смогли написать мало того, что по-гречески, да и еще на ионийском диалекте, огромное сочинение историко-географического характера. Но, быть может, «Историю» Геродота сочинили не западные монахи, а византийцы, или, быть может, она была написана, т. е. подделана, уже гуманистами?

Допустим, но так или иначе нам придется признать, что либо средневековые монахи, либо гуманисты были неплохо осведомлены в египтологии, потому что по сравнению с ошибками и неточностями достоверные сведения о Египте занимают у Геродота куда большее место. Логика потребует заключить, что в «эпоху почти полной безграмотности» кто-то, подобно Ж.-Ф. Шампольону, дешифровал египетские иероглифы (только на много веков раньше) и даже вел, подобно немецким и английским ученым XIX–XX вв., систематические археологические раскопки в Египте.

В «Истории» Геродота упомянуто большое число имен египетских царей. Конечно, М.М.Постников может заявить, что эти имена также выдуманы, но выдумать их без знания египетского языка (по крайней мере на уровне лучших египтологов XX в.) можно лишь в том случае, если самому быть современником египтян V в. до н. э. и слышать, как эти имена произносились. Дело в том, что большинство египетских имен было именами-предложениями, именами-словосочетаниями. Смысл их имел религиозно-магическое значение и отчетливо воспринимался древними египтянами. Имена же, записанные Геродотом с помощью греческих букв, находят соответствия не только в памятниках иероглифической пись-

менности (в том числе раскопанных буквально на наших глазах в ХХ в.), но и в памятниках вавилонской и ассирийской клинописи, извлекать которые из-под земли начали вообще лишь в XIX–XX вв.

Приведем несколько примеров. Геродот (II, 42) говорит: Ἄμμων γὰρ Αἴγυπτιοὶ Καλεοῦσι τὸν Δία — «Египтяне называют Зевса Амун». Одно это высказывание убеждает в том, что Геродот слышал живых египтян. Греки ведь (в том числе и Геродот в Других местах своей «Истории») называли египетского бога Ἰμν — Ἄμμων. (Такое название, по всей видимости, основано на этимологизации со словом ἄμμος «песок».) А вот египтяне (по крайней мере с VII в. до н. э., «как это явствует из клинописных передач [40]) называли своего бога Амун. Египетское имя Ἰμн-jr-dj-sw «Амун давший его» закономерно (теперь это выяснилось [41, с. 111-115; 42, с. 130-135]) передается Геродотом как Ἄμμωναῖος (ср. ассирийское 'A-mur-te-se, вавилонское «A-mu-ta-'is, арамейское 'mwrtyš и т. д.).

Что же касается старинных рукописей «Истории» Геродота, то они распадаются на две ветви: флорентийскую (stirps Florentina) — самые древние рукописи X–XI вв. и римскую (stirps Romana) — все рукописи XIV в. Кроме того, существуют папирусные отрывки Геродота, относящиеся ко II–III вв. н. э. [43, II].

Впрочем, геростратовский пыл автора «Величайшей мистификации...» не удовлетворяется словесным истреблением Тацита и Цицерона, Платона и Геродота — этих величайших сынов человечества. В качестве новых жертв избираются Витрувий и Ориген, Цельс и Тертуллиан, Евклид и Птолемей.

«Громко вопиет о своей фальсифицированности, — декларирует М.М.Постников, — сочинение Витрувия «Об архитектуре», в котором гелиоцентрические (!) периоды обращения планет указаны с минутной точностью, неизвестной даже Копернику. По-видимому, здесь мы имеем дело не со злостной, а с вынужденной фальсификацией, когда молодой ученый (Альберти?), отчаявшись издать книгу под своим именем, был вынужден (то ли по собственной инициативе, то ли под давлением издателя) выпустить ее в свет под древним псевдонимом, чтобы обеспечить ей лучший сбыт».

Из сказанного явствует, что автор «Величайшей мистификации...» не знает, когда умер Леон-Баггиста Альберти и когда вышло в свет editio princeps Витрувия. Ведь если Альберти умер в 1472 г., а первоиздание Витрувия начало выходить через 12 лет после его смерти, то как мог «молодой Альберти» (умерший в возрасте 68 лет) «то ли по своей собственной инициативе, то ли под давлением издателя» заботиться о том, чтобы обеспечить книге «лучший сбыт». Абсолютно неуместны и намеки на какие-то обстоятельст-

ва, из-за которых де Леон-Баттиста Альберти «был вынужден» издать свои архитектурные сочинения «под древним псевдонимом». Никаких обстоятельств (ни при жизни Альберти, ни после его смерти) и быть не могло, ибо вдохновил Альберти на сочинение своих собственных, а не Витрувиевых «Десяти книг о зодчестве» папа Николай V. Лично ему, по свидетельству современников, в 1452 г. читал Альберти свое сочинение, подготовить которое к изданию он сам не успел. Это сделал уже после смерти автора его двоюродный брат Бернардо в 1485 г., т. е. примерно в то же время, когда начали издавать Витрувия.

При жизни своей Альберти по рукописям знал сочинения Витрувия. Но он отнюдь не стремился приписывать ему своих собственных сочинений. Наоборот, он старался превзойти этого кумира всех возрожденцев. Считая, что сочинению Витрувия присуща известная неряшливость и темнота изложения, Альберти стремился выразаться красивее и яснее. Кроме того, из чувства специфического римского патриотизма, он избегал употреблять греческие термины, которыми Витрувий широко пользовался, и т. д. и т. п. [44].

Древность «De architectura libri decem» Витрувия несомненна. Из 55 списков, восходящих к одному архетипу, 15 относится к IX–XI вв. Это неудивительно, ибо в средние века Витрувий не был забыт. Экземпляр его сочинения имелся у Эгинхарта – ближайшего советника Карла Великого в области строительства. Упоминания о Витрувии мы встречаем в сочинениях Кассиодора (VI в.) и Винсента из Бовэ (XIII в.) [45, 12], следовательно, М.М.Постников вновь пытался дезинформировать своих читателей. Сказанное относится и к попытке объявить Витрувия «гелиоцентристом», ибо в книге IX (гл. 1, 2) древний теоретик архитектуры прямо заявляет, что «середина земли вместе с морем естественно помещается в центре мира», что «небо, образуемое созвездиями и звездными путями», «неизменно вращается вокруг земли и моря».

Очередной жертвой М.М.Постникова становятся так называемые учителя церкви и их идеологические противники. М.М.Постников пишет: «Бывают мистификации и Другого рода. Например, известен резко антихристианский писатель II века Цельс. Его сочинения до нас не дошли, а его взгляды известны только по сочинению опровергавшего его Оригена. Обращает на себя внимание, что Ориген, подробно цитируя Цельса и аккуратно излагая его взгляды, никак по существу их не опровергает, ограничиваясь грубой бранью и заявлениями типа – это невозможно, ибо противоречит Священному Писанию». Не является ли здесь «Ориген» лишь маской антиклерикального автора, решившего в такой форме изло-

жить свои взгляды?». Так М.М.Постников демонстрирует полное непонимание исторического подхода к явлениям культуры и, в частности, непонимание основ религиозного мировоззрения. Ведь слова Священного Писания (и в особенности Св. Евангелия) для Оригена, как и для всех христиан, суть высший аргумент, ибо даны человечеству посредством божественного откровения. Думается, что после этого мы вправе уже более не утруждать читателя разбором аналогичных «доказательств» фальсифицированности сочинений Евклида, Аристотеля и Птолемея.

Но М.М.Постников идет дальше. Он начинает одним махом упразднять целые жанры античной литературы. Чего стоит, например, такое заявление: «Особенно фантастичны сообщения «классиков» о военном деле, что, впрочем, и не удивительно, если учесть кабинетный характер учености их истинных авторов». И становится ясно: либо автор «Величайшей мистификации...» никогда не читал даже русских переводов античных военных писателей, либо он не имеет даже элементарных представлений о военном деле.

Возьмем, к примеру, свидетельства древних писателей об изготовлении и использовании в военных целях всевозможных зажигательных смесей. В наш век огнетов и напалма уличить античных авторов в каких-либо «кабинетных» «фантазиях», не соотнобразующихся с химической реальностью, не составило бы большого труда. Между тем, все известные нам свидетельства древних писателей о зажигательных смесях (в том числе и об искусственной нефти) [46, 89–93; 47, 82–90] могут быть признаны достоверными, ибо согласуются с современными химико-технологическими представлениями.

Что же касается обвинения военных писателей (следовало бы уж обвинять полководцев!!!) в том, что «они, не считаясь с элементарными требованиями стратегии, выбирают для побед такие неудобные пункты и такие условия, при которых можно только погибнуть», то порекомендуем М.М.Постникову вспомнить хотя бы переход Суворова через Альпы...

Интересно, что идеи М.М.Постникова, касающиеся военного дела, нашли свое развитие в публикациях Д.Зенина [48, 35–37], П.Солоняря [6, 30–33], В.Баранова [7, 36] и Д.Николаева [10, 23–25]. Эти авторы обрушились на самую возможность существования древней метательной артиллерии и зажигательных смесей.

Так, к примеру, П.Солонярь вполне серьезно утверждает, что метательных машин существовать не могло, ибо «они не оставили следов своего боевого применения».

Трудно себе представить, какими могли быть эти следы, если учесть, что камни и стрелы не взрываются и стен не разрушают.

Известны зато многочисленные находки античных метательных снарядов. Найдены, наконец, остатки самих боевых машин.

Но доводом в пользу невозможности существования древней метательной артиллерии, оказывается, может служить даже такое рассуждение: «Из наследия античной древности самыми достоверными можно считать только глиняные таблички с клинописными текстами ассирийцев, найденные при раскопках Ниневии и Вавилона». (Подтекст: раз в клинописных табличках о метательных машинах не говорится, то их не было.) При этом П.Солонарь забывает, что находимые в Месопотамии глиняные таблички отношения к античной культуре вообще не имеют. Искать же в ассирийских текстах (последние из которых могут датироваться лишь 605 г. до н. э. – годом гибели ассирийской державы) каких-либо упоминаний о метательных машинах довольно странно, ибо таковые были изобретены греками в IV в. до н. э.

Аргументы типа: «все греческие и римские тексты известны только из средневековых рукописей, древнейшие из которых датируются XIV–XV вв.», а потому-де их свидетельства абсолютно ненадежны, явно заимствованы П.Солонарем из арсенала М.М.Постникова. Несостоятельность их показана в начале статьи. К тому же возраст рукописей прямого отношения к достоверности сообщаемых в них сведений не имеет.

Среди «доказательств» в стиле Постникова должно быть упомянуто и такое: П.Солонарь сначала приписывает древним разрушение крепостных стен с помощью метательных орудий, затем вполне справедливо замечает, что это невозможно, и, наконец, делает вывод, что метательных машин, стало быть, существовать не могло.

На самом деле никто в древности с помощью метательных машин каменные крепостные стены разрушать не пытался. Камнеметы при обстреле крепостей должны были разрушать легкие деревянные прикрытия, служившие для защиты людей и артиллерийских орудий. Только в редчайших случаях одним обстрелом из метательных машин удавалось разрушить городскую стену. Так, при осаде Родоса Деметрием Полиоркетом в 305–304 гг. до н. э. в ходе восьмидневного обстрела неожиданно рухнула крепостная стена, наспех сооруженная из необработанных камней. Обычно же даже палубы деревянных кораблей оказывались достаточно прочными, чтобы выдерживать разовые попадания из торсионных орудий. Лишь повторные попадания расшатывали корпус и выводили судно из строя [49, 292].

П.Солонарь дезинформирует читателя, когда пишет: «Не только Э.Шрамм, но и его предшественник де Фолар экспериментиро-

вали с моделями метательных машин. Однако, как только от уменьшенных копий переходили к изготовлению более или менее подходящих для боя образцов, они сразу же разочаровывали создателей» [6, 31]. В действительности генерал-лейтенант, д-р филологии Э.Шрамм не только построил метательные орудия по описаниям древних, но и произвел из них боевые стрельбы [50, 86]. Достигнутые им результаты были столь впечатляющими, что германские артиллеристы во время первой мировой войны предприняли серьезные попытки использовать метательные машины в боевой обстановке [49, 282].

Неудачная попытка В.Баранова реконструировать метательную машину на основе картинки «из учебника истории для пятого класса» [7, 36] имеет лишь то положительное значение, что еще раз доказывает, что «труды» Ф.И.Коровкина (к которым мы еще вернемся в конце статьи) древнюю историю грубо искажают. Тем комичнее положение М.М.Постникова и его последователей, когда они, исходя из премудрости учебника для пятого класса, мечтают древнюю историю сокрушить.

К сожалению, подобно тому как М.М.Постников вступил в сражение с античными полководцами, Д.Николаев вторгся в твердыни средневековой истории. «Вероятнее всего, — пишет он, — греческий огонь, так же как и вся доогнестрельная артиллерия, был придуман средневековым автором». Основанием для такого вывода служит голословное утверждение: «Решить эту задачу научная мысль средневековья не могла» — аргумент типа «этого не может быть, потому, что не может быть никогда».

Между тем факты использования горючих веществ в военных целях мы находим еще в глубокой древности. Об этом свидетельствует одна из тех самых ассирийских клинописных табличек, в подлинности которых не сомневается даже П.Солонарь. Мы имеем в виду письмо царя Ашшур-аху-илдина (Асархалдона), вероятно, к богу Ашшуру, содержащее раеляцию о походе 673 г. до н. э. на Шубрию. Из текста явствует: горючее вещество было использовано защитниками города Уппуму (современный Фум в 3 км к югу от Илидже), когда хуритский город осаждали ассирийские войска. Об этом событии ассирийский текст, составленный от лица Ашшур-аху-илдина, повествует в следующих словах:

«П

- (1) Пока я внутри этой области ходил победоносно,
- (2) насыпь, которую против Уппуму, — его царского города я велел утоптать,
- (3) в (месяц) Улулу, день 21- uhulgallu — день злой, порождение демона,

- (4) в молчании ночи насыпъ эту нефтью они облили и бросили огонь.
 (5) По велению Мардука – царя богов, повеял северный ветер – дуновение владыки богов;
 (6) языки пламени охватывающего на Уппуму он повернул и
 (7) на [сыпъ н]е [схватил, а] стену его сжег и обратил в пепел–»

[57, 201–202].

Однако все рассмотренные нами несуразности блекнут по сравнению с тем, как упраздняет М.М.Постников Римскую империю. «Одно из самых удивительных и в то же время фундаментальных (sic!) наблюдений Морозова, – говорится в «Величайшей мистификации...», – состоит в обнаружении среди древних династий параллельных пар. Рассмотрим с этой точки зрения Римскую империю. Как известно, созданная Суллой и Помпеем (sic!!!), она практически распалась в III веке н. э. после Каракаллы (так называемый кризис III века). Мы будем называть этот период Римской империей II (сохраняя имя Римской империи I для легендарного периода семи римских царей от Ромула до Тарквиния). – (А от Тарквиния до Суллы?! – А.В.) «Империя была восстановлена (sic!!!) в конце III века н. э. Аврелианом и (sic!) Диоклетианом и просуществовала до конца V века. Этот период мы будем называть Римской империей III. Так вот, если составить последовательный список императоров II и III империй и сравнить, то по всем 27 позициям длительность их царствования совпадает (ложь!!! – А.В.). Кроме числового параллелизма, Морозов указал также на определенный параллелизм событий... Более последовательно (и на базе некоего полуформального алгоритма) этот событийный параллелизм был прослежен А.Фоменко. Оказалось, что он распространяется очень глубоко, доходя иногда до полного тождества биографий (соответствующим образом формализованных). Единственное рациональное объяснение этих совпадений состоит в том, что история империи II списана с истории империи III, а империя II является ее фантомной тенью, появившейся в результате добросовестных заблуждений и злостных фальсификаций более позднего времени. Не нужно, впрочем, думать, что мы можем доверять информации и об империи III. Напротив, внимательный анализ этой информации... показывает, что, по-видимому, она почти вся столь же ложна, как и информация об империи II».

Нет надобности еще раз показывать вопиющее несоответствие этих «полуформально алгоритмических» построений реальным историческим фактам. Столь неблагоприятная работа с большой тщательностью проделана Е.С.Голубцовой, Г.А.Кошеленко, В.М.Смирным [4, 171–195; 5, 70–82]. Обратим внимание лишь на то, что

процитированное многословное рассуждение М.М.Постникова сводится к очень простой «математической комбинации»:

Действие первое: Произвольно разделяем историю Рима на три части, которые называем империя I, империя II, империя III;

Действие второе: Произвольно объявляем, что полученные в результате деления части равновелики и тождественны друг другу;

Действие третье: Объявляем, что империя II «является фантомной тенью», т. е. = 0;

Действие четвертое: Вопросаем, чему при таких условиях равняется вся история Рима в целом?

Можно красиво называть все это «полуформальным алгоритмом», но еще правильнее приравнять все это к научному творчеству первоклассника на уроках бывшей арифметики.

Итак, от «алгоритмического» метода остается задача для первоклассника. Но, быть может, что-либо более значительное заключено в «полуформальности»? Прибегнем к методу допущения. Допустим, что Постников и К° правы и история Римской империи есть одна грандиозная средневековая мистификация. Допустим, но это предположение заставит нас допустить и кое-что такое, от чего, вероятно, содрогнется любой здравомыслящий интеллигентный человек. Мы должны будем признать существование в средние века не только развитой египтологической науки, но и гигантского загора средневековых монахов, которые в великом множестве отправлялись в Египет, возводили там (псевдо-)эллинистическо-римские храмы и другие монументальные памятники, начертывали на них иероглифами имена римских императоров, а потом еще и зарывали в землю иные из своих «злостных фальсификаций», в том числе сотни греческих и демотических папирусов. Можно даже будет высказать предположение, что именно для этого были предприняты крестовые походы, и что, вероятно, затеяла все это папская курия с целью подкрепить «притязания на мировое господство в религиозной и светской сферах ссылками на прошлое могущество» [7, 32]. Иными словами, «Cognosco stilum Curiae Romanae!»*.

Но если все-таки вернуться на почву реальных исторических фактов, то мы должны будем признать, что последовательность правления римских императоров так называемой «несуществующей» империи II можно установить не только на основании античных свидетельств, но и исходя из памятников египетской иероглифической письменности [52].

* «Узнаю стиль римского двора», – так будто бы воскликнул летописец Тридентского собора, когда кинжал убийцы поразил его в спину.

Итак, мы еще раз убедились в полной научной несостоятельности построений М.М.Постникова. Невольно хочется теперь в качестве легкого подражания автору «Величайшей фальсификации в истории?» задать вот какой вопрос: имеем ли мы дело со «злостной фальсификацией» или с «добросовестными заблуждениями»? Ни то, ни другое не может быть оправдано нашей наукой, наукой, которая дала миру крупнейшего египтолога XX столетия – Ю.Я.Перепелкина [53, 184–187] и непревзойденного коптолога и папиролога П.В.Ернштедта, издателя Московского математического папируса В.В.Струве и тонкого исследователя сочинений Геродота и Аристотеля – А.И.Доватура; наукой, прославившей себя раскопками Б.Б.Пиотровского на Кармир-Блуре.

Но стоило ли вообще не только автору данной статьи, но и его предшественникам опровергать М.М.Постникова и тем самым заниматься доказательством очевидных для всякого культурного человека истин? Да, стоило, ибо М.М.Постников принадлежит к числу видных ученых, является доктором физико-математических наук, лауреатом, а стало быть, пользуется в определенных кругах авторитетом.

Феномен Постникова как раз и заключается в том, что в его лице мы сталкиваемся с интереснейшим соединением – незаурядной ученостью в области точных наук при поразительном невежестве в гуманитарных областях. Такое соединение было бы невозможным во времена Кеплера или Лейбница, Ломоносова или Пирогова... Но сейчас, как мы убедились, оно возможно и, стало быть, дает пищу для размышлений науковедам. Есть ли гарантия, что завтра не объявится доктор химических или технических наук, который не пойдет дальше Постникова и не заявит, что Карла Великого не существовало, что это де солнечный миф, что не было ни пророка Мухаммеда с его многочисленными женами, ни тем более князя Владимира? Ведь параллелизм можно при желании отыскать и в исторических событиях средневековья.

В заключение позволим себе высказать предположение о причинах, приведших к возникновению феномена Постникова. Они кажутся нам достаточно простыми. Ни для кого не секрет, что в послегимназические времена преподаванию древней истории в школе уделялось мало внимания. Что же касается изучения древних языков, то оно в средних школах большинства союзных республик было ликвидировано. К тому же известно, что и в наши дни многие учителя при подготовке и проведении уроков истории в пятых классах пользуются недоброкачественными методическими пособиями, в которых фактический материал либо изжит полностью,

либо с его остатками манипулируют с легкостью воистину постниковской. Проиллюстрируем это на примере «Методического руководства к пособию «Апликации по истории древнего мира».

«К уроку «Римская аристократическая республика в середине III в. до н.э.» ...Задача – показать социальный состав населения Рима в III в. до н.э., создавая этим основу для раскрытия последующих в нем изменений.

Кратко рассказав о борьбе патрициев и плебеев и образовании знати, помещаем вверху фигуру аристократа-рабовладельца, ниже фигуру богатого торговца; поскольку термины «всадник» и «откупщик» не применяются в учебнике для V класса, подписываем «богатые торговцы». Ниже ее помещаем знакомые учащимся фигуры крестьянина и ремесленника и в самом низу фигуру раба. Очерчиваем все пять фигур показанным на рисунке XXII шестиугольником. Учитель может поставить перед учащимся вопрос, на «какие две основные группы делилось население Рима после победы плебеев» и где, следовательно, надо провести линию, разделяющую экспонированные фигуры. Ответ учащихся покажет понимание ими рабовладельческих отношений, установившихся в Риме. Отмечаем, что в III в. до н.э. плебеи добились прав римских граждан и запрещения обращать их в рабов, и проводим линию, отделяющую рабов от свободных» [54, 32–33].

И самое странное как раз заключается в том, что в одной из школ, в одном из пятых классов, где какой-нибудь учитель вздумает вдруг преподавать древнюю историю с помощью апликаций и т.п., вполне может оказаться смысленный мальчик – будущий доктор физико-математических наук. Этот мальчик вырастет, окончит вуз, защитит две диссертации, но в ходе всего последовавшего за пятым классом обучения он уже никогда больше не будет «проходить» древнюю историю, и она превратится для него в нуль. Тогда и может вновь возникнуть феномен Постникова. Истоки его – в средней школе.

ЛИТЕРАТУРА:

- [1] Постников М.М. Величайшая мистификация в истории? // «Техника и наука» (далее – «ТН»), 1982, №7.
- [2] Постников М.М., Фоменко А.Т. Новые методики статистического анализа нарративно-цифрового материала древней истории. Предварительная публикация. Препринт. Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика», АН СССР. – М., 1980.
- [3] Фоменко А.Т. Новые экспериментально-статистические методики датирования древних событий и приложения к глобальной хроно-

- логии древнего и средневекового мира. Препринт. – М., 1981.
- [4] *Голубцова Е.С., Смирин В.М.* О попытке применения новых «методик статистического анализа» к материалу древней истории // «Вестник древней истории», 1981, №1.
- [5] *Голубцова Е.С., Кошелев Г.А.* История древнего мира и «новые методики» // «Вопросы истории», 1982, №8.
- [6] *Солонарь П.* Скорее всего вымысел... // «ГН», 1983, №3.
- [7] *Баранов В.* Логика – это не факты // «ГН», 1983, №4.
- [8] *Анастасов Л.* Новое направление науки? Осторожно! // «ГН», 1983, №8.
- [9] *Михайлов М.* Этот странный радиоуглеродный метод // «ГН», 1983, №8.
- [10] *Николаев Д.* Оружие, которое не спасло Византию // «ГН», 1983, №9.
- [11] *Морозов Н.* Откровение в грозе и буре. – М., 1914.
- [12] *Морозов Н.* Пророки. – М., 1914.
- [13] *Морозов Н.А.* Христос. Т. I–VII. – М.–Л., 1924–1932.
- [14] *Фирсов А.В.* Этюды по радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. – Новосибирск, 1976.
- [15] *Дойель Л.* Завещанное временем. Поиски памятников письменности. – М., 1980.
- [16] *Cornelius Tacitus.* Tom. I–II. Edidit E. Koestermann. – Lpz., 1969–1971.
- [17] *M. Tullius Cicero.* Fasc. 3. De oratore. Edidit K. Kumanecki. – Lpz., 1969.
- [18] *M. Tullii Ciceroni's Orator als Ersatz der Ausgabe v. O. Jahn* verkl. v. W. Kroll. – B., 1913.
- [19] *M. Tullius Cicero.* Fasc. 4. Brutus. Recensuit H. Malcovati. – Lpz., 1965.
- [20] *The Encyclopaedia of Islam.* Vol. 1. – Leyden, L., 1913.
- [21] *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Т. I. – М.–Л., 1956.
- [22] *Platonis Opera.* Recognovit brevique adnotationes critica instuxit Ioannes Burnet. Tom. I–II. Oxonii, s. a.
- [23] *Griffith F.* Hieratic Papyri from Kahun and Guirob. Vol. I–II. – L., 1898. Plates V–VII.
- [24] *Braested J.H.* The Edwin Smith Surgical Papyrus, in Facsimile and Hieroglyphic Transliteration with Transliteration with Commentary. Vol. I–II. – Chicago, Illinois, 1930.
- [25] *Ebers G.* Papyros Ebers. Bd. I–II. – Leipzig, 1875.
- [26] *Wreszinski W.* Der grosse medizinische Papyrus des Berliner Museums (Pap. Berl. 3038) In Facsimile und Umschrift. Mit Obersetzung, Kommentar und Glossar. – Lpz., 1909.
- [27] *Struwe W.W.* Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der schonen Kunste in Moscau. – B., 1930.
- [28] *Chace A.B. and others.* The Rhind Mathematical Papyrus. Vol. I–II. – Chicago, 1929–1930.
- [29] *Сулэйменов О.* Аз и я. Книга благонамеренного читателя. – Алма-Ата, 1975.
- [30] *Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л., 1978.
- [31] *Марк Твен.* Собр. соч. в 12-ти томах. Т. 1. – М., 1959.

- [32] *Голенищев-Кутузов И.Н.* Средневековая латинская литература Италии. – М., 1972.
- [33] Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. – М., 1970.
- [34] Памятники средневековой латинской литературы X–XIII вв. – М., 1972.
- [35] *Cicero.* The letters, of his friends / With an English translation by W.Gynn Willams. V. I–II, 1943; V. III, 1929 (Loeb Classical Library); N DCCII.
- [36] *Липшиц Е.Э.* Очерки истории византийского общества и культуры. VIII – первая половина IX века. – М.–Л., 1961. С. 338–366.
- [37] *Corpus medicorum Graeco-rim V 4, 1, 2: Galeni De placitis Hippocratis et Platonis.* – В., 1978.
- [38] *Борисов А.* Арабский оригинал латинской версии так называемой «Теологии Аристотеля» // Зап. коллегии востоковедов, 1930, V.
- [39] *Перепелкин Ю.Я.* Египет Среднего царства // Всемирная история. Т. I. – М., 1955.
- [40] *Ranke H.* Keilschriftliches Material zur altagyptischen Vokalisation. – В., 1910.
- [41] *Вассоевич А.А.* Загадка Амонрасонтэра или примечание к третьему правилу Курта Зэте // «Вестник древней истории», 1981, №3.
- [42] *Вассоевич А.А.* К основам египетского вокализма // «Вопросы языкознания», 1983, №4.
- [43] *Доватур А.И., Калистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в истории Геродота. – М., 1982.
- [44] *Альберти Леон-Батиста.* Десять книг о зодчестве в пер. В.П.Зубова и фрагмент анонимной биографии в пер. Ф.А.Петровского. – М., 1935. С. XIII.
- [45] *Витрувий.* Десять книг об архитектуре. – М., 1936.
- [46] *Вассоевич А.А.* Об искусственной нефти у древних // «Изв. вузов. Нефть и газ», 1981, №6.
- [47] *Вассоевич А.А.* Две нефти? (К постановке вопроса о древних искусственных нефтесаменителях) // ВИЕТ, 1983, №1, с. 82–90.
- [48] *Зенин Д.* Артиллерия древних: правда и вымысел // «ГН», 1982, №5.
- [49] Эллинистическая техника. Сб. статей под редакцией акад. Толстого И.И. – М.–Л., 1948.
- [50] *Дильс Г.* Античная техника. – М.–Л., 1934.
- [51] *Вассоевич А.А., Вассоевич Н.Б.* КАФВА. Древняя история термина // Накопление и преобразование седикахитов. – М., 1979.
- [52] *Lepsius R.* Konigsbuch der alten Agypt&r. – В., 1859.
- [53] *Коростовцев М.А.* Юрий Яковлевич Перепелкин // «Народы Азии и Африки», 1967, №3, с.184–187.
- [54] *Коровкин Ф.П.* Методическое руководство к пособию «Аппликации по истории древнего мира». 5 класс. – М., 1975.

О попытке закрыть историю

Впервые о работах М.М.Постникова, еще не опубликованных, я услышал в 1969 г., когда Револьт Иванович Пименов, увлеченный известными идеями народовольца, узника Шлиссельбургской крепости, почетного академика Н.А.Морозова и М.М.Постникова, предложил мне выступить вместе с проф. Э.Д.Фроловым на семинаре в Ленинградском отделении Института математики Академии наук. Перед этим они пригласили на выступление М.М.Постникова Александру Дмитриевну Люблинскую, она прослушала аргументы защитника «новой хронологии» в течение 15 минут и ушла, не видя предмета для полемики.

Так как вторичный приезд М.М.Постникова в Ленинград тогда не предполагался, а сам он опирался на известные труды Н.А.Морозова, я подготовил свое выступление по материалам его семитомного труда «Христос». Э.Д.Фролов кратко и точно оценил ненаучность морозовских построений и, если я не ошибаюсь, вскоре покинул заседание, я говорил в большой аудитории примерно полтора часа. Непримируемых «морозовцев» я не переубедил, но после заседания ко мне подошли несколько молодых физиков и астрономов, которые взглядов Н.А.Морозова и М.М.Постникова не разделяли; они уверили меня, что недоступная мне «астрономическая» часть аргументации сторонников «новой хронологии» также не выдерживает критики.

С собственными сочинениями М.М.Постникова и А.Т.Фоменко я ознакомился значительно позднее, когда вышла в свет их предварительная публикация «Новая методика статистического анализа нарративного материала древней истории» (М.: изд-во МГУ, 1980). Весной 1981 г., когда я принимал участие в какой-то конференции в Институте Всеобщей истории АН СССР, директор Института З.В.Удальцова предложила мне написать отзыв об одном из томов (кажется, всего их было 5) труда М.М.Постникова «Введение в критику древней хронологии» для предстоявшего их обсуждения по заданию Отдела науки ЦК КПСС.

* Отзыв о работе М.М.Постникова «Введение в критику древней хронологии». Впервые опубликовано в сб.: «Проблемы всемирной истории. Сб. статей в честь А.А.Фурсенко». – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000.

Рукопись с сопроводительным письмом была послана мне 13 апреля 1981 г., а 7 мая я вернул ее в Институт со своим отзывом. Знаю, что позднее состоялось обсуждение, но участия в нем я не принимал; судить о нем я мог только по информации в журнале «Вестник древней истории». Как кажется, высшее начальство не допустило широкого критического обсуждения «новой хронологии». Популярное же и весьма сенсационное ее изложение было опубликовано в журнале «Техника и наука» (1982, № 3 и № 7).

С докладом по этим материалам я выступал (кажется, в 1982 или 1983 г.) в Ленинградском отделении Института истории СССР, позднее читал об этом лекции в Доме ученых в Лесном при Политехническом институте) и в Библиотеке Ленинградского университета.

За прошедшие годы было опубликовано (теперь уже трудноисчисляемое) множество трудов А.Т.Фоменко и его последователей: исчерпывающий ответ на них был дан историком России И.Н.Данилевским (ВИ, 1998, № 1) и медиевистом Д.Э.Харитоновичем (Феномен Фоменко // «Новый мир», 1998, № 3). И если я все же решаю предложить вниманию читателей свои давние возражения, то болсе всего из-за иронического их тона, которого подобные внеучные построения, право же, заслуживают не в меньшей степени, чем детального фактологического опровержения (каким мне тоже пришлось заняться в своих заметках) и глубокого историко-культурного и теоретического анализа с выходом к проблемам политической жизни современной России. Опасность «новой хронологии» как новой мифологии и новой шовинистически-имперской идеологии убедительно раскрыта в упомянутой статье Д.Э.Харитоновича.

В 1969 году мне уже приходилось выступать в Ленинградском отделении Математического института АН СССР с докладом о точке зрения на древнюю историю Ж.Ардуэна, Н.А.Морозова и М.М.Постникова; основные положения этого доклада под названием «Античная цивилизация, или игра в Швамбранию» представлены мною в Институт Всеобщей истории АН СССР и являются необходимой составной частью данного отзыва.

Хотя М.М.Постников является математиком, в своем сочинении он выступает в качестве историка, и сочинение его подлежит оценке с точки зрения принципов и методологии исторического исследования. Речь идет не о применении математических методов, уже доказавших в определенных УСЛОВИЯХ свою правомерность и плодотворность, а о характере использования предложенных Н.А.Морозовым и М.М.Постниковым методов. Спор идет не между историками и математиками, а между историками; различия касаются преимущественно уровня профессиональной подготовки.

Обилие в сочинении М.М.Постникова фактических ошибок, неточностей и искажений столь велико, что делает излишним и невозможным детальное их опровержение. Рассмотрению в настоящей статье подвергаются прежде всего методологические принципы и приемы аргументации; все фактические ошибки полностью функциональны и зависят от «сходных принципов рассуждения».

1. О глобальном нигилизме

— Ну, уж это положительно интересно, — трясясь от хохота, проговорил профессор, — что же это у вас, чего ни хватиться, ничего нет!

М.Булгаков. Мастер и Маргарита.

Учение Н.А.Морозова и М.М.Постникова лишь видимой, декларируемой целью имеет упразднение истории Древнего мира, греко-римской классической древности. Действительный его смысл и результат значительно шире: дело идет об упразднении глубочайших пластов не только средиземноморской европейской культуры, но и тысячелетней культуры многих народов Европы, Азии и Северной Африки. «Закрытие» истории Древнего мира до IV в. н. э. предусматривает фальсифицированный характер источников по истории не только Греции и Рима, но и Египта, Передней Азии, и не только древнейшей эпохи, но и раннего средневековья. Может быть, по неосведомленности (хотя тут трудно различить, где кончается простая неосведомленность и начинается сознательное игнорирование не укладывающегося в схему материала) авторы касаются преимущественно языческой древности, а памятники раннего христианства либо не анализируют, либо относят к значительно более позднему времени. Но «не было» не только Эллады и Римской республики и ранней империи, фараоновского Египта, Крито-микенской культуры, Иудейского царства, древней истории народов Малой Азии, Палестины, — «не было» и раннего христианства. Фальшивками оказываются (объявляются) не только творения Гомера и Геродота, Тацита и Цицерона, но и творения отцов церкви, вся западная и восточная патристика: Амвросий, страстно переживавший события современной ему римской истории; Иероним, каившийся в увлечении красноречием Цицерона; Августин, исходивший в своих духовных исканиях из философского наследия Греции и Рима. В предложенной схеме нет места и для восточных отцов — для Василия Великого, обсуждавшего вопрос, как молодым людям извлечь пользу из языческих книг, знавшего Гомера, ци-

тировавшего Феогнида, и для других ранних проповедников и богословов.

При этом сразу же обнаруживается странное противоречие (одно из многих в системе аргументации М.М.Постникова: здесь пригодны все доводы «против» независимо от того, согласуются ли они между собой). Отвергая представление о «темном» средневековье и защищая его от историков (которые давным-давно отошли от просветительского пренебрежения к этой эпохе), М.М.Постников в то же время повторяет самые общие места вульгарной антиклерикальной пропаганды прошлого столетия. Он не верит, что монахи могли переписывать произведения античных языческих писателей – раз уничтожение этих произведений предписывалось им церковными властями. В действительности было и то, и другое – и уничтожение памятников древней письменности, и сохранение культурной традиции. Но как могли церковные власти средневековья предписывать уничтожение творений языческих писателей, если ни писателей, ни творений этих, по Морозову–Постникову, не существовало, если «выдуманы» они были значительно позднее? Как мог, к примеру, Григорий Великий сжигать в VI в. сочинения Тита Ливия, сфальсифицированные гуманистами несколько столетий спустя?

Согласно картине всемирной истории Морозова–Постникова, не могла существовать и средневековая культура Армении и Грузии. Армянские философы уже в V–VI вв. читали и комментировали сочинения Аристотеля, Порфирия и Платона; Ареопагитики и Аристотель уже в древности были известны в Грузии. Речь идет о памятниках, созданных на древнеармянском и древнегрузинском языках, по Морозову–Постникову, их придется отнести ко времени после XIII в., когда на Западе были «сочинены» книги Аристотеля.

Арабскую культуру VIII–XII вв. Морозов–Постников отвергают полностью, не признавая ни арабского Аристотеля, ни арабского Птолемея, ни тем самым арабской науки и культуры вообще. Но арабоязычная культура охватывала огромные области от Испании до Средней Азии. При последовательном проведении линии Морозова–Постникова (а непоследовательной она быть не может, ибо один только факт существования арабской астрономии VIII в. показал бы несостоятельность всего учения в целом) нет места для Ал-Кинди, Фараби, Ибн-Сины, которые также, задолго до «изобретения» Аристотеля западными схоластами, читали и толковали его тексты в арабских переводах. Лишается права на историческое существование и еврейская средневековая философия XI–XII вв., зависящая от платоновско-аристотелевской традиции, и византий-

ская философия и наука, коль скоро Иоанн Дамаскин комментировал в VIII в. никогда не существовавшего и еще не сочиненного в западных университетах Аристотеля, а богословы православной церкви отвергали языческое любомудрие задолго до того, как итальянские гуманисты сочинили античные тексты.

И наконец, «критика древней хронологии» не оставляет места и для литературы Древней Руси. Известно, что в XI–XII вв. на Руси была переведена «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, не только повествующая о выдуманных событиях несуществующей империи, но и сама еще не написанная к этому времени. Существует древнерусский перевод Эпиктета, моностихов Менандра, комедии которого, как известно Морозову–Постникову, были подделаны европейскими учеными в конце прошлого века. Византийские хроники, содержавшие изложение событий древней истории, творения византийских богословов Василия Великого, Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста составляли излюбленный круг чтения русских книжников. Отрицание исторического существования античной культуры и унаследовавшей ее достижения культуры ранневизантийской неизбежно ведет и к отрицанию первых столетий древнерусской письменности.

Было бы, впрочем, несправедливо, лишив древней истории народы Евразии, сохранить привилегию на древность народам Дальнего Востока. Я не знаю, предприняли ли сторонники Морозова–Постникова поход на историю Китая. Разработанная ими методология не знает границ и препятствий, она не требует знания источников и изучения языков, а потому теория всемирного подлога может быть без труда распространена на всю историю человечества, включая цивилизации Африки, Индии, Дальнего Востока и доколумбовой Америки.

«Критика древней хронологии» есть, таким образом, концепция глобального нигилизма. Ее авторы исходят из презумпции виновности любого исторического документа, любого автора, любого исследователя. Всякий новый аргумент, противоречащий теории всемирного подлога, рассматривается как свидетельство подлога еще большего. Факт, противоречащий теории, объявляется несуществующим. Цивилизация, унаследовавшая традиции античности, объявляется в свою очередь сфальсифицированной. Новые тексты, новые находки, новые переводы, новые факты, подтверждающие древность античных памятников письменности, в свою очередь оказываются результатом новых и новых подделок неутомимых фальсификаторов. И так до бесконечности. Именно поэтому концепция Морозова–Постникова оказывается, с точки зрения

ее сторонников, абсолютно неуязвимой: фактическая критика ее невозможна, поскольку всякий новый аргумент заранее объявляется сомнительным и ведет только к расширению масштабов фальсификации. Зато здесь было бы уместно прибегнуть к более острому оружию – к знаменитой «бритве Оккама». Францисканец XIV столетия предупреждал: «Не приумножайте сущностей». Уходящее в дурную бесконечность нагромождение подозрений и обвинений в подлоге все новых текстов, фактов, документов и целых цивилизаций, когда объявляется фальсифицированной вся совокупность письменных источников многих столетий и разных регионов, десятки и сотни тысяч памятников греческой, латинской, арабской, еврейской, славянской письменности, данные целых наук и дисциплин – палеографии, дипломатики, языкознания и т. д., – все это свидетельствует, что «критика древней хронологии» нуждается во все новом приумножении сущностей. Она не в силах объяснить одни факты другими, но может только обосновать одно недоказанное предположение другим, столь же мало обоснованным предположением. И здесь бритва Оккама работает чисто: концепция всемирного подлога навлекает на себя серьезнейшее подозрение.

Любопытна принятая в «Критике» система доказательств: принимаются любые доводы, свидетельствующие «против» существования античности, независимо от того, согласуются ли они между собой. Один пример такой противоречивой аргументации я уже привел (предписание церковных властей уничтожать памятники несуществующей классической древности до их позднего создания). Другой довод – бесспорные (и историками-профессионалами установленные, вскрытые и разоблаченные) факты фальсификации памятников письменности и материальной культуры. М.М.Постников приводит в качестве примера обилие на западном художественном рынке подделок картин французского художника XIX в. К.Коро; ссылается он и на известные факты подделок в США русских икон. Но может ли это служить доводом в пользу того, что ни художник Коро, ни его подлинные картины, ни русская икона никогда не существовали? Не доказывает ли, напротив, сам факт появления подделок на рынке историческое существование как французской живописи XIX столетия, так и древнерусской иконописи? Может ли существование подделок древних манускриптов, монет, произведений искусства служить доводом против самого факта существования античной цивилизации и ее духовной и материальной культуры?

Другой аргумент сторонников нигилистической концепции мировой истории – их собственная неосведомленность. То, чего не

знают Н.А.Морозов, М.М.Постников и их сторонники, для них не существует. Так оказывается перевернутым известный афоризм Декарта: если я не знаю, не мыслю, не представляю себе, не могу этого понять и объяснить, значит, это не существует. Наиболее ярко этот пример аргументации проявился в обосновании «небытия» античной науки.

2. О невежестве древнем и новом

– Откуда у тебя, хам, такие познания?

Я.Гашек

Недоверчивое отношение Н.А.Морозова и М.М.Постникова к достижениям античной науки весьма напоминает обращенный к храброму солдату Швейку вопрос подпоручика Дуба.

Придерживаясь плоско-эволюционистской концепции развития науки, М.М.Постников не допускает существования разрывов в истории знаний, представляет историю естествознания как постепенное и неуклонное приумножение знаний о мире. Поэтому античная наука не могла существовать. Правда, забвение достижений античной цивилизации не было абсолютным, и историки прекрасно это знают: иначе до нас вообще не дошли бы памятники древней письменности: приписанная М.М.Постниковым исторической науке точка зрения в действительности никогда не имела места, и в особенности не имеет ничего общего с представлениями современной медиэвистики.

По мнению Н.А.Морозова и М.М.Постникова, «Альмагест» Птолемея, как и многие другие сочинения античных математиков и астрономов, был сочинен в XVI в., сразу на латинском языке, и лишь позднее переведен на греческий. То обстоятельство, что в латинском тексте изданий XVI в. приведены астрономические данные, отвечающие состояниям наблюдений XVI в., а в греческом – отвечающие временам Птолемея, исследователи объяснили тем, что латинское издание было предназначено для астрономов-практиков, и потому издатели текста – астрономы эпохи Возрождения – модернизировали данные таблиц; греческий же текст издавался для историков и филологов и потому сохранял данные оригинала. М.М.Постников трактует все наоборот: фальсифицированный текст при «обратном» переводе на греческий был подвергнут дальнейшей фальсификации. Соотношение печатной и рукописной традиции его не интересует: факт подлога есть не результат, а предпосылка его рассуждений.

И здесь в ход пускается аргументация от неведения. Историки астрономии говорят о средневековом переводе «Альмагеста» XII в. – но «мы» его не знаем. Личное местоимение множественного числа употребляется во «Введении в критику древней хронологии» крайне двусмысленно: читателю дают понять, что «мы» – это историческая наука, тогда как в действительности речь может идти только о неосведомленности автора разбираемого сочинения. «Мы» (т. е. М.М.Постников) действительно не «располагаем» необходимыми сведениями о переводе XII в. Но историки его знают, изучали, анализу и опровержению в этом случае подлежат филологические данные о языке и времени создания перевода, данные палеографии, истории списка и т. д. Но М.М.Постникову достаточно словечка «якобы» – перевод был осуществлен «якобы» в XII в. Исследователи говорят, что перевод сделан с арабского перевода – значит, по М.М.Постникову, не существовало ни арабского перевода, ни арабской средневековой астрономии вообще. Об использовании Птолемея в средневековой науке, скажем, в произведениях Николая Орема, автор «Критики» не подозревает. Историки утверждают, что новый перевод Птолемея на латинский язык был сделан Георгием Трапезундским в 1451 г. – М.М.Постников и здесь прибегает к удобному словечку «якобы», не утруждая себя дальнейшей аргументацией. Известно, что первое издание этого перевода вышло в свет в 1528 г., но о нем «мы (читай: М.М.Постников. – А.Г.) не имеем никакой информации». А могли бы и иметь: историкам европейского книгопечатания это издание прекрасно известно, оно вышло в свет в Венеции в издании Лукантонио Джунты, подготовил текст к печати неаполитанский математик Лука Гуарико. М.М.Постников пользуется вторым изданием – Базельским, 1537 г. и говорит, что опубликованный в нем перевод «также принадлежит перу Георгия Трапезундского» – путая перевод и издание (с таким же успехом можно было бы сказать, что имеющееся у меня новейшее издание «Евгения Онегина» содержит текст, который «также принадлежит перу» А.С.Пушкина). Создателем подлога – латинского текста Птолемея – Н.А.Морозов считает Георгия Трапезундского: а так как подлог был им приписан XVI в., а Георгий Трапезундский умер в 1472/3 г., то Н.А.Морозов считал возможным передвинуть дату его смерти на несколько десятилетий; а так как Региомонтан опровергал Георгия Трапезундского в XV в., то и сочинения Региомонтана объявлялись подделкой XVI в. М.М.Постников пытается найти выход из противоречия, предположив тесную связь Региомонтана с Георгием Трапезундским и сославшись на то, что «вопрос о том, не работали ли они вместе, по-видимому, никем даже не ставился».

Так этот вопрос ставиться никем и не мог; вопрос, поднятый М.М.Постниковым, – результат полнейшей неосведомленности: научные биографии обоих авторов – ученого гуманиста и астронома – хорошо изучены специалистами. Известно полемическое сочинение Региомонтана против перевода «Альмагеста» Георгием Трапезундским – именно против перевода, в котором было немало ошибок, связанных с недостатком математических знаний у филолога; Региомонтан располагал подлинным греческим текстом Птолемея и мог судить о качестве перевода. Полемическое сочинение Региомонтана хранится в Петербургском филиале Архива Российской Академии наук, об этой рукописи писал российский историк И.П.Медведев – беда лишь в том, что «мы» об этом не знаем.

Аргумент от собственного незнания используется и для опровержения исторического существования Евклида и Архимеда. Рукописи IX в. «не было», потому что ее не могло быть – других аргументов нет. Она не могла быть изготовлена для архиепископа Пезарейского – потому что «о математической культуре Византии по существу ничего неизвестно» – неизвестно кому? М.М.Постникову? Но можно кое-что и узнать: существуют специальные исследования, книги, статьи, в том числе и на русском языке.

Перевод Архимеда, выполненный Вильгельмом Мербеке в 1269 г., для М.М.Постникова не существует, потому что он не мог существовать; правда, В.Мербеке «сочинил» латинского Аристотеля, но он «не мог» сочинить труд по механике, относимый М.М.Постниковым к более поздним временам. Вопрос об анализе языка, материала письма и других данных, необходимых для датировки перевода XIII в., даже не возникает.

Собственная неосведомленность приписывается науке и используется как довод в полемике. Но еще отрицаемые М.М.Постниковым древние говорили: «Невежество – не аргумент».

3. Математизация глупостей

Математика не есть средство исправления ошибок генетического кода человека. Наряду с математизацией знаний происходит и математизация глупостей: язык математики, как это ни странно, оказывается пригодным для выполнения любой из этих задач.

В.Налимов. Вероятная модель языка

Один из главных доводов Н.А.Морозова и М.М.Постникова – совпадения в последовательности и продолжительности царствования

ний древних царей, императоров, епископов и более поздних императоров, правителей и первосвященников. Вся древняя история на основании этих корреляций объявляется фантомом, искусственным отражением более поздних эпох; под видом выдуманных персонажей историки позднейших эпох описывали царствования своих современников. Вопрос о том, кому и зачем понадобился подобный камуфляж и подобное «удвоение» (а порой и «учетверение») истории, создателями теории глобального подлога не ставится. Но в какой мере обоснованна сама корреляция царствований?

Н.А.Морозов, М.М.Постников и их продолжатели исходят из следующих предпосылок:

а) из презумпции виновности всех древних исторических памятников;

б) из допущения двойного обмана в древних источниках: историки не только изображали одного (позднего) правителя под видом другого (древнего); для пушего обмана они еще переставляли царствования, объединяли или разъединяли их;

в) из достаточности для выводов о корреляции царствований не буквальных и полных совпадений их продолжительности, а относительных длительностей последовательных правлений;

г) из допустимости для улучшения корреляции произвольной выборки царствований и правлений как в древнем, так и в более позднем ряду;

д) из допустимости, для получения более убедительной корреляции, любых перестановок, объединений и разъединений царствований, произвольных пропусков и иных махинаций с исторической хронологией.

Таким образом, фальсификация истории древними историками является здесь не результатом рассмотрения и анализа материала, а предпосылкой подобного анализа.

Заметим еще одну методологическую странность: авторам необходимо выявить отсутствие случайности, индивидуальных особенностей в двух рассматриваемых рядах явлений. При этом до анализа материал более древнего ряда (впрочем, часто и второго, более позднего, что уже не может быть оправдано предположением о фальсификации, ибо тут речь идет о признаваемой М.М.Постниковым истории!) уже подвергается формализации, из него по возможности устраняются индивидуальные особенности, отсутствие которых только предстоит обнаружить.

Многочисленные примеры произвольного обращения с фактами и хронологией в графиках Н.А.Морозова были приведены мною в докладе 1969 г. Приведу несколько новых, весьма характерных

примеров, введенных М.М.Постниковым. Но прежде отмечу еще одно характерное противоречие в аргументации. Афинские цари рассматриваются как «тени» поздневизантийских императоров из династии Палеологов, лакедемонские – как проекция в прошлое династии правителей Мистры – поздневизантийского Пелопоннеса. Между тем даже по Н.А.Морозову и М.М.Постникову сведения об афинских и лакедемонских царях фигурировали в источниках значительно раньше. И здесь аргумент оценивается только с точки зрения направленности против факта существования древней истории; согласование с другими аргументами не предусматривается вообще:

а). Для доказательства корреляции правлений «афинских императоров» из династии Палеологов продельваются следующие предварительные операции: из ряда (М.М.Постников предпочитает термин «струя») афинских царей изымаются два первых по времени царя, из ряда императоров три императора в начале один и в конце династии. Но и полученные таким искусственным путем пары царствований не дают ни одного совпадения, и за достаточную корреляцию принимаются соотношения, скажем, 1 год и 3 года, 21 год и 38 лет. Возможно, достаточные при работе с массовым материалом, подобные соотношения ни о чем не говорят, когда речь идет о явлениях сугубо индивидуального характера, зависящих от множества частных обстоятельств. К тому же предварительно устраненные две пары царствований давали соотношения 30–23 года и 23 года – 46 лет, т. е. нарушали даже приблизительную корреляцию;

б). При сопоставлении сроков правления лакедемонских царей и правителей Мистры М.М.Постников производит еще одну произвольную операцию: годы правления древних царей он дает в обратной последовательности на том основании, что фальсификаторы XV в. ошибались в счете времени до нашей эры. При этом предполагается, что во всех без исключения остальных случаях фальсификаторы подобных ошибок не допускали, и что до XV в. о лакедемонских царях никто ничего не знал, иначе зачем было их выдумывать до появления на свет параллельных им правителей Мистры. Но даже и в таком, сознательно перевернутом виде совпадают года лишь одной пары правлений, в прочих случаях разница составляет 300% (9–3), 100% (22–11), 39% (42–28, 30–20). Причем нормальная хронологическая последовательность давала бы в одном из случаев пару правлений соответственно в 42 и в 3 года! И это совпадение М.М.Постников называет «почти идеальным»!

в). Для выявления корреляции выбираются совершенно произвольно два ряда римских епископов. И здесь различия в сроках правления двух рядов весьма значительны (30–50%). Но и это сом-

нительное совпадение достигается путем целого ряда предварительных произвольных операций: «Между Сирицием и Иннокентием I, — с обезоруживающей откровенностью признается в прямом подлоге М.М.Постников, — мы пропустили Анастасия I, понтификат которого длился 4 года: 398–402 гг.; в качестве второго варианта мы присоединили его к Иннокентию. Тогда понтификат Анастасия–Иннокентия будет составлять 19 лет», — все это делается для того, чтобы приравнять 15-летний и 4-летний понтификаты двух пап к 18-летнему правлению папы Зефирина! Но этого мало. Поразительная корреляция достигается еще и тем, что в одном ряду пропускается епископ Антер, правивший меньше месяца, вводится «период смуты», а во втором кроме уже названной операции с упразднением папы Анастасия I (причем проделанной, отметим, именно во втором, т. е., даже по концепции М.М.Постникова, несфальсифицированном ряду!) пропускаются два кратковременных епископства Марка и Зосимы и двухлетнее правление Анастасия III!

г). В другом графике, обнаружив, что 4-летнему правлению папы Феликса I соответствует 9-летнее правление Феликса II, а 9-летнему понтификату св. Евтихия — 4-летнее правление Геласия, М.М.Постников с легкостью объявляет, что здесь «допущена путаница» — разумеется, «здесь», в исторических источниках, а не в рассуждениях и построениях самого М.М.Постникова! — и что «Феликс II должен быть аналогом Евтихия, а Геласий I — аналогом Феликса I». Это долженствование, предписываемое историческим фактам, чрезвычайно показательно: история должна соответствовать построениям автора «Введения в критику древней хронологии».

Такова цена, которую подлинная историческая хронология должна платить за удивительную корреляцию. Правления царей и императоров укладываются в прокрустово ложе графиков Морозова–Постникова, где нужно, растягиваются, где нужно — обрубаются.

К действительно математическим и статистическим методам все эти махинации не имеют ни малейшего отношения. В науке это называется фальсификацией.

Игра в корреляцию сопровождается рассуждениями об аналогии: в событиях параллельных царствований М.М.Постников усматривает сходство, доходящее до тождества. Достичь картины поразительной аналогии оказывается очень легко: достаточно в этом случае упразднить все индивидуальные различия и особенности. Если один император воевал в Германии, а другой — в Паннонии, М.М.Постникову этого достаточно, чтобы обнаружить в этих двух правлениях поразительное сходство. Но события человеческой ис-

тории, события правлений царей и императоров несомненно имеют черты сходства, не доказывающие тождества лиц и исторических эпох. Кроме того, необходимо иметь в виду при изучении исторических источников, хроник, летописей воздействие предшествующей литературной традиции, соображения литературного этикета, сознательную стилизацию, агиографические штампы и т. п. – всем этим занимаются литературоведение и источниковедение, но до всего этого нет никакого дела новейшим нигилистам. Вот разительный пример аналогии по М.М.Постникову: если папа св. Пий правил во времена, когда император Антонин «пресекает гонения на христиан», то и при папе Сильвестре, пишет автор «Введения в критику», император Константин «пресекает гонения на христиан» – именно так именуется М.М.Постников провозглашение христианства государственной религией Римской империи. Сведенные к самым общим местам аналогии не имеют никакого смысла и содержания.

Разумеется, если отсечь конкретные обстоятельства, то все исторические события окажутся не только сходными, но и полностью тождественными, и тогда мировая история может быть выражена, как в известной новелле Анатоля Франса, в четырех словах: «Люди рождались, страдали, умирали». Этого вполне справедливого суждения явно недостаточно для пересмотра всей хронологии всемирной истории.

4. О пользе грамоты

Учись, мальчик, чтобы тебя не высекали.
Греческие прописи. Оксиринхский папирус.

Главным постулатом для отрицания исторического существования древней цивилизации и ее литературных памятников служит у М.М.Постникова открытый им универсальный закон существования письменности.

По убеждению автора «Введения в критику», развитая литература и письменность вообще не могли существовать до употребления бумаги и до изобретения печатного станка. Им сформулирован «универсальный принцип, пригодный для текстов любого содержания и позволяющий оценить время их создания». Принцип этот «состоит в том, что любой текст, написанный грамотным, литературно правильным и орфографически безошибочным языком, предполагает уже существование и достаточно широкое распространение печатной продукции, а потому написан уже в эпоху книгопечатания».

Выдвинутый М.М.Постниковым критерий грамотности и орфографической безошибочности языка вообще антиисторичен, не соответствует реальным фактам истории любого литературного языка и письменности. Кроме того, никакие памятники древней письменности и не обладают требуемой М.М.Постниковым унификацией, и всякий, кто имел дело с научной текстологией, как классической, так и нового времени, не может этого не знать. Этой унификации нет и в эпоху всеобщего распространения книгопечатания, и тогда существовали местные, хронологические, индивидуальные особенности. Ни один текст не составлен по правилам нормативной грамматики последующих эпох.

М.М.Постников полагает, что без бумаги как дешевого и доступного материала для письма вообще невозможно обучение грамоте, так как оно требует упражнений, диктантов, а пергамен и папирус для этого дороги, восковые же таблички непригодны. Правда, в эллинистическом Египте найдены десятки тысяч памятников деловой письменности, в том числе и детские тетради, прописи, – на папирусе, тетради из восковых табличек, списки глаголов и т. п. Правда, грамотность на Руси – как и во всей средневековой Европе – предшествовала появлению бумаги; широкое распространение письменности и грамоты предшествовало появлению печатного станка (иначе он не мог бы и появиться: книгопечатанию повсюду предшествует потребность в большом количестве однообразных текстов). Но что значат факты для нигилиста, как не очередное скопление фальшивок! Масштабов средневековой письменности М.М.Постников по счастливому неведению себе не представляет, рукописные собрания отечественных и зарубежных книгохранилищ для него звук пустой, тем более, что никаких принципов датировки памятников письменности он не признает: очевидно, десятки тысяч дошедших до наших дней пергаменных и бумажных рукописных книг догутенберговского периода для него не существуют.

Если абсолютной унификации орфографии не знают памятники античной литературы в древних списках, то нет ее и в письменности средневековья. Но грамота существовала, и необходимое единообразие в литературных (особенно в литургических) текстах все же достигалось. Аргумент М.М.Постникова напоминает курьезный довод одного профессора-химика, также решившего поучать гуманитариев, – довод, немало позабавивший в свое время читателей юмористических разделов наших газет: он отрицал грамотность Ивана Грозного (а стало быть, и принадлежность ему литературных произведений) на том основании, что первая русская

печатная азбука была издана Иваном Федоровым лишь в 1574 г.! Вопрос о том, как научился грамоте сам Иван Федоров, его не заинтересовал.

Но если говорить о начале книгопечатания, то чем же объяснит наш критик совершенную и образцовую грамотность именно первых печатных книг – Библии Гутенберга и Апостола и Острожской Библии Ивана Федорова; как может он признать существование на протяжении столетий до появления на Руси бумаги и печатного станка огромного количества рукописных книг, возникновение памятников древнерусской литературы, таких как Слово о законе и благодати митрополита Илариона, Моление Даниила Заточника, Повесть временных лет. Историков древнерусской литературы и русского языка вполне удовлетворяет уровень грамотности и литературной «правильности» этих и многих других памятников – не знаю, могут ли они угодить взыскательному вкусу критика древней хронологии. Во всяком случае, выдвинутым им критериям они не отвечают. Вопреки универсальному принципу М.М.Постникова, в Древней Руси и грамоте учили, и индивидуальное литературное творчество существовало (по мнению автора «Введения в критику», оно тоже невозможно без бумаги и без написанных на ней черновиков).

В одном М.М.Постников, пожалуй, прав: дешевизна бумаги, относительная доступность печатного станка и государственная поддержка науки порой облегчают положение графоманов: в средние века появление труда, подобного рецензируемому, потребовало бы от автора изрядных личных расходов; отрадно, что на него пошла пусть и дефицитная бумага, но все же не сотни кож понапрасну загубленных телят.

М.М.Постников с недоверием и насмешкой относится к описанным в литературе обстоятельствам открытия забытых памятников древней письменности. История открытия Шипионе Маффей древних рукописей на шкафах в пыли (в то время, как книги менее ценные бережно хранились в шкафах) кажется М.М.Постникову фантастической и «невозможной в реальной жизни». Можно только позавидовать такому рациональному и благополучному представлению о реальности. В жизни, увы, бывает все гораздо сложнее: не так давно в рукописном отделе одной из крупнейших наших библиотек обнаружили сотни листов произведений европейской графики XVI–XVII вв., в том числе крупнейших художников – в библиотеке о них никто не знал: поступившие в начале века, они в последующие годы не были своевременно научно описаны и за смертью хранителя прочно забыты на много десятилетий.

Мне приходилось участвовать во многих археографических экспедициях в районы Русского Севера и присутствовать при находках достаточно фантастических и, по М.М.Постникову, очевидно, тоже «невозможных в реальной жизни». В избе тракториста, где на почетном месте стояли книги и учебники новейших изданий, в закутке за печкой хранилась рукопись почти пятисотлетней давности, 1482 г., переписанная в свое время для князя Андрея Углицкого, брата Ивана III. В доме у старушки, на повети хранились ящики и коробка бесценных старинных рукописей XVI–XVIII вв. и старопечатных книг (в том числе единственный в мире экземпляр московского Часовника 1630 г., не учтенный в библиографии). Из хлама в светелке была извлечена тетрадка, оказавшаяся автографом Жития старца Епифания – сподвижника протопопы Аввакума. Рукописные сборники XVI в., содержавшие неизвестные редакции литературных памятников Древней Руси, вместе со списком Уложения 1649 г. лежали на траве у погреба, за три дня до прихода археографа они были случайно найдены и вытащены из-под картопки деревенскими ребятишками. По правилам «критики древней хронологии» в фальсификаторы должны бы попасть и археографы, и тракторист, и старушка, а заодно и деревенские школьники.

Существует действительная, а не придуманная аналогия между открытием памятников античной литературы в эпоху Возрождения и открытием археографов в наши дни. И те, и другие памятники вовсе не исчезали совсем, но в определенных условиях оказались в иной культурной среде, до определенного времени не привлекали к себе внимания историков и литературоведов, не были им доступны. В.И.Мальшев нашел, не говоря о многих иных его открытиях, второй список «Слова о погибели», Н.Н.Покровский обнаружил в Сибири «Судное дело Максима Грека» – я говорю о наиболее сенсационных открытиях, специалистам известны сотни других, не менее ценных. Мы являемся свидетелями и участниками важного культурного процесса – возрождения широкого общественного интереса к памятникам отечественной истории и культуры. Но не грозит ли российским археографам обвинение в подделке текстов открытых ими памятников письменности, да и древнерусской культуры вообще – со стороны новоявленных нигилистов?

Полагаю, что опасность такая существует. Концепция всеобщего подлога Морозова–Постникова носит столь глобальный характер, что ей не служат преградой ни хронологические, ни географические, ни иные границы.

5. О проектах вечного двигателя

С 1775 г. Французская Академия отказывается рассматривать проекты вечного двигателя.

Автор «Введения в критику древней хронологии» и его сторонники спекулируют на действительных трудностях и проблемах исторической науки – на сложностях, связанных с датировкой и определением авторства и подлинности памятников письменности и археологических находок. Все эти трудности были вскрыты самой исторической наукой, историкам-профессионалам не было нужды в содействии новоявленных нигилистов. Все без исключения примеры, приводимые в сочинениях Н.А.Морозова и М.М.Постникова, задолго до них фигурировали в специальной литературе. Ныне исторической науке ставятся в упрек ее собственные достижения, развитие и совершенствование разработанных ею методов критики источников, осуществленное ею же самой разоблачение фальшивок и апокрифов, против нее используется ее собственная самокритика.

Решающий аргумент сторонников концепции Морозова–Постникова – их собственное воинствующее невежество. Дело не в отдельных ошибках или неточностях, от которых не застрахован ни один исследователь. Дело в принципе «святого невежества», о котором справедливо писал Джордано Бруно, что оно не требует труда и не печалит душу. В основе концепции глобального нигилизма лежит вера в открытую по наитию истину. Построенная на противоречащих друг другу доказательствах система рассыпается в прах при первой же проверке положенных в ее основание методологических принципов и используемых для ее подкрепления фактов.

Преувеличенное представление о собственных возможностях сочетается у сторонников учения о всемирном подлоге с безграничной подозрительностью. Вся история человечества на Западе и на Востоке, в Византии и на Руси, на Кавказе и в Средней Азии предстает как результат чудовищной всеобъемлющей фальсификации.

Приняв за основу убеждение в подлоге, нигилисты ищут его где попало, не заботясь об элементарном согласовании противоречащих друг другу версий. Н.А.Морозов обвинял в фальсификации преимущественно гуманистов, а также схоластов XII–XIII вв., «выдумавших» Аристотеля. М.М.Постников то говорит о подделках XV–XVI вв., то заявляет, что основной массив фальсификаций сложился уже ко временам Петрарки. В опубликованном под эгидой Проблемного совета «Кибернетика» препринте «Новые методики статистического анализа материала древней хронологии» виновны-

ми в подделке творений греческих историков и евангельских текстов объявляются византийские авторы начиная с XII в. История Древнего мира оказывается результатом грандиозного тайного заговора фальсификаторов и фальшивомонетчиков, в котором приняли участие (ни разу не проговорившись!) многие поколения людей во всех концах земли. Попады нет никому, никто не может оправдаться от предъявленного ему обвинения в сознательном и тайном подлоге. Здесь действует железная логика инквизиторов времен охоты за ведьмами: всякий, защищающий другого от нелепого и вздорного обвинения, сам оказывается под подозрением в ереси, неизбежно попадает в соучастники преступления. В роли проходимцев и фальшивомонетчиков, не говоря о новейших историках, филологах и археологах, оказываются Петрарка и Боккаччо, Поджо и Фичино, Региомонтан и Георгий Трапезундский, греки и латиняне, арабы и евреи, средневековые схоласты и гуманисты, хронисты и астрономы, богословы и еретики и так до бесконечности – «имена же их ты, Господи, веси», как писал в синодиках государь Иван Васильевич.

Все и вся обвиняющий в подлоге и обмане сам не внушает доверия. Подлог действительно существует. Он есть результат самоуверенного невежества, не отягощенного дисциплиной профессионального исследования.

Впрочем, я не могу исключить и того, что все участники нынешней дискуссии оказались наивными жертвами великой мистификации, веселого розыгрыша. Но розыгрыш, обращенный к незнакомым людям, наносящий моральный и материальный ущерб учреждениям и лицам, есть поступок глубоко безнравственный. Если же все это делается всерьез, то пусть этот отзыв послужит защите духовной среды обитания нашей цивилизации от невежественных покушений.

Я не вижу здесь материала для дальнейшей дискуссии: мне стыдно приводить очевидные примеры, известные сколько-нибудь сведущим людям. Переубедить невежд я не надеюсь. Я не хочу поощрять их стремление к геростратовой славе. Воинствующее невежество не может быть предметом научного спора.

Российская Академия наук не обязана принимать к рассмотрению ни проекты вечного двигателя, ни проекты упразднения всемирной истории.

По пройденному пути

«Новое» понимание истории, предложенное А.Т.Фоменко, обычно рассматривают как развитие изысканий Н.А.Морозова. Однако у последнего также были предшественники, причем далекие, и вспомнить о них представляется важным, поскольку вопрос о почти полной недостоверности письменной античной традиции был быстро снят, так и не успев занять серьезное место в развитии исторических знаний.

Сама возможность появления сомнений в достоверности письменной традиции не только античной, но и раннесредневековой определялась тем, что они могли высказываться тогда, когда на рубеже XVII–XVIII вв. закладывались научные основы для изучения письменных памятников через разработку вспомогательных исторических дисциплин, дипломатики и палеографии. Первые успехи в этих дисциплинах, достигнутые учеными бенедиктинцами, показали несерьезность амбиций их соперников иезуитов, пытавшихся опровергнуть достоверность письменных исторических документов. Следует, однако, отметить научную честность иезуитов старого времени, то есть их способность признавать порой свои ошибки. История спора между бенедиктинцами и иезуитами – давно пройденный этап в историографии. Все сказанное выше относится к хрестоматийным сведениям (см. об этом подробнее: [3, с. 99–101, 103–105]).

Возможность воскрешения порочных идей объясняется или ущербностью образования Морозова, проведенного много лет в тюрьме, или той страшной драмой в деле гуманитарного образования, которая разыгралась в нашей стране в 20-е годы XX в. Отголоски этой драмы раздаются и сейчас. Не будем их перечислять. Укажем лишь на продолжающееся варварское отношение к памятникам материальной культуры (архитектуры и пр.). Таким же отголоском следует считать ситуацию, когда с кафедры или со страниц роскошных книг проповедают мошеннические теории, собирая при этом большие сходки доверчивых людей и находя множество читателей.

На то замечание, что потуги Фоменко – это пройденный этап в историографии и закрытый вопрос, могут сделать возражение: там, мол, были истоки, а здесь развитие идей на основе развития

естественных знаний. Но главное не в том даже, что несколько веков тому назад были опровергнуты измышления о письменной традиции. Главное в столкновении старых эрудитов с таким характером аргументации, который позволяет беспредельно открывать «новое» в истории. Показательны следующие положения, которые отстаивали иезуиты: 1) чем старше документ, тем он более вызывает сомнение в подлинности, 2) рукописи, письмо которых не совпадает по характеру с письмом современных им монет, представляют собой подделку. Эти положения не могут быть приняты, исходя из элементарной логики. Но подобные утверждения явились примером для других бесконечных аргументов, придуманных уже в наше время Постниковым, Фоменко и его последователями.

М.М.Постников, опровергая традиционное изложение истории, исходил из полной безграмотности монахов, неизвестности в средние века классической латыни и дороговизны пергамена. В первом положении, ложность которого слишком хрестоматийна, проглядывает революционное чванство того времени, когда крупили все «проклятое» прошлое. Второе и третье вытекают из некомпетентности математика в узких вопросах, которые он берется решать: классическую латынь достаточно понимали в средние века в первую очередь «безграмотные» монахи, по крайней мере, в той степени, чтобы переписывать произведения античности; писали не только на пергамене, а его дороговизна всегда заставляла искать новый материал для письма, в связи с чем одновременно с пергаменом стали использовать палимпсест. Но все в рассуждениях Постникова подгоняется так, что переписывать античных авторов было некому и не на чем.

Особенно урожайным для фоменковской теории был 1983 год, когда журнал «Техника и наука» публиковал из номера в номер (см. № 3, 8, 9) новые откровения, не сопровождая их критикой и тем самым себя позоря. Примеры примененной здесь уже знакомой аргументации бесконечны. Отметим лишь имеющиеся в статье по военной истории («ГН», № 3), где затронут вопрос о старых крепостях. Из факта добротности крепостей выводится заключение о невозможности штурмовать их до использования пороха. Более того, ставится под сомнение само существование осадных орудий, а изображение их в рукописях объявляется фантастикой.

В приведенных примерах видно соединение невежества в области исторических знаний с приемами аргументации, известными по спору бенедиктинцев с иезуитами. То, что до какой-то степени можно оправдать эпохой, когда закладывались научные подходы в деле изучения письменных памятников, в наше время нужно расце-

нивать как воинствующее невежество, корни которого выше упомянуты.

Отстаивание заведомо ложного в исторических знаниях придает трудам носителей «новых» идей характер порнографии от науки, отвлекая молодое поколение от серьезной работы и тем самым его развращая.

При полной, однако, непродуктивности разоблачения основной массы конкретных положений фоменковщины важным представляется осмысление этого негативного общественного явления, возникшего на основе превращения гуманитарных знаний в задворки других наук.

ЛИТЕРАТУРА:

- [1] *Анастасов Л.* Новое направление науки? Осторожно! // «Техника и наука», 1983, №8.
- [2] *Голубцова Е.С., Кошеленко Г.А.* История древнего мира и «новые методики» // «Вопросы истории», 1982, № 8. С. 70–82.
- [3] *Добиаш-Рождественская О.А.* История письма в средние века. – М.–Л., 1936.
- [4] *Зенин Д.* Артиллерия древних: правда и вымысел // «Техника и наука», 1982, №5.
- [5] *Михайлов М.* Этот странный радиоуглеродный метод // «Техника и наука», 1983, №8.
- [6] *Николаев Д.* Оружие, которое не спасло Византию // «Техника и наука», 1983, №9.
- [7] *Постников М.М.* Величайшая мистификация в истории // «Техника и наука», 1982, №7. С. 28–33.
- [8] *Постников М.М.* Необходимые разъяснения к статье «О достоверности древней истории» // «Математическое образование», 1997, №2.
- [9] *Постников М.М.* О достоверности древней истории // «Математическое образование», 1997, №2.
- [10] *Постников М.М., Фоменко А.Т.* Новые методики статистического анализа нарративно-цифрового материала древней истории (препринт) // АН СССР. Научный Совет по комплексной проблеме «Кибернетика». – М., 1980. С. 1–36.
- [11] *Солонarf П.* Скорее всего вымысел... // «Техника и наука», 1983, №3.
- [12] *Фоменко А.Т.* Критика традиционной хронологии античности и средневековья. (Какой сейчас век?) Реферат. – М.: изд-во мех-мат. ф-та МГУ, 1993. 204 с.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**
Абу Али ибн аль-Хайсам 66
Аввакум 214
Август Гай Октавиан 171
Августин 98, 140, 201
Авраам 63, 113, 116, 120, 123
Аврелиан 193
Агамемнон 87
Агариста 132
Агриппа, Марк Випсаний 171
Агриппина Старшая 171
Агриппина, Юлия Младшая 171, 172
Адам 102
Адар 114
Адян 9
Азар П. 100
Айвазян 10
Аксаков Н.П. 146, 153
Аксерес 120
ал-Кинди 185, 202
ал-Химси 185
Александр II 166
Александр Македонский 91, 93, 94, 105, 114, 125, 141, 170
Александр Ярославич Невский, св. 61
Алексей Михайлович, царь 26
Алкуин Йоркский 184
Аль-Батгани 67, 71
Альберти Леон-Батиста 188, 189, 198
Альмгрен 9
Амасис 88, 96
Амвросий 201
Аменофис 128, 129
Аменхотеп 182
Аммон 91, 92, 114, 119, 125–128
Амонрасонтэр 198
Амосис 127, 143
Амфиарай 87
Амфиктион 119, 120
Анагаллида 111
Анастасий I 210
Анастасий III 210
Анастасов Л. 197, 219
Андрей Углицкий 214
Анисис 89
Аносов Д.В. 9
Антей 92, 120
Антер 210
Антонин 211
Апион 91, 95
Аполлодор 131
Аполлон 92, 93, 128, 129
Аполлоний 185
Аполлоний Родосский 143
Аргос 111, 136
Ардуэн Ж. 200
Арес 87, 129
Ариадна 87, 121, 126
Аристаталис 185
Аристотель 22, 79, 85, 181, 185, 190, 195, 198, 202, 203, 207, 215
Аристофан 164
Армаис 97, 126
Арнобий 98
Арнольд В.И. 5, 8
Артуур 60
Архимед 72, 185, 207

Аса 128, 130
Асархаддон 192
Асихис 122
Ассуэрис 120
Астров П. 146, 147, 153, 162, 167
Астрик 139
Ат-Туси 71
Атлант 120, 128
Афанасий 106
Афина 87, 92
Афлатун 181, 185
Афродита 129
Ахсуэрис 120
Ашленбреннер М.Ю. 156, 167
Алпшур-аху-илдин 192

Б

Бальдерик Бургельский 184
Банье А. 100, 140
Баранов В. 190, 192, 197
Барцица 181
Басил, Луций Минуций 184
Батый 11, 31, 61
Бедный Д. 43
Бек Авг. 84, 100, 139, 140
Белинский В.Г. 46, 48, 165
Белох 143
Бельцони 55
Бен-Адад 114
Бернардо 189
Бернулли 10, 11
Беросс 101
Берри А. 66
Бижу Г. 39
Бируни 71
Боголюбов Н.Н. 8
Бодью Д. 76
Боккаччо Дж. 216
Болотников (Сулешов) Иван 32, 33
Болотников Иван Иванович 33
Болотников Иван Исаевич 32, 33
Болотников Иов 32, 33

Борисов А.Я. 185, 198
Борисов В.А. 32
Бохарт 101, 120, 130, 140
Брестед Дж.Х. 182, 197
Бродский Вс. 60
Бромлей Ю.В. 8
Броншгэн В.А. 41, 64, 144
Бругш 54
Бруно Джордано 215
Брут 79, 181, 197
Брюстер 138
Булгаков М.А. 201
Бусирис 92
Бухингабер В.М. 6, 10
Быстров А.В. 43, 48
Бэл 93, 121, 129
Бюфон (де) 83

В

Вавилов С.И. 84
Вазей 101
Вакх 124–126, 129
Валент 173, 174
Валери Максим 79
Варбуртон, еп. 127, 143
Варда 185
Васай 141
Василек Теребовальский 30
Василий II 30
Василий Блаженный 11
Василий Великий, св. 145, 146, 151, 153, 201, 203
Василий Темный 30
Вассоевич Н.Б. 198
Вассоевич А.Л. 198
Веллманн М. 140, 143
Венера 129
Вергилий 118
Веселовский С.Б. 41
Вико Дж. 22, 139
Вильев М.А. 176, 178
Виноградов И.М. 7

- Винсент из Бовэ 189
 Випстанций 170, 172
 Виргилий 79
 Витрувий 188, 189, 198
 Владимир I Святославич Святой
   22, 25, 36, 195
 Владимир Всеволодич Мономах
   36
 Вольф Авг. 84, 139
 Восью Г.И. 140
 Врежинский В. 197
 Всеволод Ярославич 31, 32, 37
- Г**
- Газаэль 114
 Гален Клавдий 185, 198
 Галлей Э. 103
 Галуа Э. 72
 Гарнак А. 148
 Гашек Я. 205
 Гевелий 34
 Гегель Г.В.Ф. 22
 Гейне Г. 93
 Гекатей Абдерский 85, 91, 92, 94,
   95, 119, 124, 125, 128
 Гекатей Милетский 85, 88
 Геласий I 210
 Гемин из Родоса 72
 Генрих VIII Тюдор 25
 Георгий Трапезундский 206, 207,
   216
 Геракл 87–89, 92, 93, 125, 128, 132
 Геркулес 129, 136
 Германик 171
 Гермес 92
 Геродот 85, 86, 88, 89, 91–94, 96,
   97, 101, 111, 122–125, 132, 135,
   143, 186–188, 195, 198, 201
 Герон 169
 Герострат 154
 Гесиод 130, 131
 Гессмер 55
- Гете И.В. 157
 Гефест 87, 92, 119
 Гигин 111
 Гимадеев Р.А. 183
 Гингерич О. 66, 70, 71
 Гинцель Ф.К. 67, 68, 169, 171–173,
   175
 Гиппарх 34, 65, 66, 71, 74, 75, 134
 Гипсий 131–133
 Гиппо 134, 135
 Гиппократ 198
 Гитлер А. 21
 Глинка М.И. 165
 Глинка Н.Л. 159, 167
 Гоголь Н.В. 161
 Голдстейн 74
 Голенищев-Кутузов И.Н. 198
 Голубцова Е.С. 43, 47, 48, 167, 193,
   197, 219
 Гомер 77, 95, 97, 111, 129, 201
 Гор 128, 129
 Горазон 52, 53
 Горацій 79
 Гордеев А.А. 19
 Гореславский А. 21, 40
 Городецкий М.Л. 4, 5, 169
 Горслей, архиеп. 101, 108, 111, 123–
   125, 129, 135, 141–143
 Горфункель А.Х. 199
 Горький А.М. 165
 Грановский Т.Н. 155
 Гребеников Е.А. 64
 Гржегоржевский Б.Л. 152, 153
 Григорий VII (Гильдебранд) 61
 Григорий Великий 202
 Григорий Назианзин 146
 Григорий Нисский 146
 Гриффит Ф. 197
 Громов М. 9
 Гуарико Лука 206
 Губкин И.М. 157
 Гук Р. 72

Гумилев Л.Н. 22
 Гутенберг И. 213
 Гэйл 141

Д

Давид 79, 116, 127
 Даламбер Ж.Л. 143
 Данай 97, 111, 121, 126
 Даниил Александрович 187
 Даниил Заточник 213
 Даниил, пр. 106, 108, 116, 149
 Данилевский И.Н. 4, 12, 200
 Данилевский Н.Я. 22
 Дарий I Гистасп 116, 152
 Дарий II 152
 Дарий Милянтин 116
 Девкалион 117
 Декарт Р. 72, 205
 Деламбр Ж.Б. 67
 Деметра 87, 92
 Деметрий Полиоркет 191
 Демокрит 91
 Державин Г.Р. 162
 Джексон 101, 141
 Джунта Лукантонио 206
 Дзержинский Ф.Э. 165
 Дидона 118
 Дидро Д. 141
 Дильс Г. 198
 Динарх 91, 125
 Диоген Лаэртский 135
 Диодор 88, 91, 92, 94, 95, 98, 101,
 114, 118, 119, 124, 126, 128, 143
 Диоклетиан 193
 Дион Кассий 170–174
 Дионис 87–89, 91–94, 119, 125, 126
 Дионисий 141
 Дионисий Скитобрахион 91, 125
 Дмитрий Иванович Донской, св.
 11
 Добиан-Рождественская О.А. 219
 Доватур А.И. 195, 198

Додуэлл Х. 101, 121, 141
 Дойель Л. 197
 Дорман Л.И. 39
 Достоевский Ф.М. 161
 Дрбоглав Д.А. 217
 Дуб 205

Е

Евгемер 85, 90, 91, 95, 98, 99, 125
 Евдокс 95, 130, 131, 134
 Евклид 69, 151, 185, 188, 190, 207
 Еврипид 91
 Евсевий 88, 98, 101, 122, 131, 140,
 143
 Евтихий, св. 210
 Египет 97, 121, 126, 140
 Екклезиаст 22
 Елена 87, 128
 Елизавета I 63
 Елизавета Петровна, имп. 28
 Епифаний 214
 Ернштедт П.В. 195
 Есенин-Вольпин А.С. 6
 Ефрем Сирий 203
 Ефремов Ю.Н. 41, 42, 167

Ж

Желябов А.И. 157
 Жюстэн 79

З

Завенягин А.П. 157
 Завенягин Ю.А. 154, 156, 167
 Зализняк А.А. 62
 Захария, пр. 149, 152
 Зевс 87, 90, 92, 98, 115, 125, 135
 Зенин Д. 190, 198, 219
 Зефирин 210
 Зосима 210
 Зубов В.П. 198
 Зэте К. 198
 Зюсс 17

И

Иаков 127
 Иапет 120
 Ибн-Сина 202
 Иван I Данилович Калита 11
 Иван III 31, 37, 214
 Иван IV Васильевич Грозный 11, 25, 27, 63, 187, 212, 216
 Иванов Ю.И. 41
 Иващенко В. 167
 Идельсон Н.И. 69, 151, 153, 176, 177, 178
 Иезекииль, пр. 91, 149, 150, 152
 Иеремия, пр. 149
 Иероним 201
 Изяслав Ярославич 31, 32
 Иисус Навин 113, 127
 Иисус Христос 11, 61, 106–108, 145, 150, 151, 157, 163–166, 168
 Иларион 213
 Иннокентий I 210
 Иоаким, библия. 152
 Иоанн, ап. 15, 104, 107, 109, 142, 144, 145, 147–149, 152
 Иоанн Дамаскин 203
 Иоанн Златоуст 145, 146, 148, 161, 203
 Иоахаз 114
 Иов 116
 Иосиф 117, 127
 Иринея Лионский 148, 153
 Исая, пр. 149
 Исида 90–92, 94, 114, 118, 121, 129
 Исидор 98
 Иуда-учитель 149

К

Кадм 112, 113
 Каин 102
 Кайзер О. 11
 Калапников В.В. 12, 13, 33, 42, 144
 Калигула 171

Калистов Д.П. 198
 Капица С.П. 157
 Каракалла 193
 Карамзин Н.М. 155
 Карл Великий 184, 189, 195
 Картер Г. 50, 51, 57, 58
 Касобон И. 79
 Каспаров Г.К. 61
 Кассиодор 183, 189
 Кастор 135
 Кеннеди Дж.Ф. 21
 Кеплер И. 74, 195
 Керам К. 52, 53, 54
 Кетура 113
 Киаксар 116, 120
 Кибальчич Н.И. 156, 157, 166, 167
 Киприан 98
 Кипсел 110, 142
 Кир 116
 Кирилл, св. 183
 Клавдий Птолемей. См. Птолемей
 Клавдий
 Клавдий Тиберий 171
 Клайн М. 167
 Клеомед 72
 Клеопатра 63
 Климент 134, 135
 Климент Александрийский 98, 99, 147, 148
 Ключевский В.О. 20, 26, 27, 40, 41, 155
 Колмогоров А.Н. 8
 Кондратьев Н.Д. 22
 Конрингий 101, 102, 124, 141
 Константин Дж. 77
 Константин Л. 77
 Константин, имп. 211
 Конти 105
 Коперник Н. 34, 66, 72, 164, 188
 Корбуло 170, 171, 172
 Коро К. 204
 Коровкин Ф.П. 192, 198

Коростовцев М.А. 198
 Кошелев А.Д. 47
 Кошеленко Г.А. 167, 193, 197, 219
 Кравец А. 167
 Красильников Ю.Д. 73, 169, 175
 Крачковский И.Ю. 197
 Крез 132, 133
 Крукс У. 159, 166
 Кудрявцев 27
 Кугузов М.И. 165

Л

Лагранж Ж. 143
 Лакланций 99, 140
 Ламарк (де) Л. 79
 Ламарк Ж.-Б. 166
 Ланда (де) Жерар 76
 Ландау Л.Д. 157
 Лансберг (фон) Ф. 67, 72
 Лев Математик 185
 Леда 136
 Лейбниц В. 72
 Лейбниц Г.В. 195
 Леклерк Ж. 100
 Лем С. 35
 Ленин В.И. 155, 163, 165
 Леокед 132, 133
 Леонт из Пеллы 91
 Лепсиус Р. 198
 Лесгафт П.Ф. 157, 164, 175–178
 Лескаль де Ж.-С. 79
 Либби У.Ф. 17
 Ливий Тит 20, 202
 Ликаон 117
 Ликург 111
 Линкольн А. 21, 63
 Липшиц Е.Э. 198
 Лихачев Д.С. 23, 183, 197
 Лобачевский Н.И. 18, 155
 Логунов А.А. 8, 9
 Локк 103
 Ломоносов М.В. 20, 28, 195

Лотман Ю.М. 24, 40
 Лука, еванг. 145
 Лукреций 184
 Луначарский А.В. 155, 163, 165
 Лурье С.Я. 84
 Лысенко Т.Д., акад. 5, 38
 Любатович (Джабадари) О.С. 157
 Люблинская А.Д. 199
 Ляпунов А.А. 5

М

Майер Т. 67
 Майкельсон 177
 Макаре-Лиманов Л. 10
 Македон 93
 Макробий 98
 Максим Грек 214
 Мальпьев В.И. 214
 Мамай 11, 31
 Манефон 88, 89, 94, 96, 98, 101,
 120, 122, 126, 128, 143, 186
 Манин Ю.И. 9
 Маргулис Б.Е. 9
 Мардокемпад 68
 Марк, еванг. 145
 Марк, еп. 210
 Марк Твен 197
 Марков А. 178
 Марков А.А. 160, 161, 167
 Маркс К. 22, 156
 Марс 87
 Маршак С.Я. 23
 Маршэм Дж. 101, 102, 115, 124,
 140, 142
 Маслов В.П. 11
 Матфей, еванг. 145
 Мафусаил 121
 Маффеи III. 213
 Медведев И.П. 207
 Медея 128, 136
 Меланктон 79
 Мемнон 128–130

Менандр 203
 Менделеев Д.И. 156, 160
 Менес 122, 128
 Менесфей 93
 Менофис 128
 Мербеке В. 207
 Мерид 89, 122
 Метон 74
 Меурсиус 84
 Мефодий, св. 183
 Микерин 89, 122
 Мил 119, 120
 Миллер Г.Ф. 26–28, 80
 Минас 88
 Минос 115, 121
 Мисфрагмутосис 127, 143
 Михайлов М. 167, 197, 219. *См.*
     также Постников М.М.
 Михалков С.В. 43
 Мишулин А.В. 151, 153, 167
 Мищенко А.С. 6, 7
 Моисей 106, 109, 116, 118, 139
 Мор Л.Т. 105, 107, 108, 110, 115,
     121, 122, 125, 134, 137, 141–143
 Морозов Н.А. 162, 164
 Морозов Н.А. 4–7, 11, 15, 34–36,
     54, 144–169, 171–179, 193, 197,
     199–203, 205–210, 214, 215, 217
 Морозова Л.Е. 42
 Мошонкин М.Я. 176–178
 Муратов С.В. 177
 Мутасим 185
 Мухаммед, пр. 195

Н

Навсикая 110, 111, 135
 Налимов В. 207
 Наполеон 21, 54
 Настенко И.А. 4
 Неборский М.Ю. 40
 Нейгебауэр О. 70
 Нельсон Г. 63

Нептун 119–121, 128, 129, 136
 Нерон 170, 172, 173, 174
 Нестор 82
 Нефтида 120
 Нибур 84, 139, 141
 Николаев Д. 190, 192, 197, 219
 Николай V, папа 180, 189
 Никольский Н.М. 146, 147, 149–
     151, 153, 163, 168
 Никольский С.М. 7, 9
 Нитокрида 122
 Нитокрис 89
 Новиков С.П. 4, 5, 154, 168
 Ной 100, 116, 117
 Носовский Г.В. 12, 13, 20, 26, 27,
     29, 30, 33, 39–42, 47, 49, 51, 53,
     55–57, 61, 144, 169, 175
 Нума 131
 Ньютон И. 4, 11, 70–74, 84, 85, 88,
     89, 92, 94–96, 98, 99, 101–143
 Ньютон Р.Р. 14, 28, 41, 64–67, 69–
     71, 73–75

О

Овидий Назон 63, 79, 184
 Одиссей 87
 Одоакр 11
 Оккам У. 204
 Оксиарес 120
 Олссон Дж.У. 39
 Оппольцер Т. 67, 74, 173
 Орем Н. 206
 Ориген 188–190
 Орион 136
 Орозий 98
 Орфей 95, 136
 Осарсиф 128
 Осирис 87, 88, 91–94, 114, 118, 121,
     124–126, 128, 129

П

Павлов Б.Ф. 147

- Павлов И.П. 165, 166
 Павловская Е.Д. 41
 Павсаний 110
 Паламед 87
 Палеологи 209
 Памфлий 52
 Пан 88
 Педерсен О. 70
 Пелопс 119
 Перепелкин Ю.Я. 195, 198
 Пересветов Р. 40
 Перизоний 101, 124, 141
 Перовская С.Л. 157
 Петавий 84, 101, 102, 141
 Петр I Великий 58
 Петрарка Фр. 62, 216
 Петровский Ф.А. 198
 Пий, св. 211
 Пименов Р.И. 199
 Пиотровский Б.Б. 195
 Пирогов Н.И. 195
 Пирогова М.А. 49
 Пифагор 35, 95
 Пифон 128, 129
 Планк М. 155
 Платон 22, 72, 118, 133, 181, 188, 198, 202
 Плеханов Г.В. 156, 157, 165, 166
 Плиний Старший 170–175
 Плотин 185
 Плутарх 94, 115, 130–132, 137
 Поджо Браччолини 180, 181, 216
 Покровский М.Н. 152
 Покровский Н.Н. 214
 Полибий 22
 Поликарл Смирнский 148
 Политий 78
 Поллукс 135, 136
 Помпей Гней 193
 Порфирий 202
 Посидоний 72
 Постников М.М. 4–8, 47, 48, 154, 155, 166–169, 175, 179–196, 199–215, 218, 219
 Преображенский П.Ф. 164, 168
 Прокл Диадох 169
 Прометей 87, 93, 128
 Протей 89, 122, 128–130
 Псамметих 122
 Птолемей Клавдий 28, 33–35, 41, 64–75, 151, 169, 174, 188, 190, 202, 205–207
 Пушкин А.С. 23, 161, 165, 185, 206
- Р**
- Ра 114
 Радзивилл 33
 Разин Степан 63
 Рамо Ж.Ф. 157
 Рампсинит 89, 122
 Рамсес 97, 140
 Рамсес II 89, 125
 Ранке Х. 198
 Рапевский П.К. 6
 Региомонтан 34, 206, 207, 216
 Рейнгольд Э. 66
 Репин И.Е. 165
 Рея 115
 Ривз Н. 57
 Риччиоли Дж.Б. 67, 72, 172, 173
 Робинсон Г.У. 76
 Ровоам 97, 125, 128
 Розе В. 185
 Розенталь М. 167
 Ромул 120, 193
 Рыбаков Б.А. 8
 Рычков 82
 Рюрик 20
- С**
- Сабит ибн Корра 67, 71
 Садовничий В.А. 8, 9, 168
 Сарданапал 63, 120
 Сарра 121

- Свердлов Н.М. 73
 Свида 110, 111
 Свириденко Ю.П. 40
 Свифт Дж. 160
 Святослав Ярославич 31, 32
 Святский Д.О. 39, 176, 177
 Селиванов С.М. 176, 177, 178
 Сенусерт 89, 125
 Сервий 118, 131
 Сергеев В.С. 20
 Сергеев И.А. 152, 153
 Сесак 97, 122–128, 143
 Сесонхис 89
 Сесоосис 94
 Сесострис 89, 94, 97, 102, 115–118,
 122–126, 128, 129, 143
 Сет 128
 Сетосис 97, 126, 140
 Сеченов И.М. 165
 Сикион 110
 Сильвестр 211
 Симон Р. 107, 109, 139, 142
 Синай Я.Г. 9
 Сириций 210
 Скалигер И. 76, 79, 80, 84, 101, 141
 Скалигер Ю.Ц. 79
 Смирдин А.Ф. 46
 Смирин В.М. 47, 48, 193, 197
 Смит Э. 182, 197
 Сократ 163
 Соловьев 176, 178
 Соловьев В. 168
 Соловьев С.М. 155
 Соломон 22, 97, 102, 114, 115, 118,
 122, 123, 125–127, 136, 142
 Солон 118, 132, 133
 Солонарь П. 190–192, 197, 219
 Софокл 111, 114
 Спенсер И. 115, 142
 Спиноза Б. 104, 109
 Сталин И.В. 165, 166
 Стамова И.И. 76
 Стекелей 115
 Стеньен Дж 102, 141
 Стивенсон Р.Л. 157
 Струве В.В. 182, 195, 197
 Струйк 172
 Суворов А.В. 165, 190
 Сулейменов О. 183, 197
 Сулла Луций 193
 Суриков В.И. 165
 Сусак 89, 97, 122
 Сытин И.Д. 159, 168
- Т**
- Тарантога 35
 Тарквиний Гордый 193
 Татиан 98
 Татищев В.Н. 82
 Тацит Корнелий 170–172, 175, 180,
 181, 188, 197, 201
 Тевкр 118
 Тезей 126
 Текстор 79
 Телегон 87
 Телемах 87
 Теодульф, еп. Орлеанский 184
 Теон Александрийский 169
 Теон из Смирны 72
 Тертуллиан 98, 188
 Тимендорф 163
 Тимофей 107, 110
 Тиридат 171
 Тифон 93, 121, 128, 129
 Тихий И. 35
 Тихо Браге 34
 Тихон, архимандр. 32
 Тойнби А. 22
 Толстой И.И. 198
 Толстой Л.Н. 161, 165
 Торнелий 101, 102, 124
 Тохтамыш 11
 Триптолем 87, 93, 119
 Трифон Иудей 148

Тумер Дж. 70
 Тургенев И.С. 161
 Турнебю А. 77
 Турчинович Н.Т. 178
 Тутанхамон 49, 50, 51, 56
 Тутмос 97
 Тутмосис 127, 143
 Тэль 101

У

Удальцова З.В. 199
 Уистон 103, 107, 137, 143
 Улугбек 34, 71
 Ульянов 9
 Умберто 21
 Умберто I 21
 Ушер Дж. 101, 141

Ф

Фабрициус 84
 Фалес 95, 130, 131, 135
 Фальконпи 184
 Фараби 202
 Федор Алексеевич, царь 20
 Федоров Иван 213
 Феликс I 210
 Феликс II 210
 Феогнид 202
 Феопомп 85
 Фергюсон К.В. 39
 Ферекид 95
 Ферон 89, 122
 Фигнер В.Н. 157
 Фидон 132, 133
 Филон из Библа 91, 125
 Фирсов Л.В. 197
 Фичино 181, 216
 Флавий Иосиф 85, 88, 91, 95–97,
 102, 114, 116, 122–126, 143, 203
 Флемстид Дж. 70
 Флетчер А. 175
 Фолар (де) 191

Фома 63
 Фоменко А.Т. 6–16, 18–21, 23–27,
 29–31, 33, 35–43, 47–49, 51, 53,
 55–57, 60–63, 80, 144, 154–157,
 161, 163, 165–169, 175, 193, 196,
 199, 200, 217–219
 Фонтеюс 170, 172
 Фотий 95, 118, 126
 Франс А. 211
 Франциск Ассизский 63
 Фрезер Дж. 50, 114
 Фрере 105, 138
 Фридман А.А. 156
 Фриз (де) Х. 17, 39
 Фрикс 117
 Фролов Э.Д. 199
 Фукидид 7, 85, 86, 90, 96, 111
 Фурсенко А.А. 199

Х

Хазард П. 140
 Хайнсиус Д. 76
 Халькийкос 87
 Хам 116
 Харитонович Д.Э. 200
 Хеопс 89, 122
 Хефрен 89, 122
 Хирон 134, 135, 136
 Храбров В.А. 154
 Хэмилтон Н.Т. 73

Ц

Цезарь Гай Юлий 8, 60, 61, 79, 180,
 184
 Цельс 188, 189
 Цех 172
 Цицерон Марк Туллий 79, 99, 181,
 184, 185, 188, 197, 198, 201

Ч

Чайковский П.И. 165
 Чашихин У.В. 47

Чейс А.Б. 197
 Чернышевский Н.Г. 165
 Чехов А.П. 165
 Чижевский Л.А. 22
 Чингисхан 41

Ш

Шампольон Ж.-Ф. 51–55, 84, 187
 Шатенер (де) Луи 79
 Шафаревич И.Р. 11
 Шахматов А.А. 35
 Швейк Й. 205
 Швейнфурт 50, 51
 Шевеленко А.Я. 153
 Шевченко М.Ю. 42
 Шекспир В. 23, 27
 Шепонк 97, 102, 116, 119, 122, 128,
 143
 Ширяев А.Н. 10, 11
 Шишова И.А. 198
 Шлецер А.Л. 28
 Шоув Д.Дж. 17, 39, 175
 Шпенглер О. 22
 Шрамм Э. 191, 192
 Штауде Н.М. 176–178

Щ

Щепкин В.Н. 146
 Щербина Н.Ф. 157

Э

Эберс Г. 182, 197
 Эвктемон 74
 Эгеон 119
 Эгинхарт 189

Элли Дж.Э. 17, 39
 Эллингтон А. 70, 71
 Эдип 77
 Эйлер Л. 67, 143
 Эйнштейн А. 70, 71, 177
 Элебрахт П. 54, 55
 Энгельс Ф. 166
 Эпиктет 203
 Эпикур 184
 Эратосфен 67, 72, 131
 Эреxfей 93, 94, 119
 Эрн В.Ф. 146–148, 162, 166, 168
 Эсхил 128
 Этьенн А. 84, 111
 Эхнатон 54
 Ээт 128, 143

Ю

Юдин П. 167
 Юдифь 116
 Юлия, дочь Августа 171
 Юнгероv П.А. 146, 153
 Юпитер 115
 Юстин Философ 148, 153

Я

Яглом И.М. 167
 Якоби Ф. 140
 Япет 128, 129
 Ярослав I Владимирович Мудрый
 32, 36
 Ясон 128, 135, 136
 Яфет 116
 Яхмос 97
 Яшнев Ю.В. 4

АНТИФОМЕНКО

АНТИФОМЕНКОВСКАЯ МОЗАИКА

Научное издание

ISBN 5-93165-045-8

9 785931 650456

Редактор *Настенко И.А.*; корректор
Рудакова И.А.; технический редактор,
верстка *Пугачева О.Е.*; художествен-
ное оформление, макет SPSL.

Подписано в печать 20.04.2001. Пе-
чать офсетная. Гарнитура Баскервиль.
Формат 60 x 90 / 16. Бумага офсетная.
Объем 14,5 п/л. Заказ № 59

Изд. лаборатория SPSL – издатель-
ство ОО НЦЖ «Русская панорама»,
лицензия ЛР № 030734 от 29.04.97.
143088, Московская область, Одинцов-
ский район, п/о сан. Герцена, а/я 01.
Телефон/факс: (095) 5929740.
Кор./пункт: 9172206.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Облиздат». 248649, г. Калуга,
пл. Старый Торг, 5.

В издательстве
"Русская панорама" в серии
"Антифоменко" опубликованы:
«Мифы "новой хронологии"»;
«Русская история
против "новой хронологии"»;
«Астрономия
против "новой хронологии"».
Будет ли четвертый
из выпущенных нами сборников
в этой серии последним?
Достаточно ли инъекция
от лженауки?
Хотелось бы в истории
с "новой хронологией"
поставить
точку

«АНТИФОМЕНКО»